

Николай Черкасов

ВИДИМ

В

Николай Черкасов

В И Н Д И И

**ПУТЕВЫЕ
ЗАМЕТКИ**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ЛЕНИНГРАД 1952

С детских лет Индия рисовалась в моем представлении сказочной страной. В школьные годы я зачитывался книгами о приключениях в джунглях, об охоте на тигров и диких слонов, о факирах и заклинателях змей. Эти картины Индии манили воображение ребенка. Я представлял себя бесстрашным охотником, мысленно восхищался необъяснимыми фокусами факиров, с замиранием сердца наблюдал за прожорливыми крокодилами, поджидающими свою добычу в священных водах Ганга.

В юношеские годы в студии молодого балета в Петрограде, в спектакле «Баядерка», я играл молодого брамина. Но это отнюдь не давало мне никакого права считать себя знатоком Индии. С годами мои представления о ней, естественно, стали иными. Я узнал о многих замечательных произведениях архитектуры, созданных безыменными великими зодчими индийского народа, и в то же время в моем сознании как-то не укладывалась мысль о том, что огромный талантливый народ находится под гнетом английских колонизаторов, высасывающих из него все соки и силы. Я читал газеты и с негодованием узнавал о все новых и новых утонченных издевательствах, которые англичане допускали в отношении индийцев. Сообщения о страшной нищете, о ежегодно вспыхивающем голоде, уносящем миллионы жизней, преисполняли мое сердце глубоким негодованием и обидой за народ, томящийся в тисках колониального гнета. Но все же эти представления были очень поверхностны, далеки от действительности.

И вот мне предстоит побывать в этой стране. Прогрессивные деятели индийской кинематографии пригласили режиссера В. Пудовкина и меня приехать в Индию. Мы согласились. Фестиваль советских фильмов хотя и закончился, но нас все же просят приехать.

Начались сборы в далекий путь. Обязательно нужно было сделать прививки против оспы и некоторых других эпидемических заболеваний, иначе на границах южноазиатских государств нас не пропустят. В одной из московских поликлиник нам делают прививки. Мы относимся к этому несколько иронически, и пожилой врач, видя, с какой улыбкой я подставляю ему руку для укола, говорит:

— Не иронизируйте, товарищ Черкасов. Вот Вера Федоровна Комиссаржевская поехала на гастроли в Среднюю Азию, прививки против оспы не сделала и погибла там от этой страшной болезни.

Проходит несколько дней. Все готово: заграничные паспорта получены, проверены металлические бобины с фильмами, которые мы везем с собой, в чемоданы уложены летние костюмы.

Конец декабря. В Москве — приятная сердцу северянина погода: холодновато, снежно. Что ждет нас впереди?

Выясняется, что ближним путем — через Афганистан — в это время года лететь нельзя. Из-за снежных бурь самолет не сможет преодолеть вершин Гиндукуша. Нам рекомендуют другой маршрут, очень далекий и кружной: Москва — Прага — Рим — Каир — Бомбей. Путь намного удлинится. Но делать нечего — полетим так!

Еще даже не светает, когда мы приезжаем на Внуковский аэродром. Прощаемся с близкими, с друзьями, занимаем места в самолете.

Мы на пути в Прагу. Летим среди облаков. Зимнее солнце скупно проглядывает сквозь стекла иллюминаторов.

Из кабины выходит летчик.

— Пролетаем над Краковом.

Внизу, под обрывками облаков, видим красавец город с остроконечными шпилями старинных соборов,

с башнями знаменитого замка Вавель. Слева от нас возникают пики высоких гор. Это Татры. Здесь в Закопане, у подножия Татр, в 1912—1913 годах жил великий Ленин.

Миновав Татры, выходим из облаков. Приближаемся к Праге. На аэродроме чехословацкие солдаты расчищают снег. Оказывается, здесь бушевала небывалая снежная буря.

Нам предлагают отдохнуть два-три часа, и мы едем в гостиницу Алькрон. Чехословацкие деятели театра и кино за обедом спрашивают нас о московских новостях, обещают на обратном пути из Индии показать нам новые фильмы, которые в ближайшее время выпустит киностудия Барандов.

В беседе время пролетает незаметно, пора возвращаться на аэродром. Большой самолет ДС-4 скандинавской аэролинии уже ожидает нас. В кабине более сорока удобных мест для сидения. Вспыхивает световой сигнал: «Курить нельзя; прикрепитесь ремнями к креслу».

Самолет подруливает к взлетной площадке. Рев моторов, бег огромной машины по дорожке, и мы уже набираем высоту. Две стройные девушки-стюардессы с профессионально-любезной улыбкой разрешают открепить ремни; можно курить. На картонном подносике они подают горячий бифштекс.

Приближаемся к Вене. С земли желтые снопы прожекторов указывают пилоту место приземления. Снова световой сигнал: «Курить нельзя; прикрепитесь ремнями к креслу».

В Вене — час отдыха. Проходим через какой-то большой мрачный ангар. На аэродроме много разрушенных строений. Незаметно, чтобы их восстанавливали. Попадаем в комнату отдыха. Чиновники проверяют наши паспорта.

Снова в полете. Самолет забирается все выше. Летим над Альпами в сплошных облаках. Альтиметр показывает более 5000 метров. Трудно дышать на такой высоте. Часа через полтора начинается снижение. В темноте летим уже над итальянской территорией: видны огоньки городов.

На римском аэродроме нас встречают друзья из Совэкспортфильма.

— Самолет в Индию,— сообщают они,— будет только через неделю.

— Досадно!

Едем в Гранд-Отель — лучшую гостиницу Рима. Наши друзья беспокоились, что для меня не найдется длинной кровати. Поэтому в номере поставили две кровати рядом, чтобы я мог лежать на них по диагонали. Опасения оказались излишними: вполне хватило и одной. . .

В ресторане много публики. У дверей — я невольно обратил внимание — сидели за столиками размалеванные и напудренные старухи. Страшные, с корявыми, подагрическими руками, они с жаром о чем-то сплетничали. Я не вытерпел и спросил официанта, кто они?

— Богатые американки, миллионерши. Они приезжают сюда зимой погреть свои кости и, как знать, быть может тряхнуть давно минувшей молодостью и найти «амико» — дружка. Денег-то у них очень много. . .

Большая часть столиков занята американскими военными. Они много пьют, шумят, нагло оглядывают женщин.

На следующий день после завтрака мы, не теряя ни одной минуты, поехали осматривать город.

Тут и там встречаются группы иностранных туристов, главным образом американцев. Наши друзья рассказывают нам об одном американце-туристе. Приехав в Рим и впервые увидев развалины Колизея, он воскликнул:

— Здорово наша авиация поработала!

Из окон машины наблюдаем за толпой. Встречаются военные в черных шинелях, в золотых касках с черными хвостами. Оказывается, это королевская гвардия. Их опять одели в старинную форму совершенно опереточного покроя.

Подъезжаем к собору святого Петра. По улице, ведущей к собору, много домов. Это гостиницы для приезжих, построенные в 1950 «Святом году». Дома и фонтаны вдоль улицы никак не подходят к ансамблю, соз-

данному великими мастерами прошлого, уродуют его, просто режут глаза.

Празднование «Святого года» в Италии учредил папа Бонифаций, какой по счету — не помню. Раньше эта «дата» праздновалась раз в сто лет. Потом ее стали отмечать раз в пятьдесят лет. Теперь, по коммерческим соображениям, «Святой год» празднуется раз в двадцать пять лет.

На улицах Рима видим толпы католических монахов и священников. Одни идут неторопливой походкой, другие едут на мотоциклах. Смешно наблюдать, как монах, подъехав к храму, соскакивает с мотоцикла, хватается за свой портфель, деловито взбегает в храм, опускается на колени, быстро-быстро шепчет слова молитвы и, выбежав из храма, заводит мотоцикл, едет дальше.

Нам рассказывали, что нынешнее празднование «Святого года» не было столь помпезным, как некогда. Когда во время большой церемонии среди толпы в паланкине проносили папу, верующие не повергались ниц и не впадали в экстаз при виде этого некоронованного владыки. Лишь небольшие группы фанатиков или специально нанятые Ватиканом агенты пытались изобразить религиозный подъем и что-то кричали, бия себя в грудь.

В городе и в аэропорте можно было купить ликер, который продавался в бутылках, изображающих собор святого Петра. Коммерсанты из Ватикана выпустили это юбилейное «издание» своей ликерно-водочной продукции к «Святому году»; как упустить такой случай заработать!

Входим в собор, в один из приделов, к великому творению Микель Анджело «Пьета» («Милосердие»): дева Мария, сидя, держит на коленях сына, снятого с креста. В фигуре распятого чувствуется тяжесть, ноги свешиваются, его немощное, измученное тело лежит на коленях девы Марии, и ее правая рука, поддерживающая сына за грудь, слегка как бы вдавилась в нее.

На сводах храма, среди золотых украшений, вылеплены белые фигуры полуобнаженных женщин в соблазнительных позах, — как нам сказали, любовниц разных пап, изваянных по их приказанию под потолком.

Наши спутники рассказывают, что после войны в коммунистическую партию Италии начали вступать многие католики. Дело дошло до того, что в одном маленьком городке в день престольного праздника из храма некому было вынести изображение Мадонны.

Мы обратили внимание, что в соборе вдоль стен множество кабинок, в которых «отпускаются грехи». На кабинках приколоты кусочки картона с типографскими надписями «Грехи отпускаются на французском языке», «на английском и немецком языках» и так далее.

Едем в музей, устроенный в палаццо, где жил Муссолини. Там можно увидеть «Леду» Леонардо да Винчи. Это величайшее произведение гениального мастера нас так же глубоко потрясло, как и творения Микель Анджело. Чем больше смотреть на Леду, тем она кажется рельефнее, будто отделяется и выходит из общей композиции картины. Леда выполнена в светлых тонах, фон и окружающее ее — в темных. Рядом с ней стоит могучий лебедь, а она, чуть-чуть отвернув голову от лебедя, едва заметно улыбается, и ее ноздри слегка расширены.

Великий художник не пожалел красок, обличая жестокое и обнаженное сладострастие.

Вечером нам сообщили, что завтра в четыре часа дня можно будет вылететь, — прибывает самолет компании Аэро-Индия.

Готовясь к отъезду, мы все же успели еще раз проехаться по городу, заглянуть в старинную часть Рима. Здесь узенькие улочки, ветхие дома. Из окон через улицу ярусами протянуты веревки, на которых сушится старенькое, заплатанное белье. Американцы в этих кварталах показываются редко. Они знают, как их здесь ненавидят и презирают.

Мы зашли в маленькую лавочку и спросили напиток кока-кола. К нашему удивлению, продавец начал ругаться и кричать:

— Почему вы просите какую-то гадость, когда у нас есть замечательные национальные напитки? Эти дряни американцы так наводнили нашу страну своим напит-

ком, отдающим аптекой, что господа иностранцы, наверно, думают, будто в Италии и выпить больше нечего!

Ошарашенные каскадом брани, улыбаясь, мы сказали, что спросили коку-колу ради шутки, увидев рекламу на витрине.

— Что реклама! Нас заставляют выставлять ее!

И долго еще продавец на все лады поносил американских оккупантов. Узнав, что перед ним русские, он предложил нам выпить по бокальчику вина, и, угощая, все время повторял: «О, руссо, руссо, совет!»

Итальянцы произвели на нас самое хорошее впечатление. Они добры, сердечны, приветливы; узнав, что имеют дело с советскими людьми, всегда старались выказать нам свое расположение.

Садимся в большой четырехмоторный самолет компании Аэро-Индия. Прощаемся с друзьями. Заводят моторы. Потом объявляют, что один мотор в неисправности, просят всех выйти из кабины. Торчим в аэропорте пять часов, пока ремонтируют двигатель. Лишь в девять часов вечера, когда совсем стемнело, поднялись в воздух.

Летим в таком же большом самолете, как и от Праги. Но теперь обслуживающий персонал — индийцы.

В самолете притушен свет. Пассажиры утомились, дремлют.

Самолет в пути нагонял потерянное из-за ремонта время. Вместо шести часов мы летели над Средиземным морем и Северной Африкой только четыре часа и приземлились на каирском аэродроме. К сожалению, до города далеко, съездить туда не успеем. Полицейские проверяют документы. Нас приглашают в ресторан. Прохладно, дует свежий ветер. Впервые вижу людей в фесках, с шеями, замотанными шарфами. Уже ночь. В ресторане аэровокзала сидят какие-то каирские гуляки: человек восемь мужчин и одна женщина. Очевидно, приехали в аэропорт допивать — весело разговаривают и шумят.

Через сорок минут сигнал — пора занимать места в самолете. Выходим и останавливаемся в изумлении: в

небе лежит ущербленная луна. Именно лежит, ибо недостающий ей ломоть отрезан не по вертикали, а по горизонтали.

Снова самолет в воздухе. Лететь предстоит восемнадцать часов без посадки, до самого Бомбея. Спать невозможно из-за шума моторов.

Под нами Аравийский полуостров. Через небольшие «окна» в облаках видны фантастические зигзаги, вычерченные ветром на песке.

Быстро светает, всходит солнце. Летим ему навстречу. В прогалинах облаков видны холмы, устья высохших рек серовато-красноватого цвета.

Подают еду. Из ручек кресла выдвигают небольшие кронштейны и устанавливают на них пластмассовые подносы.

Летим уже шестнадцать часов.

Часа за два до приземления в Индии обслуживающий персонал экипажа раздает всем анкеты:

«Где вы были два дня тому назад?» — гласит один из вопросов. «Где вы были четыре дня назад?», «Шесть, восемь, десять, двенадцать дней» и т. д.

«Чем вы болели неделю тому назад? Две недели тому назад, три недели?» и т. д. «Что вы везете? Есть ли у вас сигареты и сколько? Нет ли у вас с собою спиртного?»

На все вопросы надо отвечать обстоятельно и точно.

Под нами Аравийское море. Самолет летит высоко. Волн не видно, но если взглядеться вниз, едва приметные маленькие полоски, как чешуя на рыбе, показывают, что Аравийское море волнуется. В поле зрения то там, то тут попадают маленькие лодочки с парусами, — очевидно, рыбаки, выехавшие на промысел.

Уже восемнадцать часов мы летим от Каира без посадки. Чувствуем себя неважно, а тут еще эта анкета. . . Для ответа на все вопросы не хватит и пяти часов. Самолет набит пассажирами. Сидят индийцы: пожилой мужчина с седоватой бородой и усами, в голубой чалме, видимо ученый; женщина в национальном костюме с нарисованной на лбу красной точкой, рядом с ней ее муж в европейском костюме. . .

Впереди показались берега Индии. Подлетели к Бом-

бею, едва закончив заполнение анкет. Легкий толчок — колеса коснулись земли, самолет бежит по дорожке и вот уже подруливает к зданию аэропорта.

Наша первая советская кинематографическая делегация вступает на индийскую землю. На бомбейском аэродроме — толпа. Мужчины и женщины — в легких белых национальных одеждах, полицейские — в трусиках и пробковых шлемах. Нас встречают представители организаций прогрессивной молодежи, Общества друзей Советского Союза, деятели индийской кинематографии.

Случайно ловлю взгляд какого-то индийца, с улыбкой смотрящего на мои ноги. Ничего не понимаю. Индеец уже просто смеется. Я гляжу вниз и обомлеваю. На моих ногах блестят новенькие, специально купленные перед отъездом из Москвы калоши. Я забыл, что в Индии в это время года дождей не бывает!

Сегодня 31 декабря, но в Бомбее очень жарко. Мы думали, что Новый год придется встретить в пути, в воздухе. Нам посчастливилось: встретим его на земле.

Началась длинная и мучительная процедура проверки паспортов, заполнения бесчисленных анкет и таможенного осмотра. В таможене тоже интересуются анкетами.

— Вы везете бутылку коньяку и бутылку шампанского. У нас сухой закон. Вино надо оставить в таможене.

Коньяк и шампанское предназначались для встречи Нового года. Если отдать вино таможенным чиновникам, они все равно разопьют его. Тогда я сказал: «Господа, давайте выпьем вместе с вами, здесь, в таможене. Сегодня 31 декабря — через несколько часов наступает Новый год. У нас есть обычай встречать его...»

Мои слова вызвали веселое оживление, таможенники смилостивились и не притронулись к нашему скромному запасу.

После трехчасовых мытарств мы наконец вошли в аэровокзал. Все встречавшие ожидали нашего выхода из таможи. Собралась довольно большая толпа.

Кто-то воскликнул: «Да здравствует Советский Союз!» Присутствующие подхватили приветствие. По трогательному индийскому обычаю нам на шею надели

огромные гирлянды из роз. Мы сели в машину и, провожаемые приветственными возгласами, двинулись в Бомбей, находящийся в сорока километрах от аэропорта.

Автомобиль мчался по левой стороне шоссе. Не сразу можно привыкнуть к левостороннему движению транспорта; нас беспокоил вид встречных быстро мчавшихся машин.

Подъезжая к окрестностям Бомбея, мы увидели большой поселок беженцев из Пакистана. Маленькие клетушки сделаны из фанеры, кусков железа и старой жести, палок бамбука и прессованных листьев. В некоторые из этих клетушек войти невозможно — можно только влезть. Перед убогими жилищами играют голые дети; тут же, на корточках сидят их матери, одни готовят пищу на маленьких очагах, другие чинят лохмотья. Так во многих городах Индии живут сотни тысяч беженцев индийцев, которые были вынуждены покинуть свои родные места при разделе Индии на Индостан и Пакистан.

Вот оно, народное несчастье, о котором мы слышали еще у себя на родине!

Напомним, что в 1947 году английские колонизаторы произвели раздел страны на две части: Индийский союз и Пакистан. Этот раздел был произведен по религиозному признаку, без учета национального состава населения и его народнохозяйственных и экономических интересов. Расчленением страны англичане нанесли огромный вред ее экономике. На улицу были выброшены десятки тысяч рабочих. Многие текстильные предприятия Индии остались без сырья, в то время как многочисленные хлопчатобумажные фабрики Пакистана оказались не в силах перерабатывать огромное количество собираемого там хлопка.

Англичане контролируют банки, внешнюю торговлю, стремятся держать экономику Индии, флот, авиацию в своих руках, осуществляя свою главную задачу: сохранить отсталость, зависимость индийских народов. В последнее время англичане вынуждены потесниться, уступая все больше места американцам.

О том, каких размеров достигло обнищание индий-

ского народа вследствие двухсотлетнего господства англичан, мы уже знали. И вот в первые же четверть часа пребывания в этой стране, славящейся несметными богатствами природы и земных недр, мы видим тяжкие картины этой нищеты. . .

Приближаемся к городу. Впереди большие металлические жбаны из-под бензина, размалеванные разными красками. Они расставлены на улице в шахматном порядке. Полицейские в форменных мундирах, в высоких красных шапках и трусиках указывают водителям проезд, и машины, ловко лавируя между жбанями, продолжают путь.

Справа от нас — Аравийское море. На большой излучине — пляж; много людей вышло к морю подышать свежим вечерним воздухом. Летает множество бесхвостых воздушных змеев, запускаемых в воздух маленькими индийцами, — и здесь это одно из любимых развлечений детворы.

Машина резко сворачивает влево, и мы въезжаем в центральную часть города. Это район особняков и богатых домов с садами.

Сегодня новогодний вечер. В квартире уполномоченного Совэкспортфильма на потолках вентиляторы. Без них, особенно в летние месяцы, существовать невозможно. Вентиляторы в движении и сейчас. Окна и двери раскрыты настежь, чувствуется приятный сквозняк.

В двенадцать часов ночи встречаем Новый год с нашими друзьями. Провозглашаем тост за далекую любимую родину, за родных и друзей. Несмотря на долгий, утомительный путь и на жару, спать не хочется, — слишком много впечатлений за эти несколько часов пребывания в Бомбее.

Когда все расходятся по своим комнатам, я выхожу на балкон, смотрю на пальмы, тихо шелестящие остролистыми ветвями. Чувствуется слабое дуновение морского ветра. Черное небо усеяно звездами, и небо не похоже на наше, — Большую Медведицу я не нахожу, а луна, как и в Каире, разрезанная по горизонтали, лениво развалилась над морем.

В два часа тридцать минут ночи мы собрались еще раз, чтобы встретить Новый год уже по московскому

времени, мысленно со своими родными и близкими, со всем советским народом.

Надо ложиться спать; в семь часов утра предстоит вылет в столицу Индии Дели.

В пять часов мы уже на ногах, снова мчимся по улицам, еще пустынным в этот ранний час. Солнце уже высоко, ласково греет, и теперь при его свете можно более подробно разглядеть здания, их архитектуру, рассмотреть людей, торопящихся на работу. Вот идет женщина-труженица с ребенком. Малыш сидит у нее сбоку, на бедре, словно верхом, а она рукой поддерживает его за спину. Поднимаемся в кабину самолета. Командир воздушного корабля — индеец в чалме, с усами и бородой, — сикх. Впоследствии мы не раз могли убедиться, что индийцы-сикхи выбирают профессии инженеров, техников, авиаторов, шоферов. По древнему национальному обычаю, они любят пышную растительность на лицах, ухаживают за бородой и даже носят особые «борододержатели».

В самолете много индийцев, но, конечно, здесь нет простых, неимущих людей.

При взлете самолет делает круг над Бомбеем, который, по существу, стоит на острове и соединен с материком двумя перемычками. Поднимаемся выше и выше. Под нами простираются небольшие квадратики хлебных полей, рисовых плантаций. Видны очертания небольших извилистых рек с высохшими старыми руслами.

Земля великого народа, страна с большим историческим прошлым, огромной древней культурой и большим будущим!

Приближаясь к Дели, видим в воздухе множество парящих коршунов, ястребов и грифов. В Индии они несут своеобразную санитарную службу, питаются падалью, различными отбросами. Убивать птиц здесь стаожайше запрещено.

На аэродроме столицы Индии нашу делегацию встретили представители советской колонии во главе с послом Советского Союза товарищем Новиковым.

Новый Дели начал строиться сорок лет тому назад. Это большой современный город, с особняками, малоэтажными домами, окруженными тенистыми садами,

многочисленными магазинами на круглых площадях. Обращают внимание казармы, сооруженные англичанами и американцами в годы второй мировой войны. На улицах, окаймленных пальмами и стройными кипарисами, немногочудно и чисто.

Сегодня первое января, но на солнцепеке невозможно стоять. Лишь тень ласкает своей прохладой. Дели — север Индии. Тем не менее пышные лиственные деревья украшены удивительно красивыми цветами, напоминающими тюльпаны — красными, оранжевыми, лиловыми. К вечеру местные жители зябнут, обматывают голову и шею шарфами, чтобы согреться, а ноги у них босы.

Днем на улицах большое количество велосипедистов, но ездят они почему-то по тротуарам, предназначенным для пешеходов, толкают их и едва не сшибают. На багажниках у велосипедистов сидят пассажиры — взрослые, дети и даже старики.

Куда ни посмотришь — всюду множество птиц и каких-то необыкновенных, полосатых белочек. Белочки лазают по стенам домов, по деревьям, перепрыгивая с одного на другое. Некоторые птицы прыгают, как воробьи, но величиной они с добрую курицу. С пронзительным криком, разрезая воздух, словно ласточки, носятся над улицами зеленые попугаи. Рано по утрам я просыпался от непривычного крика птицы. Она подлетала к ванной комнате, засовывала свой клюв в вытяжную узорчатую решетку вентилятора и сильно кричала. С наступлением темноты раздавался жалобный и капризный вой шакалов, стаями пробежавших по городу, по паркам и садам в поисках пищи. Шакалы тоже несут санитарную службу, поедая городские отбросы.

Во время одной из прогулок в окрестностях Дели мы увидели большое количество обезьян. Они превосходно себя чувствовали, сидя на деревьях, на каменных заборах, огораживающих парки. Для нас это было необычное зрелище. Мы купили пакетики с китайскими орехами и решили угостить маленьких животных. Один из наших спутников издал гортанный крик, и к нам стали подбегать десятки обезьян. Ничуть не боясь людей и не смущаясь, животные брали из наших рук орехи и сразу же отбегали. Обезьяны издавали странный

скрип и писк, словно переговаривались и переругивались друг с другом. Во время последующих поездок по Индии мы видели этих животных целыми стаями, как воробьев на наших деревенских дорогах, и они уже не поражали нас.

Индийские друзья рассказывали, что в Индии, по самым скромным подсчетам, живет около 80 миллионов обезьян. Это подлинный бич для населения: обезьяны пожирают посевы на полях и плоды в садах индийских крестьян. Но уничтожать обезьян запрещает обычай.

В старом Дели, где ютятся беднейшие классы населения, нас поразило множество бродячих коров. Коровы, наравне с людьми, ходят по тротуарам или лежат, отдыхая, на мостовых, и автомобилисты осторожно объезжают их.

Спрашиваю у одного индийца:

— Кому принадлежат эти коровы?

— Никому не принадлежат. Это священные животные. В нашей стране тысячелетиями господствуют суеверия и предрассудки, с которыми нам, представителям прогрессивной интеллигенции, все еще трудно бороться. Во время вашей поездки по Индии,— продолжал он,— вы встретитесь еще и не с такими фактами.

Индиец оказался прав: многое поражало и удивляло нас. Владычество английских колонизаторов наложило свой отпечаток на все стороны духовной и материальной жизни этой большой и древней страны. Оно затормозило ее развитие на многие десятилетия. Однако наши встречи в Индии со множеством талантливых людей убедительно показали нам, какие колоссальные возможности заложены и пока еще дремлют в этой огромной стране и ее великом народе.

Летим в Калькутту. Под нами те же квадраты и прямоугольники хлебных и рисовых полей, извилистые реки. Приближаемся к гигантской реке Ганг. Этой зимой она высохла, пожалуй, на три четверти, но в центре русла видна вода. То тут, то там большие плотины преграждают путь воде, направляя ее в оросительные каналы. Высохшая часть русла занесена яркожелтым песком.

Пролетаем над деревнями с тесно скученными хижинами. Появляются холмы, между ними змейками извиляются почти высохшие горные речушки. Квадраты водоемов, обрамленных сочной зеленью, деревьями, — дело рук крестьян, трудолюбие которых известно всему миру. Цвет воды сверху то серый, то бирюзовый, то малахитовый. От водоемов отходят узкие ленточки каналов, орошающих рисовые поля.

В Калькутте нас встречает масса людей. Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжат автоматические кинокамеры. Мы уже стали привыкать к обычаю, который велит гостеприимным хозяевам надевать на нас гирлянды роз и венки из белых, приторно пахнущих лепестков какого-то цветка. На темных лицах индийцев — улыбки, озаренные удивительно красивыми глазами. Эти глаза согревают нас особой лаской и симпатией. В приветственных речах, в рукопожатиях чувствуется искренняя приязнь и расположение индийцев к нам, посланцам великой Советской страны, которую здесь любят.

Калькутта расположена вдоль рукава Ганга и до 1911 года была столицей колониальной Индии. Этот город является центром наиболее развитой провинции Индии — Бенгалии, славящейся своей богатой литературой и искусством. Здесь родился, жил и работал Рабиндранат Тагор.

Английские колонизаторы Индии были обеспокоены быстрым политическим развитием Бенгалии. Они неоднократно принимали меры к разделу и разобщению этой провинции, и с этой целью столица была перенесена в Дели.

В Калькутте официально числится шесть миллионов жителей, но наши индийские друзья говорили, что их значительно больше — до восьми миллионов. Калькутта, как и Бомбей, наводнена огромным количеством беженцев из Пакистана, влачащих жалкое существование. У них нет ни работы, ни крыши над головой.

Раздел Индии на две части причинил невероятные страдания простым людям — трудящимся индийцам и мусульманам. Реакционные элементы Индии и английские империалисты, заинтересованные в колониальном грабеже, подстрекают население к религиозной вражде,

чтобы отвлечь трудящихся от насущных социальных проблем.

По пути в Калькутту проезжаем мимо больших водоемов, опоясанных зеленью и пальмами. На шоссе перед нами копошится какая-то живая серая куча. Оказывается, это грифы — огромные орлы с голыми шеями — пируют на туше издохшей коровы. Зловещие птицы, не обращая внимания на резкие сигналы мчащегося автомобиля, продолжают свою тризну. Наш шофер вынужден затормозить машину, чтобы объехать это отвратительное копошащееся месиво. Подобные картины мы не раз наблюдали во время нашего путешествия по Индии.

Въезжаем на центральные улицы города. Как и в Бомбее, в Дели много пешеходов, велосипедистов и... коров, бредущих по тротуарам.

В Калькутте я впервые увидел человека-«лошадь». Худой индеец-рикша, в одних трусиках, впряжен в повозку, в которой важно восседают англичане. Закинув ногу на ногу, они покуривают сигары. Сидят по двое, а то и по трое. Человек-«лошадь» обливается потом, но бежит рысцой. Он изо всех сил тянет повозку за оглобли, в левой руке держа звоночек и позванивая им в такт своему бегу. В городе очень много рикш. Свои повозки они ставят вдоль заборов или стен домов и сидят в ожидании клиентов.

Рикши служат в транспортных фирмах, имеющих до тысячи, а то и больше таких повозок. Этим изнурительным трудом бедняки зарабатывают гроши. Самому рикше повозку иметь нельзя. Для того чтобы промышлять этим «транспортом», нужно иметь минимум пятьсот повозок. А это под силу лишь крупным коммерсантам, зарабатывающим на несчастных людях-«лошадях» огромные деньги.

Позже я узнал, что эта повозка была сконструирована в 1867 году американцем в Японии. Американец-миссионер Гоубл «доказал», что если на Востоке люди могут носить паланкин, то почему бы им не возить повозки? И, сконструировав повозку, «очень удобную» для человека-«лошади», он поспешил взять патент на свое позорное «изобретение». Этим «изобретением» не

замедлили воспользоваться англичане. Вот какую «культуру» и «цивилизацию» еще в середине прошлого столетия принесли американо-английские империалисты в страны Востока!

В центре города проезжаем мимо большого поля с подстриженным газоном. Англичане играют в крикет. Несколько дальше индийские солдаты гурки маршируют под звуки барабана. На площади огромный мраморный дворец Виктория-мемориал и памятник английской королеве Виктории. Официально отменив Ост-Индскую компанию, эта королева объявила Индию колонией. Так она «облагодетельствовала» народ этой страны, туго затянув петлю на его шее, и довела Индию до полной нищеты.

Во дворце мы увидели портреты многочисленных английских сановников, вице-королей и губернаторов, систематически обворовывавших народ Индии. Здесь красуется и портрет предка закоренелого колонизатора, поджигателя войны Уинстона Черчилля.

Сворачиваем влево. У памятника какому-то губернатору Калькутты множество людей суетится с лестницами и ведерками в руках. Что произошло? Ночью патриоты выкрасили голову изваяния красной краской, по приказу полиции теперь ее отмывают. Идем дальше, и на ближайшей улице такая же картина: другой губернатор, изваянный верхом на коне, тоже выкрашен в красную краску, а на голову ему надет... почной горшок. Памятников губернаторам в Калькутте очень много, и патриоты по очереди красят то один, то другой, доставляя неприятности и хлопоты полиции и удовольствие своим согражданам индийцам.

Нас спрашивают: «Хотите посмотреть, как в Калькутте сжигают покойников? Тогда едем в крематорий».

На узенькой улочке пыльно, грязно. Большое количество пешеходов, рикш, автомобилей, коров, торговцев. Встречаются прохожие в европейских платьях, но подавляющее большинство — в национальных костюмах, и мужчины и женщины. У мужчин это рубахи навыпуск и широкие белые шаровары, напоминающие юбку. Если индеец идет в европейском костюме, то рубашка у него

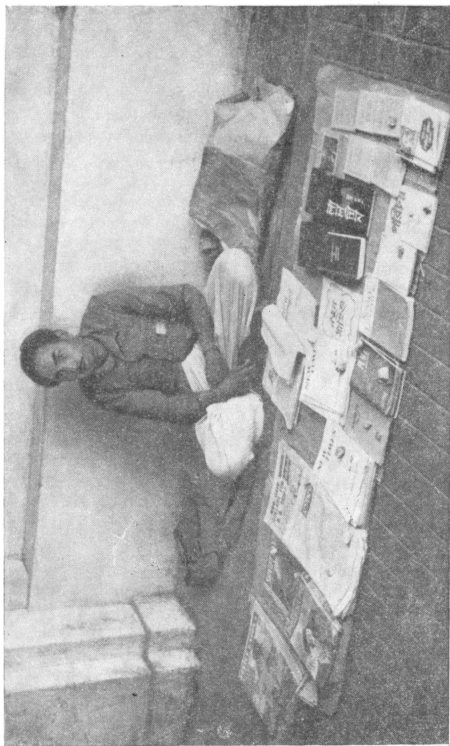
все же навывпуск. На ногах сандалии, множество мужчин босиком. Одежда женщин — красивые «сари» — огромное полотнище, в которое искусно драпируют тело. Конец его, украшенный цветистым узором или парчой, закинут на левое плечо. Сари бывает дешевое, крестьянское, его можно купить за десять рупий. Но есть сари, стоящие и три тысячи рупий, и тридцать тысяч, унизанные драгоценными камнями.

Проходит фокусник. За ним, привязанные на веревке, плетутся две обезьяны. Человек бьет в маленький барабанчик, приглашая зрителей посмотреть фокусы. Где-то играет флейтист, слышны глухие удары барабана,— бродячие музыканты тут же на улице дают свой концерт, зарабатывая гроши.

Наконец мы приближаемся к «крематорию». Об этом можно догадаться по запаху гари. Небольшая площадка под открытым небом, на ней тут и там горят костры. Покойники обложены дровами и прутьями. Кое-где костры уже догорают, а с ними и трупы умерших. Дым разъедает глаза. Спешим покинуть это мрачное место.

Едем дальше по городу. Мелькают здания в пошлом «восточном» стиле, обвешанные огромными рекламными плакатами и портретами индийских кинозвезд. Автобусы, извозчики, рикши, автомобили, коровы,— шум, гам, пыль. . .

Вечером состоялась наша встреча с членами Комитета по проведению фестиваля советских фильмов в Калькутте. Мы приехали по приглашению Бомбейского и Калькуттского комитетов фестиваля советского фильма в Индии. Огромный интерес индийского народа и общественности к советским фильмам, видимо, побудил прогрессивные круги кинодеятелей и прокатчиков организовать такой фестиваль. В крупнейших городах Индии были созданы специальные комитеты. Наряду с представителями прогрессивных организаций, в комитеты входило большинство владельцев крупнейших кинотеатров и прокатных фирм, представители национальной аристократии, литературного мира, артисты, кино-

Продавец книг в г. Калькутте

промышленники, а в некоторых городах даже судьи, которые в Индии пользуются особым почетом и избираются пожизненно. Так, например, председателем Комитета в Калькутте был судья Чандр, а Комитета в Бомбее — судья Чагла.

Демонстрация советских фильмов в городах Индии проходила с колоссальным успехом. Поэтому и интерес к нам, советским деятелям кино, был очень велик. Владельцам фирм, режиссерам хотелось установить с нами живой творческий контакт, обменяться опытом работы, послушать сообщения о советском кино, его режиссерах, актерах. Индийских кинодеятелей интересовали основные принципы создания советских фильмов и построения советской государственной кинопромышленности. Мне лично поручено было также прочесть несколько докладов о работе советских актеров в театре и кино и показать отрывки из четырнадцати больших кинокартин, в которых я снимался. В. Пудовкин должен был выступить с докладами о работе советского режиссера и показать свой фильм «Жуковский».

Наши кинокартины встречали самый восторженный прием у миллионов зрителей Индии. Это свидетельствовало о небывалом, все возрастающем интересе широких народных масс к жизни многонационального Советского Союза, к расцвету хозяйства и культуры в республиках Средней Азии, который особенно убедительно показывает мудрость ленинско-сталинской национальной политики.

Без всякого преувеличения можно сказать (об этом писалось в многочисленных индийских газетах), что приезд в Индию советских кинодеятелей должен оказать огромное влияние на развитие прогрессивной индийской кинематографии, а также помочь ликвидировать рогатки, препятствующие демонстрации советских фильмов.

Индийские кинорежиссеры рассказывали, что, по настойчивым требованиям владельцев студий, их заставляют подражать реакционным и аморальным фильмам голливудского производства. Боссы этих фирм, естественно, ставят своей основной задачей извлечь из киноиндустрии как можно больше денег, и индийские

фильмы, по словам их режиссеров, к сожалению, вместо средства воспитания широких масс, превратились в средство разложения этих масс.

— Погоня за легкой наживой,— говорили мне индийские друзья,— поглотила прекрасные идеи, с которыми начинали свою деятельность некоторые пионеры индийской кинопромышленности.

Дурное влияние Голливуда на индийскую кинематографию очень тревожит общественное мнение страны. Под воздействием прогрессивных сил правительство даже создало комитет по урегулированию ряда проблем в области производства и проката фильмов. В частности, начата борьба против показа фильмов, подстрекающих к убийству, к разврату. Однако борьба эта трудная, и завоеваний она дала не много. В этой стране на многочисленных мелких и больших киностудиях ежегодно выпускается двести пятьдесят фильмов. Но выходит на экран максимум сто. Выпуск остальных фильмов откладывается на следующий год, и они ждут своей очереди. А там уже выходят новые картины. Фильмы теряют свое коммерческое значение и вовсе не появляются на экранах.

Поэтому наш приезд и был встречен с таким интересом. Поэтому так жадно расспрашивали нас повсюду и о принципах планирования и организации советского кинопроизводства, о воспитании молодых кинорежиссеров, актеров, операторов, о заказе сценариев, о сроках создания фильмов и т. д.

Естественно, не все из нашего опыта производства кинокартин может быть использовано даже прогрессивными киноорганизациями Индии. Но передать хотя бы крупницы нашего опыта, рассказать о стране социализма, ее большом созидательном труде и борьбе за мир,— вот цель, которую мы ставили перед собой во время многочисленных встреч и выступлений в разных городах великой Индии.

Вечером в день нашего приезда у нас произошла встреча с членами Комитета по проведению фестиваля советского кино в Калькутте. В небольшом саду с подстриженным газоном, на котором стояли столы, плетеные

**На киностудии в Калькутте.
Советская делегация со съемочным коллективом студии**

кресла, шезлонги, сидели представители различных киноорганизаций, писатели, театральные деятели. Снова нам надели на шею гирлянды роз. Дамы в сари сидели с левой стороны, мужчины в национальных костюмах — с правой. Завязалась беседа. Нас угощали индийским чаем с молоком, национальными сладостями. Быстро воцарилась самая дружественная атмосфера. Переводчица едва успевала переводить вопросы индийских друзей, обращенные к нам, и наши ответы.

Вечерело. Низко-низко пролетели стаи уток, быть может тех самых уток, которые ранней весной прилетают к нам на север, а на зиму улетают сюда, в теплые края. Так вот где они зимуют! Что ж, возможно весной я встречу с ними снова уже под Ленинградом, в знакомых охотничьих местах.

Позже нас пригласили на концерт известного индийского танцора Удау Шанкара. Этот крупнейший танцовщик и балетмейстер объездил полмира и мечтает посетить Советский Союз, чтобы посмотреть знаменитый, хорошо известный и в Индии советский балет.

Мы залюбовались высоким искусством и самого Удау Шанкара и его небольшой труппы. Искусство индийского танца своими корнями уходит в глубокую древность. В нем сохранились элементы своеобразных старинных религиозных обрядов, и в то же время многое привнесено в танцы различными трудовыми процессами, охотой на зверей, воинственными походами и т. д. Хотя искусство Шанкара и несколько стилизовано, в основе своей оно глубоко народно. Налет стилизации продиктован, очевидно, требованиями американских антрепренеров и вкусами буржуазной публики, перед которой артисту приходится выступать во время своих гастролей в разных странах мира.

У индийских артистов изумительно пластичные руки. Они словно рисуют и плетут в воздухе тончайшие и самобытные хореографические национальные узоры. Индийские танцовщики и танцовщицы удивили нас своей удивительно развитой мимикой, отличающейся редкой выразительностью. Тела артистов — гибкие, изящные, я бы сказал певучие — подчиняются музыке и во время танца безраздельно живут в ней.

Танцы индийских артистов чередовались с музыкальными номерами. Музыкант, сидя на подушке, один играл на десяти барабанах, расставленных вокруг него. Он то ударял руками по этим барабанам, настроенным в определенной тональности, то едва прикасался к ним пальцами, извлекая из них легкие, чарующие своей прелестью звуки, то грохотал на басовых нотах, то снова переходил к шепоту и ласковой трели. А танцовщики, послушные музыке, рисовали нам различные картины из жизни своего народа, рассказывали о давно минувших событиях.

Выступления индийских танцовщиков и танцовщиц невольно напомнили мне искусство корейских артисток. Летом 1950 года в Москве, в зале имени Чайковского, я был на концерте знаменитой корейской танцовщицы Цой Сын Хи, выступавшей со своей дочерью, очаровательной и грациозной Ан Сын Хи. Что-то неуловимо общее было в танцах индийского и корейского народов и в музыкальном сопровождении к ним.

Индийские танцы отличаются особым колоритом. Каждый жест танцовщика или танцовщицы, сочетание этих жестов, поворот корпуса или головы означают определенное слово, мысль, фразу, хорошо понятные массовому зрителю Индии. Публика как бы «слышит» танец артиста. Наши друзья «переводили» нам этот язык народной хореографии, объясняя, что именно значит тот или иной наклон головы, то или иное движение руки, положение пальцев и т. д. Танцовщики во время танца как бы шепчут какие-то слова. Публика их не слышит, но понимает и ощущает. Это чувствовалось по той реакции, которая сопровождала выступления талантливых артистов.

Музыка подчеркивает содержание исполняемого танца. В каждый танцевальный диалог органически вплетается речь оркестра, за танцовщиков моментами говорит барабан, за танцовщиц — флейта. И с каждым новым танцем, исполняемым индийскими артистами, нам казалось, мы сами начинаем и без пояснений понимать то, что происходит на сцене.

Музыканты-профессионалы, играющие на национальных народных инструментах, своим искусством овладе-

вают с детских лет, перенимая его от отцов и дедов. Нам говорили, что профессия эта в Индии — наследственная, ибо музыкальных учебных заведений, где можно было бы научиться игре на народных инструментах, не существует.

Индийская музыка в основном — импровизационная. Каждый музыкант, исполняя то или иное произведение, привносит в него какие-то новые, свойственные его творчеству черты, обогащает его новыми мелодическими и ритмическими фразами.

Танцы — любимое зрелище индийцев, и в театре было множество публики. Концерт шел с большим успехом, зрители щедро награждали артистов аплодисментами. Мощные вентиляторы, прикрепленные к потолку театра и балконам бельэтажа, нагнетали в зал свежий воздух. Но все же было очень душно.

После концерта нас пригласили за кулисы и представили Удау Шанкару и его труппе. Мы высказали индийским танцовщикам восхищение их замечательным искусством.

Удау Шанкар благодарил за эту высокую оценку мастерства индийских танцовщиков, расспрашивал об успехах артистов советского классического балета, о национальных ансамблях народного танца.

Индийские танцовщики много знают о советском искусстве, о неисчислимом богатстве национальных танцев народов СССР. Но артисты были поражены, когда слышали от нас, какой заботой советское правительство окружает деятелей искусства.

Удау Шанкар сказал, что индийские артисты «варятся в собственном соку» и не получают абсолютно никакой помощи.

— Никто нам не помогает, не заботится о нас, и поэтому мы часто вынуждены идти на поводу у антрепренеров, которые диктуют нам свои вкусы и лишь тогда дают деньги, когда мы выполняем их требования, — сказал артист.

Примерно через месяц после этой встречи газета «Кроссрудс» опубликовала интервью с балетмейстером Удау Шанкаром.

Артист с горечью сказал корреспонденту газеты «Кросроудс»:

— На первый взгляд хореографическое искусство не имеет прямого отношения к проблемам сохранения мира. Но это только поверхностное решение вопроса. Можно поставить исключительно впечатляющие танцевальные сюиты и балеты, которые будут призывать к борьбе за мир.

На вопрос корреспондента, имеет ли Шанкар какие-либо планы создания подобного балета, он с горечью ответил:

— Планы? У меня масса планов! Я прекрасно понимаю, что мои постановки могут играть большую роль в деле культурного воспитания индийского народа. Но что я могу сделать? У меня даже нет возможности содержать достаточное число танцоров. В Советском Союзе, там действительно созданы изумительные возможности! Государство обеспечивает работников искусств всем необходимым, создает все условия для развития их мастерства. Этим и объясняются их замечательные успехи, позволяющие заявить, что советские артисты превзошли по своему мастерству всех в мире. Если бы мне помогало государство,— продолжал Удау Шанкар,— я мог бы делать многое.

«Крупнейший мастер индийской хореографии,— комментирует газета,— действительно находится в очень затруднительном финансовом положении. Для каждой постановки он вынужден занимать деньги, а недавно даже заложил свой дом».

— Разве можно работать в таких условиях? — спрашивает Шанкар.— И это происходит в стране с такими грандиозными потенциальными возможностями! Ведь мы имеем такие богатые традиции, такое изобилие тем, такое разнообразие костюмов и орнаментов, такие совершенные формы хореографического искусства! Но все эти сокровища остаются нетронутыми.

Помещая интервью с Шанкаром, газета «Кросроудс» призывает деятелей искусств Индии присоединить свои голоса к заявлению прославленного балетмейстера и танцовщика о необходимости помощи для развития на-

ционального искусства, для превращения его в средство культурного воспитания масс, в средство борьбы за мир.

Что ж, мне нечего добавить к словам Удау Шанкара, напечатанным в газете «Кросроудс». Все это я слышал и от него и от многих других честных и прогрессивных деятелей искусств Индии, скованных по рукам и ногам гнетом английских колонизаторов и реакционных кругов страны.

Наше знакомство с индийской кинематографией принесло нам много интересного и неожиданного. Индийские фильмы, как правило, очень длинны. Их демонстрация продолжается минимум два, а порой и все три часа. По неписаным законам, в фильме герой и героиня обязательно должны исполнить минимум шестнадцать музыкально-танцевальных номеров. Если такие номера не включены в фильм, зрители не станут смотреть картину.

Индийские режиссеры строго придерживаются этого правила. Если музыкально-танцевальные номера необходимы в фильмах музыкальных и, естественно, гармонируют с идеей произведения, то в реалистические картины, показывающие современную жизнь, включать танцы просто невыносимо. И все-таки даже в фильмах прогрессивного характера, в какой-то степени отражающих борьбу народа за свое освобождение, обязательно вкраплены музыка и танцы.

Переход на позиции реалистического искусства диктует режиссеру, кинооператору и актерам новые методы постановки, съемки и игры. Первый же фильм, который нам пришлось посмотреть еще в незавершенном монтаже (режиссера Джатирма Роя), не был перегружен не идущими к делу музыкально-танцевальными номерами. Фильм свидетельствовал о стремлении режиссера создать правдивое, жизненное произведение. Сюжет его таков: крупный богач-коммерсант выпускает на рынок недоброкачественные продукты, вызывающие массовые заболевания. Одновременно он вкладывает деньги в создание препарата, которым можно лечить людей, отравившихся этими продуктами. С этой целью он пригла-

шает на службу двух молодых ученых, которые в его лаборатории должны создать необходимое лекарство. В одного из этих ученых влюбляется дочь богача. Отец, испуганный возможностью «неравного» брака, выгоняет молодого человека. Молодой ученый все же продолжает работать над созданием лечебного препарата и ночью приходит в лабораторию, думая проверить на опыте свое предположение. Он залезает в дом через окно, но в это время в лаборатории происходит взрыв. Ученого обвиняют в том, что это он якобы бросил в лабораторию бомбу. Его сажают в тюрьму. Наступает день суда. Второй ученый, оставшийся в живых после взрыва, предательски показывает суду, что именно его коллега бросил бомбу. Прогрессивный адвокат доказывает невозможность совершения этого преступления. Народные заседатели оправдывают обвиняемого, но судья, имеющий право не согласиться с ними, осуждает ученого на пожизненное заключение. В фильме показаны семья ученого, отчаяние его старика отца, горе дочери капиталиста, любящей молодого человека.

Хотя фильм еще не был окончательно завершен, все же можно было судить об этом произведении. Работа актеров заслуживает высокой оценки. Артисты особенно хорошо исполняют роли капиталиста и молодого пострадавшего ученого. Блистательно играет артист роль адвоката.

Мы удивились, что вся натура фильма снята в павильоне, тогда как можно было бы использовать богатую и интересную природу Индии. Когда мы беседовали с режиссером и высказывали ему свои впечатления и замечания, он остался очень доволен ими и попросил нас немедленно сделать это в письменном виде: «Мне очень важно,— сказал он,— что крупнейшие советские кинодеятели дали такой хороший отзыв о моем фильме. Это мне пригодится».

Прощаясь с режиссером Джатирма Роем, я подумал — выйдет ли этот фильм на экран? Выпустят ли картину, в таком неприглядном свете показывающую капиталистический бизнес?

В этот же день мы посетили знаменитого бенгальского художника Джамени Роя. У небольшого белого

домика, покрытого черепичной крышей, нас встретил художник. Красивый старик, слегка сгорбленный, с бронзовым лицом и седыми волосами, одетый в национальный костюм, ласково нас приветствовал. Приветствие индийцев по форме очень пластично: старый художник сложил вместе ладони рук и, устремив их вверх, прижал к подбородку. Этот жест в Индии означает глубокое уважение к человеку, которого приветствуют.

К Джамени Рою были приглашены прогрессивные писатели, художники и актеры. Присутствовали и четыре сына художника, один из них — киноактер. Хозяин показал нам свои картины, написанные маслом, реалистические пейзажи Индии, зарисовки крестьянского быта, наброски женских тел. Джамени Рой следует в своем творчестве образцам народного искусства и как бы одухотворяет их своей художнической индивидуальностью. Он ставит себе задачу донести красоту и радость жизни до простого человека, до «простых сердец», как выразился художник. Его работы написаны удивительно яркими красками — лиловыми, зелеными; таких я никогда прежде не видел.

Художники Бенгалии творчески еще не объединены. В Индии нет ясно оформленных школ и направлений, и каждый из них творит в собственной манере.

Мы сидели на табуретках и одну за другой рассматривали его картины. Художник подарил нам глиняные изделия народного творчества, раскрашенные им самим. При отъезде из Калькутты мы еще раз заехали к нему и купили несколько небольших картин. Художник кистью на каждом произведении поставил свою подпись. Старик был чрезвычайно обрадован впечатлением, которое произвело на нас его творчество, и, прощаясь, сказал:

— Сколько у меня ни бывало иностранцев, сколько я ни объяснял им свои работы, они никогда ничего не могли понять.

Как мало заморские гости баловали крупнейшего мастера своим вниманием, как мало настоящего интереса и чуткости они проявляли к его творчеству! Их интересовала в его произведениях только экзотика.

В тот же день мы посетили киностудию Рупарски.

Здесь собралось свыше пятисот работников бенгальской кинопромышленности. Встреча происходила в маленьком павильоне, на фоне декорации, изображающей индийскую деревню: глиняные домики, соломенные крыши. Дежурные рабочие к «небесам» прикрепляли белое полотно, на котором должны были проецироваться отрывки из наших и индийских фильмов.

Мой небольшой доклад о работе советского актера в театре и кино был выслушан с глубоким вниманием.

Затем на импровизированную сцену вышли молодые люди во главе с композитором Салил Чоудхури. Под аккомпанемент небольшой фисгармонии были исполнены старинные заунывные песни. Потом молодежь спела несколько новых песен. В них говорилось о борьбе за объединение народов Индии, о борьбе всех простых людей за мир. Так же как народы других зарубежных стран, в которых мне пришлось побывать за последние годы, народ Индии мечтает о мире, всей душой стремится к нему. Все помыслы, все чаяния народа устремлены к миру. О своей готовности бороться за мир люди нам говорили в каждой беседе во всех городах Индии, которые мы посетили.

Песни композитора Салил Чоудхури написаны в мажорных тонах. У них четкий, уверенный ритм. Строфы песен заканчиваются подъемными припевами, которые так и хочется подхватить каждому слушателю.

В песне, посвященной объединению мусульман и индусов, рассказывается о построении моста через реку: «Но по милости британских империалистов бенгальский народ, его культура и искусство разобщены. Тут течет река крови и слез, разделяя сердце страны на две половины. Только крокодилы выгадывают на этом разделении и на несчастье народа». Автор песни в припеве обращается к народу с призывом о постройке моста через эту реку крови: «Только мост объединения поможет обеспечить мирную жизнь и процветание народов Индии путем освобождения страны от империалистов».

Аудитория живо восприняла эту песню, аплодисментами выражая свою солидарность с ее идеями, свою ненависть к многовековым угнетателям и поработителям.

Салил Чоудхури — человек небольшого роста; умное, вдохновенное лицо его — смуглое, с правильными, красивыми чертами. Он запевал каждый куплет своей песни, и хор молодежи с воодушевлением подхватывал ее слова, так отвечающие настроению и самих исполнителей и всех присутствующих.

Нам сразу понравилась эта песня, и мы запомнили ее припев.

Чоудхури и его хор исполнили песню, посвященную борьбе за мир во всем мире. Поется она в таком же четком ритме. Начинается песнь с мажорных тонов, потом как бы затихает где-то вдаль, постепенно приближается и вновь вспыхивает с огромной силой. Четкий ритм этой песни так захватил аудиторию, что все присутствующие покачивали головами в такт музыке.

«Мы люди разных мнений, разных групп, — пел Чоудхури. — Один может идти направо, другой — налево. Мы поднимаем слабых. Мы сливаемся в один океан. Все наши мечты — о счастье нашей освобожденной матери родины. Вот почему мы все соединяем свои руки». И хор подхватывает: «Если идет выбор между разрушением и созиданием — наши голоса выражают решимость. В один голос мы даем ответ: созидание, созидание и созидание! Если предстоит выбор между войной и миром, не может быть сомнений, что именно мы выберем. Все, как один, мы ответим: мир, мир, мир! Довольно кровопролитий, довольно сражений. Мы не хотим больше стонов матерей и криков детей. Кровопролитию, сражениям и войне — конец, конец, конец!»

И дальше продолжает петь Чоудхури: «В нашей стране миллионы рук изголодались по труду. Вот закон земли. Перед нами широко открытый мир: шахты, горы, пашни. Несмотря на это, в нашем доме истощение, голод». Хор продолжает: «Вот почему мы смыкаемся, соединяем свои руки и наш голос звучит: прочь, долой войну! Мы соединим миллионы рук для предотвращения войны!»

Я сознательно привел почти весь подстрочный перевод этой песни, потому что в ней отражается воля миллионов простых людей Индии к миру, к труду и дружбе со всеми народами земного шара.

Аудитория восторженно аплодировала. Оглядывая лица присутствующих, я видел, что положительно все поддерживают эту благородную идею, выраженную в словах и ..узыке талантливого индийского композитора и поэта.

Нам показали также уморительную комедию из жизни индийских школьников, обучающихся в закрытом учебном заведении. В этом фильме происходят веселые приключения с толстым «завхозом» — обжорой, обворовывающим школьников, объедающим их. Дети мстят ему за это, ночью приводят в спальню «завхоза» осла, пугают его привидениями.

Мы поблагодарили деятелей индийской киностудии за теплый прием и еще долго не могли расстаться с ними. Начался обмен мнениями о просмотренных фильмах.

На следующий день в зале Калькуттского университета состоялось публичное чествование нашей делегации. Готовясь к нему, Комитет по проведению фестиваля советского кино распространил по городу обращение к гражданам Калькутты с приглашением принять участие в этом собрании.

В зале собралось более двух тысяч человек. Наше появление вызвало бурные аплодисменты. Послышались выкрики: «Да здравствует Советский Союз!» Все четко скандировали: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Сталин!», «Ста-лин!», «Ста-лин!»

От имени индийского киноинститута посланцам Советского Союза зачитали адрес. В нем говорилось:

«С сердцем, полным радости, уважения и благоговения, мы приветствуем вас сегодня в нашей исторической древней стране.

Вы прибыли в нашу страну очень своевременно. Наше искусство находится в состоянии кризиса, вся кинопромышленность Бенгалии с катастрофической быстротой идет ко дну. Может быть, вы вашим присутствием поможете нашей кинопромышленности возродиться.

Ваше столь радостное для нас прибытие в нашу страну возвещает нам наступление новой эры — эры сотрудничества и содружества между нашими великими

нациями. Вы принесли нам не только добрые пожелания работников вашего киноискусства, но также приветствия от величайших гениев ума вашей страны, чьи великие труды не найдут в истории себе равных.

Индия тоже может предложить многое вашему вниманию. После завершения вашего визита, когда вы вернетесь в вашу страну, не забудьте рассказать народу Советского Союза о той суровой действительности, в которой живет сейчас индийский народ. Передайте также сердечные приветствия народов Индии, их пожелания мира, всеобщего творчества и освобождения народов всех стран.

Мы просим вас взглянуть на Индию глазами ее народов. Вы будете очарованы несказанными сокровищами нашей родины, которыми так щедро наградила ее природа. Вы будете глубоко тронуты живописными прелестями нашей огромной страны, ее прекрасной флорой и фауной. Но всегда помните, что столичные города Индии, с их дворцами, отелями и кинотеатрами, не отражают истинной картины нашей страны.

Мы глубоко надеемся, что ваше присутствие в нашей среде явится стимулом для индийской кинопромышленности и откроет ей новые пути.

В стремлении к повышению уровня искусства нашей кинематографии, мы не забудем слова вашего великого учителя Сталина, что мы являемся инженерами человеческих душ».

Так сами прогрессивные деятели кинопромышленности просто и безыскусственно, словами, идущими от всего сердца, рассказали в этом приветствии об истинном положении культуры и искусства в своей стране.

Слово было предоставлено Пудовкину. Зрительный зал снова гремел овациями в честь страны социализма.

Пудовкин прочитал свой доклад. Неоднократно его прерывали аплодисментами.

Затем нас приветствовал хор, исполняя песни композитора Салил Чоудхури под управлением автора. И когда в песне, посвященной борьбе за мир, хор стройно подхватывал припев, который я знал уже наизусть, у меня было большое желание присоединиться к молодым индийцам и запеть.

Слово предоставили мне. Так как мой переводчик был значительно ниже меня ростом, а один индеец услужливо то поднимал микрофон, то опускал его применительно к нашим фигурам, это вызывало большое оживление в зрительном зале.

Когда в своем докладе я говорил о задачах советского актера и его работе в театре и кино и подчеркивал, что краски для своего творчества художник черпает в окружающей его действительности, — зрительный зал дружно аплодировал.

В тот же день в честь советской делегации был устроен обед, на котором присутствовали самые известные бенгальские режиссеры, актрисы и актеры — «кинозвезды», операторы и писатели. Всего было около ста человек. Но так как по индийскому обычаю за столом может сидеть не более двадцати четырех человек, а встреча происходила в ресторане самой лучшей гостиницы Калькутты, то в большом зале были сервированы четыре стола. За каждым столом сидело по двадцать четыре «персоны», как будто это были четыре разных компании. Вместе с тем, по сути дела, происходил один общий обед.

Официанты в длинных белых костюмах с цветными широкими поясами, в немыслимо высоких разноцветных шапках, подавали национальные блюда.

Индийская пища очень вкусна. Но все кушанья так наперчены, что с непривычки на глазах выступают слезы. Постепенно мы привыкали к острым национальным кушаньям и с любопытством ждали каждое новое блюдо. Официанты подносили стаканы с простой водой, с различными соками — ананасным, лимонным, томатным.

14 января 1951 года у нас был своеобразный день отдыха, и мы решили осмотреть калькуттский ботанический сад. По нашим понятиям была зима, но растительный мир Индии и в январе оказался богатым и пышным, правда не в такой степени, как после муссонов, пронсящих летом. И все же ботанический сад произвел на нас большое впечатление. Мы видели знаменитое дерево баньян, занимающее огромную площадь. Это дерево

обладает необычным свойством: ветви от центрального ствола, словно вытянутые руки, расходятся в стороны на десятки метров, от них отрастают вниз и опускаются плотные корни, которые впиваются в землю и поддерживают гигантски разросшееся дерево. Огромное фантастическое «здание» баньена все продолжает расширять свои владения новыми и новыми «корнями», спускающимися от мощных ветвей. Это дерево давно «ушло» за границы парковых аллей.

В ботаническом саду много красивых пальмовых дорожек, обсаженных цветами самых диковинных форм и окрасок.

Здесь масса отдыхающих, целые семьи приезжают сюда на автомобилях и автобусах. На траве раскладывают небольшие коврики, приезжие располагаются на них лежа и сидя, закусывают, заводят патефоны, веселятся. Всюду встречаешь детвору с удивительно красивыми глазами и подмазанными ресницами, — таков обычай (это делается из гигиенических соображений: особая тушь предохраняет детей от глазных заболеваний). Большинство гуляющих одето в национальные костюмы: женщины — в сари, мужчины — в белые одежды. На фоне зелени и цветов это создает необычайно колоритную картину.

Ботанический сад расположен вдоль рукава Ганга, и отсюда виден порт со множеством различных судов: от больших пароходов до галер и маленьких весельных лодок.

Возвращаемся домой узенькими улочками. Вдоль домов с правой и с левой стороны стоят и сидят продавцы, торгующие самыми различными товарами. Слышны звуки народных инструментов — флейты и барабана. По мостовой бегут рикши, проносятся автомобили.

Идут бородатые жрецы. Их полуголые тела вымазаны глиной. У них разрисованы лбы и руки, волосы пучками завязаны тесьмой, в руках — длинные палки.

Продавцы зазывают покупателей. К вечеру они сидят с электрическими лампочками, а торговцы победней перед собой держат фонари.

Вечером мы приглашены в Общество друзей Советского Союза. Поднимаемся на четвертый этаж по лестнице с большими пролетами. На последнем лестничном марше пришлось шагать буквально по грудам сандалий. Ступеней не было видно. Обычно все входящие в дом снимают обувь.

В зале на ковре сидит более двухсот человек. Нас встречают дружескими приветственными возгласами и тотчас надевают на шеи гирлянды из роз.

Рады присутствию здесь композитора Салил Чоудхури с его замечательным хором. Участники хора, узнав, что нам понравились их песни, решили доставить удовольствие своим советским друзьям и сами пришли на эту встречу. Раздаются звуки уже знакомой и любимой мною песни, посвященной объединению и миру. Когда хор подхватил припев, я не выдержал и стал подпевать полным голосом. Это вызвало восторг присутствующих. По нашей просьбе эту песню повторили, и все мы пели ее хором.

На стенах зала висят большие картины. На одной из них изображен В. И. Ленин в кругу революционных петроградских матросов. Рядом — большой портрет И. В. Сталина. На многочисленных стендах приведены цитаты из речей И. В. Сталина и В. М. Молотова. Висит цветной плакат, посвященный борьбе за мир. Белый голубь на нем нарисован в индийском стиле. И сюда, в далекую Индию, долетел этот крылатый посланец мира. На другом плакате — война с ее ужасами, бомбы, падающие на окровавленные головы индийцев.

На стенах зала развешаны фотографии виднейших деятелей искусства Советского Союза: К. Станиславского, И. Москвина, многих других. Приятно было видеть такие знакомые лица здесь, в Индии, и в столь необычной аудитории.

Индийские друзья просят почитать что-нибудь. Я читал стихи прогрессивного австралийского поэта Врепонта, посвященные борьбе за мир. Затем, посоветовавшись с товарищами, решил прочесть басни Крылова. Но перед этим нужно было рассказать содержание басен. Многие слушатели говорили потом: «Мы прекрасно все

поняли. Мимика, жест, музыка русского языка, язык вашего доброго сердца очаровали нас, донесли до нас содержание басни».

Из зала — мы это ощущали — шла волна симпатии, любви к представителям советского народа. С чувством большого удовлетворения от этой сердечной встречи возвращались мы домой.

На следующее утро к нам пришли двое крестьян, членов Общества, с которыми мы виделись накануне. Один из них сказал:

— Мы очень бедные люди. Но нам хотелось бы что-нибудь подарить вам. Мы посоветовались в деревне со стариками и решили, что вы не обидитесь и на такой вот простой подарок.

Бенгальские крестьяне развернули газетную бумагу и достали маленькую корзиночку. В ней находились бананы, помидоры, огурцы, мандарины, апельсины. Это были муляжи, искусно сделанные из глины и раскрашенные народными мастерами — бенгальскими кустарями.

— А вот это, — сказали они, — это благородный плод манго. Его нам дарит земля Индии. Плод манго просим вас передать товарищу Сталину, великому вождю человечества.

В трогательных словах крестьян чувствовалась огромная любовь индийского народа к И. В. Сталину.

— Обязательно передайте, пожалуйста не забудьте передать. Для нас это очень важно, — повторяли они.

Я обещал выполнить их просьбу и рассказал крестьянам о всенародном чествовании товарища Сталина в Москве, в Большом театре, в день семидесятилетия вождя, о многочисленных подарках, которые были присланы Иосифу Виссарионовичу из разных стран мира. Я сказал, что все эти подарки не разместились бы на самой большой площади Калькутты и что часть их выставлена в двух больших музеях Москвы.

* Мы тепло попрощались с индийскими крестьянами, попросив передать наш привет и благодарность их односельчанам.

В одной из студий для нас устроили просмотр фильма «Обездоленные» талантливого прогрессивного режиссера Нимаи Гхоша. Когда фильм был готов, режиссеру пришлось сильно сократить его, и несмотря на это, картина все же не вышла на экран.

Фильм «Обездоленные» — настоящее реалистическое, волнующее произведение. Правдиво и страстно режиссер рассказывает в нем о дружбе между мусульманами и индусами, живущими в одной из деревень Пакистана. В поте лица своего крестьяне обрабатывают землю, трудятся там, где веками трудились их деды. Но вот Индию делят на Индостан и Пакистан. Индийские крестьяне вынуждены покинуть свою родину. Какие-то подозрительные личности сулят им «золотые горы» в Калькутте, жилье, работу. И бедняки соглашаются покинуть свои хижины. Семья героя фильма уже готовится к переселению, как вдруг отца арестовывают по доносу. Несчастливая мать, ожидающая ребенка, вынуждена тронуться в путь без мужа, так как уезжают все ее односельчане-индийцы.

Крестьяне впервые в своей жизни садятся в поезд, все кажется им диковинным и необычным. Но вот и Калькутта. Они выходят из вагонов и, чтобы не затеряться в толпе, крепко держатся друг за друга, образуя своеобразную ленту. Их глазам предстают ужасные картины: на вокзале всюду лежат полуголые несчастные люди, такие же обманутые бедняки, как и они, согнанные с насиженных мест. Они не знают, что политику раздора сеют англичане, заинтересованные в подавлении, в обнищании народа.

Женщина влачит жалкое существование. Она не может найти работу, жилье. Наконец ей удается пристроиться в пролете какой-то лестницы. Она начинает плести корзины из прутьев, чтобы заработать гроши на пропитание. Но ее прогоняют с лестницы. И снова женщина под открытым небом. Крестьянка должна стать матерью, она попадает в родильный дом. Бездомная и голодная жизнь отражается на родах. Они проходят очень тяжело, и врачи сомневаются, можно ли спасти жизнь матери. В это время героя фильма выпускают из тюрьмы. Он едет в Калькутту, ищет свою жену. Наконец

он находит ее. Она при смерти. Умирая, она передает своему мужу новорожденного младенца. . .

Так завершается трагедия простой крестьянской семьи, разоренной невыносимым укладом, который создали английские колонизаторы, подстрекающие на вражду индийцев и мусульман.

На нас фильм произвел огромное впечатление. Ведь мы сами видели в Бомбее и Калькутте тысячи таких семей, живущих на улицах, под пролетами мостов, в наспех сложенных из прессованных листьев хижинах.

Разорение, нищету, несчастье принесла народу Индии эта проклятая политика английских империалистов. Сколько горьких слов о ней, сколько справедливых и гневных укоров мы слышали и от представителей индийской интеллигенции и от простых людей, с которыми нам приходилось встречаться во время нашего сорокадневного пребывания в Индии! . .

В фильме «Обездоленные» играют не только профессиональные актеры, но и настоящие беженцы-крестьяне, с которыми работал режиссер Гхош.

Режиссер рассказал нам о том, как он снимал одну старуху вдову. Крестьянку пригласили исполнить небольшую эпизодическую роль. Гхош репетировал с ней около двух недель. Старуха внимательно слушала режиссера и выполняла все его задания. Но когда он стал объяснять ей, как сказать горькие слова о своей родине, которую ее заставили покинуть в результате политических махинаций, она ответила:

— Я люблю тебя, как сына, и со вниманием выслушиваю все твои указания о том, как я должна вести себя перед этим аппаратом. Но не учи меня тому, что должна переживать женщина, оставшаяся без родины, без своей священной земли. Это я знаю и без тебя. . . Слишком много горя пережили и я и миллионы таких же простых людей, согнанных со своей земли! . .

— И эта старая крестьянка,— сказал режиссер,— своими собственными словами, лучше, чем было в сценарии, с такой естественностью и убедительностью произнесла перед киноаппаратом свой монолог, что все мы, профессиональные работники, были потрясены.

И действительно, с экрана раздаются простые слова

исстрадавшегося человека. Это не слова сценария, это вопль женщины, голос измученного, гневного сердца.

Фильму и работе режиссера Гхоша мы дали самую высокую оценку.

Калькутта — единственный город в Индии, в котором имеется пять драматических театров, работающих круглый год. Пять театров на огромную страну, насчитывающую более 325 миллионов населения! Не горькая ли это ирония? Вот плоды многолетнего империалистического господства Англии в этой стране: пять театров, не имея никакой поддержки, влачат самое жалкое, почти нищенское существование, несмотря на подлинный энтузиазм режиссеров, актеров, художников.

Мы едем в театр, руководимый актером и режиссером Бхадури. Большой, мрачный зал со скамьями. На потолках вентиляторы. Зал наполовину пуст. И это один из лучших драматических театров Калькутты! Как не похож он на роскошные, из белого мрамора, дворцы кинотеатров, в которых идут американские и английские фильмы.

Сегодня здесь играют пьесу «Сароши». Иногда нам трудно следить за спектаклем при тройном переводе с хинди на английский и с английского на русский язык. Но превосходная игра помогает понять все происходящее на сцене. На раздвигающихся декорациях нарисован пейзаж индийской деревни. В следующей картине декорация раздвигается и изображает уже комнату помещичьего дома. В пьесе рассказывается о помещике, ведущем разгульный образ жизни, притесняющем крестьян, требующем с них непосильный налог. Помещик безжалостно передает полицейским голодных крестьян, не выполнивших кабальных обязательств.

Главную роль разгульного помещика играет сам Бхадури. Он играет превосходно, свободно чувствует себя на сцене и своим исполнением буквально захватывает весь зрительный зал. С большим напряжением зрители следят за развитием действия, за поведением героя, за его жестами, великолепной мимикой. Актер точно и выразительно доносит до зрителей идею произведения,

играет в предельно реалистической манере, подкупающей простого зрителя, понятной ему.

Остальные исполнители, ученики Бхадури, тоже играют с большим профессиональным блеском. В диалогах и монологах чувствуется умение актеров общаться друг с другом. Можно проследить четкую, ясную мысль, которой подчинена общая идея этой пьесы.

Спектакль перемежается интермедиями. Они проходят на авансцене и изображают то нищих, идущих в храм бога Шивы, то его служителей — браминов. Молящиеся исполняют песнь, посвященную богу, немного критикуют его, а он, размалеванный, приплясывая, слушает верующих.

В антрактах выходим во двор покурить. Нам рассказывают, что Бхадури был преподавателем английского языка, но увлекшись драматическим искусством, бросил свою профессию и целиком посвятил себя индийскому театру. Эту пьесу его труппа играет с 1927 года. Пьеса имеет успех у зрителей. Она прошла уже более двухсот пятидесяти раз.

Антракт заканчивается. Действие пьесы происходит теперь в храме. Зрительный зал живо реагирует на высказывания героя, отвечающего брамину. Народ не очень-то долюбивает их и весело откликается на остроумные реплики героя, спорящего со священнослужителем.

В финале спектакля герой умирает в мучительных страданиях. Почему-то он напомнил мне великого Бориса Щукина, с такой потрясающей силой передавшего в своей игре кончину Егора Булычева. Индийский актер Бхадури — безусловно большой мастер, владеющий огромным искусством воздействия на зрителей.

После спектакля за кулисами нас уже ожидали все работники театра. Искренне мы поделились с ними своими впечатлениями. Но Бхадури боялся, что это только вежливые комплименты, ибо ему редко приходится выслушивать похвалу. Мы сделали и некоторые критические замечания. Выяснилось, что артисты играют свои спектакли всего два-три раза в неделю. Зрителей в театре бывает не очень много. Во всем чувствуется неприкрытая бедность — и на сцене и в других

помещениях. Театр Бхадури давал полное представление о том, в каком бедственном положении находится в Индии драматическое искусство. Талантливейшие индийские артисты, не получая никакой помощи, все же понимают свое высокое культурное призвание и работают, иногда не получая никакого вознаграждения. А ведь при поддержке они, благодаря своим дарованиям и исключительному мастерству, могли бы умножить славу талантливого народа и в области искусства. Но английские колонизаторы и здесь приложили свою лапу, тормозя развитие замечательных народных дарований.

И как завидовали нам индийские артисты, когда мы рассказывали, что, наравне с десятками тысяч кинематографов, в Советском Союзе имеется около восьмисот театров! Они сосуществуют с кинематографией и взаимно обогащают друг друга. И кино и театры в СССР находятся на государственном бюджете, получая всестороннюю поддержку и помощь государства.

Нас одолевают корреспонденты калькуттских газет. То и дело происходят пресс-конференции. У журналистов множество вопросов, они держатся с видом заговорщиков, стремясь нас «подловить» на чем-то. Они задают, по их мнению, «каверзные» вопросы (об этом сами же пишут!).

Наши ответы, казалось, вполне удовлетворили корреспондентов. Но вдруг раздается вопрос:

— Зачем вы приехали в Индию?

— Нас пригласили Комитеты по проведению кинофестивалей советского фильма в Калькутте и Бомбее. Мы приехали по их приглашению.

— А смогут ли приехать в Советский Союз представители индийских кинороботников, другие деятели искусства?

— Безусловно. Мы будем счастливы приветствовать у себя в Москве, в Ленинграде и других городах лучших представителей вашего прогрессивного искусства.

Вопросы исчерпаны. Корреспонденты благодарят нас за всесторонние, обстоятельные и искренние ответы...

Едва закончив беседу, торопимся на прием в Индианфильминститут. Здесь собрались актеры-«кинозвезды», ведущие режиссеры, владельцы крупнейших студий. Эта организация хотела бы по нашему образцу открыть у себя в Индии большой институт кинематографии для подготовки режиссеров, актеров, операторов. Сидим за столом, пьем чай с молоком. Актеры и актрисы ухаживают за нами, угощают национальными сладостями. Нам рассказывают о тяжелом положении большинства индийских киностудий. В словах актеров и режиссеров — тревога за свою национальную кинематографию, горечь и обида за свое бессилие что-либо изменить.

— Киноискусство Индии,— говорит мне мой сосед, один из виднейших режиссеров,— находится в тупике, переживает большой производственный кризис. Многие индийские владельцы студий терпят крах, разоряются, к большому удовольствию иностранных фирм, заполнивших наши экраны своей продукцией. Низкое качество большинства индийских фильмов обусловлено невероятной спешкой. Постановка картин осуществляется людьми, не обладающими ни художественным вкусом, ни талантом, но зато располагающими большой мощью. Кинодельцы-финансисты, приглашая режиссеров для постановки того или иного фильма, присматриваются к их работе в студии и потом решают, что создать картину не так уж трудно, и сами начинают ставить фильмы! Легко догадаться, что из этого получается.

В киностудиях существует масса ненормальных явлений, с которыми все же мирятся и «продюсеры» и творческие работники. Так, например, нередко ведущий киноартист или актриса получает свою роль от режиссера и впервые знакомится с ней в день съемки фильма, часа за два-три до того, как актер должен появиться в студии перед киноаппаратом.

Мы не поверили, когда нам об этом рассказывали. Тогда нам показали «Фри Пресс Джорнэл» от 22 мая 1950 года, в котором мы прочли, что известнейшая индийская киноактриса-«звезда» Налини Джейвант на страницах журнала протестовала против таких «порядков», сетуя, что в подобных условиях трудно создать художественный образ. Она же писала, что то или иное

решение творческой задачи — мизансцены или трактовки образа — режиссер чаще всего принимает непосредственно на съемках, в студии. . . «При таких условиях, — пишет Налини Джейвант, — актер или актриса лишаются возможности отдать свои силы и умение для создания того образа, который задуман автором сценария».

Очень часто, по словам Налини Джейвант, для исполнения песенок в фильме приглашают певицу, чей голос и манера пения совершенно не соответствуют облику героини, и «образ непоправимо раздваивается».

Бичом индийского кинопроизводства является нехватка квалифицированных киноартистов. Художественных институтов, готовящих артистов для кино, в Индии не существует, крупных актеров переманивают, за ними гоняются. Поэтому «кинозвезды» зачастую одновременно снимаются в четырех-пяти фильмах!

Несмотря на нехватку артистов, существует колоссальная, ни с чем не сравнимая разница в оплате «кинозвезд» и рядовых актеров, с которыми, кстати сказать, никто не работает, — некогда! «Звезды» получают огромные оклады, а рядовые актеры зарабатывают гроши. Эти люди снимаются не более десяти дней в месяц, получая три рупии за съемку, — сумма, которой не хватает даже на дневное пропитание. . .

Жизненно необходимой для индийской кинопромышленности является и проблема снабжения пленкой. Ее приходится привозить из Англии и США, и иностранные фирмы тем самым имеют возможность «регулировать» и самое производство и прокат индийских фильмов, всячески тормозя их. Развитие цветного кино также задерживается из-за того, что нет цветной пленки. Цветные фильмы поэтому снимаются в очень небольшом количестве, по американскому методу, на американском негативе. А пленку для проявления и печатания копий индийские студии посылают в. . . Голливуд! Американцы не хотят продать «секрет» обработки цветной пленки.

Все эти обстоятельства вместе взятые порождают беспокойство в среде индийских кинематографистов за дальнейшее существование отечественного кино.

Нас расспрашивали о принципах планирования со-

ветского кинопроизводства, об организации работы студий, подготовке молодых творческих кадров, о связях с писателями и сценаристами, о том, как заказываются сценарии, сколько времени ставятся фильмы, о том, каковы взаимоотношения театра и кино.

Индийские режиссеры и актеры были поражены, когда узнали, что у нас нет «кинозвезд» в их понимании, что артистов для исполнения ведущих, да и не только ведущих ролей режиссеры могут пригласить из Театра киноактера (они были весьма удивлены существованием такой организации!) и любого театра. Мы рассказывали, что перед началом постановки фильма у нас снимаются пробы артистов в больших эпизодах, чтобы проверить, насколько исполнитель данной роли понимает творческую задачу в раскрытии образа в целом. Наш рассказ о том, что на одну и ту же роль иногда пробуются несколько артистов, ошеломил индийских кинодеятелей!

Только огромная природная талантливость индийского народа, многих его деятелей кинематографии, не имеющих специального художественного образования, позволяет им все же создавать иногда настоящие, большие произведения реалистического киноискусства. Но, увы, не всякие из этих фильмов появляются на экранах самой Индии. Например, фильм «Дети Индии», который наши зрители видели года три тому назад на экранах страны социализма, в Индии был запрещен.

Беседа подходит к концу. Начинается новый просмотр. Смотрим на экран и с болью думаем о том, как убийственно сказывается на творчестве некоторых талантливых индийских кинохудожников тлетворное влияние Голливуда.

«Исторический» фильм о борьбе индийцев с англичанами, происходившей около ста лет тому назад, подан как цепь веселых приключений. Англичане едут на пароходике и на палубе поют песенку под аккомпанемент джазовой музыки; при этом режиссер крупным планом показывает аккордеон.

На экране фрагменты какого-то мистического фильма. Герой картины, человек с безумными глазами, методически бьет по голове свою жену, истязает ее, потом уби-

вает. Он заколачивает труп в ящик и увозит куда-то в автомобиле. В квартире сумасшедшего по ночам внезапно распахиваются окна и двери, завывает ветер, перед убийцей появляется скелет покойной жены, и ее костлявые руки начинают душить преступника... Черт знает, что такое! Форменный бред! Вот до чего доводит подражание американской кинопродукции. С трудом смотрим эти фильмы. Только вежливость удерживает нас в зрительном зале.

Просмотр закончился, нас обступают актеры, участники этих фильмов. Каждому из них нам хотелось бы сказать теплые, добрые слова и выразить свое соболезнование, что им, талантливым людям, приходится сниматься в такой дребедени.

Смущенно улыбаясь, ко мне подошел актер, игравший садиста-убийцу, и сказал, словно оправдываясь:

— А в жизни я совсем не страшный и не злой, как на экране; просто приходится играть все, что поручает директор студии...

Отвечая на вопросы индийских артистов, говорим, что подобные мистические, садистские и прочие фильмы наш народ просто не стал бы смотреть. Советские люди — люди здоровые, жизнерадостные и любят реалистические произведения искусства, отражающие подлинную жизнь.

Покидаем зал, спускаемся по лестнице в вестибюль кинотеатра, сияющий зазывными огнями. На стенах вестибюля огромные рекламные щиты. На одном — гигантская горилла, несущая на руках красавицу-героиню, на другом — бандиты в масках совершают нападение не то на банк, не то на какую-то контору...

Трудно творить в атмосфере такой духовной отравы, разлагающей и развращающей народ. Но зная многих деятелей индийского кино, мы верим, что они еще покажут себя и создадут произведения, достойные своей великой страны...

Хотим познакомиться с жизнью бенгальских крестьян и едем за шестьдесят-семьдесят миль от Калькутты. Машина поворачивает с шоссе, делает несколько сот метров по проселочной дороге, и мы у первой ин-

дийской деревни. Неподалеку протекает арык. Через него перекинут узкий бамбуковый мостик. Длинные толстые палки бамбука образуют настил и перила. По мосту, прогибающемуся под тяжестью человека, проходят женщины. Идут они уверенно, спокойно, не шелохнутся, на головах у них сосуды с водой. Ступаю на мост и я. Но чувствую, что он прогибается от моего веса, и цепляюсь за перила, боясь упасть в воду. Мальчики и девочки, собравшиеся на берегу, смеются, глядя на меня. . .

У индийских девочек, как и у взрослых женщин, в ноздре дырочка, и в нее продета запонка, у богатых — золотая с бриллиантом, у бедных — медяшка. Дети облепили нас, с любопытством разглядывают иностранцев. Тут же маленькая девочка лет шести держит у себя на бедре ребенка, так же как и взрослые женщины.

То тут, то там оригинально сложенные стога соломы, напоминающие хижины. Вокруг высокие кокосовые пальмы. В канавках, похожих на наши среднеазиатские арыки, мелькает рыбешка. На стогах соломы сидят большие птицы, вроде аистов, отличаются они только разными оттенками и окраской. Пролетают и шумят на деревьях крошечные колибри — синие, голубые, зеленые, красные.

Наше внимание привлекает полуголый индеец-рыбак. В руке он держит сеть, распластывает ее, как большой шатер, и постепенно погружает ее в воду. Он выжидает несколько минут, потом медленно вытягивает сеть. Если попалось две-три рыбки, он счастлив, кидает в горшок, который плавает тут же на воде.

Любуемся красивыми пейзажами с рисовыми полями и пальмовыми рощами, которым поклоняются крестьяне, как божеству.

В деревне среди индийцев живет крестьянин-мусульманин. Старик не захотел покинуть свою родную землю при разделе Индии. Но если англичанами будет спровоцирована новая резня, мусульманин должен будет бежать и скрываться, чтобы спасти себе жизнь.

Жарко, хочется пить. Нам предлагают самый гигиенический напиток — кокосовый орех. Молодой крестьянин, одетый в лохмотья, радушно приносит несколько больших тяжелых орехов. Он точит топорик, чтобы об-

рубить верхушку каждого из них. Острым топором он отсекает кусок ореха. Я беру орех и из небольшой дырочки пью прохладную кисло-сладкую, несколько вязущую жидкость.

Влаги в Западной Бенгалии хватает надолго. Земля здесь плодородная. Дожди наполняют канавы и водоемы до предела. Наши друзья говорят, что здесь по вечерам пары низким слоем расстилаются по земле,— получается так, что выше пояса ваше тело сухое, а ниже — влажное, словно от дождя.

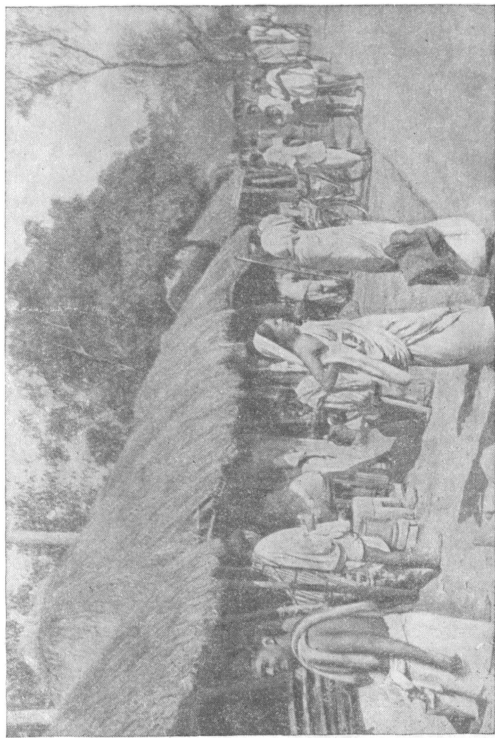
Крестьяне говорят, что можно было бы снимать не меньше трех хороших урожаев в год. Но обрабатывать землю нечем, нет никаких сельскохозяйственных машин. Да и главное — земли у крестьян нет: они арендуют ничтожно маленькие части полей и большую часть урожая отдают посреднику, который сам снимает землю у помещика и расплачивается с ним тоже натурой, выговаривая себе, разумеется, большой куш за счет крестьян.

Старик крестьянин качает головой и что-то говорит переводчику. Тот смущается и не хочет переводить. Мы настаиваем. Тогда переводчик, едва удерживаясь от смеха, рассказывает, что старик неприличными словами ругает и своих помещиков и англичан с американцами, говоря, что от тех и других идут все беды для индийского народа.

Старик прав. Крестьяне могли бы снимать в здешних краях минимум три урожая в год и жить сыто, без систематических голодовок, уносящих миллионы жизней.

Но агротехника в Индии самая примитивная. Это слово, пожалуй, даже и не подходит к определению того способа обработки земли, который мы видели в Бенгалии.

Английские колонизаторы всеми способами тормозят развитие сельского хозяйства в Индии. Им выгоднее, чтобы крестьяне собирали ничтожные урожаи и находились в постоянной зависимости от помещиков. Кстати сказать, по Индии мы проехали на автомобиле тысячи миль и за все время лишь на одном, разумеется помещицьем, поле видели трактор. Зато мы часто видели даже не соху, а какую-то палку без металлического наконечника, которой крестьяне взрыхляют землю. Неуди-

Деревня в Западной Бенгалии

вительно, что с февраля-марта в Индии обычно начинается страшный голод. И тогда-то американские и английские империалисты начинают диктовать свои условия индийскому правительству. Впрочем, в 1951 году большую поддержку трудящимся Индии оказало советское правительство, бескорыстно направив в эту страну пароходы с хлебом.

Наше пребывание в Кулькutte заканчивалось. Все же мы успеваем побывать в гостях у одного прогрессивного режиссера, с которым мы подружились. Пришли его братья и много других родственников. Собралось и несколько представителей Комитета по проведению фестиваля советских фильмов. Для нас был приготовлен специальный концерт известного классического музыканта-мусульманина.

Мы вошли в дом, поздоровались с хозяином и его родственниками, и нам на память подарили несколько небольших национальных игрушек. Затем всех пригласили во дворик, покрытый сверху большим тентом. У задней стены соседнего дома возвышалась небольшая эстрада. На ней, поджав под себя голые ноги, сидел певец в коричневой барашковой шапочке и черном национальном сюртуке, окруженный тремя музыкантами. Певец подал мне свою пухлую руку. У него были закрученные кверху пышные усы. На рубашке, вместо пуговиц, сверкали бриллиантовые запонки.

Артист настраивал инструмент, напоминающий небольшие гусли. Рядом с ним сидел темнолицый, в белой одежде барабанщик, а по другую руку с маленькой фисгармонией расположился еще один артист.

Когда приготовления были закончены, мусульманин-певец ударил по струнам «гуслей» и сипловатым голосом начал выводить минорную мелодию. Музыкант, сидевший позади у басового инструмента, тихонько ударял по струнам. Раздавался звук, похожий на жужжание пчелы. Правой рукой он перебирал струны, изящно и мягко жестикулируя левой, словно дополняя музыкальный замысел пластикой. Когда голос певца повышался до верхних нот, сидящий по соседству с ним

музыкант сразу же начинал его имитировать, играя на маленькой фисгармонии.

Я обратил внимание, что певец импровизирует, так как аккомпанирующий ему инструмент попадает в эту тональность на несколько секунд позже, а иной раз и не попадает совсем, а торопится подхватить мелодию.

Потом певец перешел на другой ритм — более четкий. И барабанщик, смотря ему в глаза, ударял по барабану то пальцами, то ладонью, то снизу, то сверху, ставил барабан на пол, поднимал его. Певец был безусловно одаренный человек. Несмотря на свою странную для нас манеру исполнения, он доставил нам огромное наслаждение.

Начался прощальный ужин. Звучат трогательные речи представителей Комитета фестиваля. Мы благодарим за радушие и гостеприимство, которыми нас окружили в Калькутте деятели искусства Индии и представители прогрессивных организаций.

Рано утром на аэродроме нас провожает множество новых друзей. Начинается посадка в самолет. Последние рукопожатия.

Нам машут руками. Последний привет... Мы летим в Бомбей.

Вдали вырисовывается цепь гор Вихнея, где веками поработали ветер и дождь, создавшие то высокие остроконечные башни, то подобие стен. А вот на вершине как будто высечено какое-то здание. Эти причудливые, волшебные горы прикрывают Бомбей с востока.

Самолет идет на посадку. Среди встречающих представители четырнадцати прогрессивных индийских организаций. Опять венки из роз. Обряд заканчивается, когда все четырнадцать «ожерелий» надеты на нас. Они закрыли нам рты, и когда мы отвечали на приветствия — казалось, наши голоса идут откуда-то из глубины, сквозь необычайный фильтр из роз. Было душно в этот январский день, и аромат чудесных, свежих цветов кружил головы. Сказывалась и усталость от сравнительно продолжительного перелета.

Бомбей более европеизирован и фешенебелен, чем Калькутта. В европейской части Бомбея огромные, многоэтажные дома, гостиницы с искусственным климатом,

большие магазины с зеркальными витринами и зазывающей рекламой, здания правительственных учреждений, фирм, банков, университетов и школ. В зелени садов утопают особняки индийских богачей и английских колонизаторов.

В Бомбее живет много выходцев из Ирана. В большинстве своем они занимаются крупной торговлей и ростовщичеством. Основное же население Бомбейской провинции — марихи. В Бомбее сосредоточены многие десятки крупных текстильных и кожевенных предприятий, подавляющее большинство которых принадлежит англичанам, а другие, маскируясь индийскими названиями, по существу тоже принадлежат английским предпринимателям с какой-то долей участия национального капитала.

К сожалению, из-за ограниченности времени и главным образом занятости делами фестиваля нам не удалось познакомиться ни с фабриками этого «индийского Манчестера», как называют Бомбей, ни с бытом и положением индийских рабочих. Впрочем, резкий контраст между европейской частью Бомбея и его рабочими окраинами, занимающими более половины города, достаточно красноречиво и убедительно говорит о том, как живут здесь рабочие. . .

Днем была назначена первая большая пресс-конференция с журналистами Бомбея. Нас пригласили в губернаторский павильон Крикет-клуба, помещающийся в огромном стадионе. Здесь же шикарный ресторан, посещаемый знатью. Трибуны стадиона с удобными креслами имеют навесы. Этот стадион предназначен главным образом для игры в крикет, пользующейся большой популярностью среди местной знати.

По краям поля — трек. Сейчас там тренируются велосипедисты. Они приготовились у старта, раздается выстрел пистолета, и спортсмены мчатся по кругу. Публики на стадионе почти нет, трибуны пусты.

Поднимаемся на верх стадиона, в небольшой зал. Там приготовлены столы и кресла, нас ждут представители бомбейской печати, деятели индийской кинематографии.

Вице-председатель Комитета по проведению фестиваля советских фильмов в Бомбее кинопромышленник г. Вадия представил нас журналистам. Нам с Пудовкиным стали задавать многочисленные вопросы.

Мы говорили о подлинной демократии, существующей в нашей стране, о содружестве многочисленных наций, больших и малых, пользующихся одинаковыми правами, о расцвете культуры и искусства в советских республиках.

Количество вопросов все увеличивалось. Что такое социалистический реализм? Каковы взаимоотношения режиссера и актера? Могут ли актеры сыграть в кино и театре именно те роли, которые им хотелось бы, или приходится играть то, что им предлагают?

Большой интерес вызвали наши рассказы о проблемах кино и театральной драматургии, о заказе новых произведений и т. д.

Пресс-конференция прошла с большим успехом и была широко отражена в печати.

О нашем пребывании в Бомбее очень много писалось, тогда как в Калькутте печать хранила заговор молчания, давая лишь небольшие информации.

Мы уходили, продолжая беседовать с корреспондентами и деятелями искусства. Наши ответы их особенно интересовали потому, что Бомбей является крупнейшим в Индии центром киноиндустрии.

Позже в честь советской делегации и нашего посла был устроен прием у одного из членов Комитета по проведению кинофестиваля г. Бха-Бха, родственника и соучастника в делах индийского миллионера Та-Та.

На приеме присутствовали председатель Комитета судья Чагла, многие члены Комитета, брат хозяина, ученый Бха-Бха, сестра премьер-министра Кришна Неру, представители многих киностудий.

Г-н Бха-Бха живет в роскошном особняке. Он показал нам большую коллекцию редчайших произведений искусства, много картин. Завязалась непринужденная беседа, нам опять задавали множество вопросов о советском театре, кино, о жизни в Советском Союзе. Одна общественная деятельница спросила, ставятся ли у нас пьесы Шекспира? Я ответил, что перед отъездом в Ин-

дию в ленинградском Театре драмы им. Пушкина начал работать над образом Мальволио в комедии «Двенадцатая ночь». Огромное впечатление на всех произвели мои слова о том, что Советский Союз является второй родиной Шекспира, что наш народ любит произведения великого драматурга, что у нас они ставятся чаще, чем в самой Англии, и исполняются примерно на сорока языках народов Советского Союза.

Один член Комитета, внимательно слушавший мой рассказ, подошел и спросил:

— Скажите, пожалуйста, у вас все такие сердечные люди?

Нам не трудно было ответить на его вопрос, потому что он касался не столько нас, сколько нашего народа — качеств русского, советского человека: его доброты, трудолюбия, гостеприимства, горячего сердца и искреннего стремления к миру со всеми народами. Мы оба хорошо знаем эти качества и потому могли ответить обстоятельно. Выслушав нас, гость воскликнул: «Ну, тогда у нас должна быть вечная дружба с Советским Союзом!»

Впоследствии наши новые знакомые, индийские деятели искусства, говорили нам: мы просили, чтобы в Индию приехали именно Пудовкин и Черкасов. Но ведь вместо них могли командировать кого-нибудь другого. Однако приехали те, кого мы просили. Мы поражены тем, что каждый в Советском Союзе имеет свою индивидуальность, что люди не подстрижены под одну гребенку, как об этом часто пишут у нас в Индии.

Возвращаясь домой после приема, мы решили захватить посмотреть берег Аравийского моря, бухту «Ворота в Индию» и иллюминированные корабли, так как был День индийского флота. Издали, с набережной, мы увидели два небольших иллюминированных военных корабля. Я ожидал большего, привыкнув в праздничные дни в Ленинграде, на Неве, наблюдать зрелища куда более внушительные и эффектные. Начал разглядывать контуры триумфальной арки «Ворота в Индию». Обходил ее со всех сторон, и когда узнал, что эти ворота построены в 1911 году англичанами, перестал рассматривать их. Немало богатств индийского народа они вывезли через эти «ворота».

На другой день утром отправляемся осматривать окрестности Бомбея. Нас привозят в местечко Джуху. Тут находится популярный среди местного «высшего общества» ресторан, который могут посещать и индийцы. Оказывается, в этой стране до сих пор есть рестораны и пляжи, куда не пускают коренных жителей. Вход туда разрешен, видите ли, только европейцам, только «белым».

С террасы ресторана видна небольшая полянка с подстриженным газоном. По краям стоят большие зонты, защищающие отдыхающих от солнца. В плетеных креслах перед столиками сидят мужчины и женщины в купальных костюмах. Большинство в синих очках, предохраняющих от палящего солнца, на женщинах кепи с темными козырьками. За некоторыми столиками — люди, бесцеремонно задравшие ноги. Ба, да ведь это американцы! Подобные картины я видывал и в Италии и во Франции. . .

Неподалёку от парка расположились фокусники, акробаты, индийцы с обезьянами. Они ждут только знака и сейчас же готовы показать любое представление. Сидят заклинатели змей с небольшими коробками. Они играют на дудках, время от времени похлопывают ладонью по крышке коробки, откидывают ее, и оттуда высовываются кобры. Рядом индеец на веревочке держит мангуста — это животное, среднее между крысой и белкой, с длинным хвостом. Мангусты защищают от нападения змей.

Некоторые индийцы на головах держат корзины с кокосовыми орехами. Может быть, кто-нибудь из отдыхающих захочет освежиться приятным соком кокосового ореха? Я обратил внимание, что на песке напротив террасы совершенно темный от загара индеец в коротких трусиках и в какой-то куртке делает акробатические движения. Он блестяще «крутит» боковое сальто без рук. Потом быстро крутится на одном месте, поражая своей ловкостью и отличной тренировкой. Сделав какой-нибудь трюк, акробат отдает честь, приставляя руку к непокрытой голове. Этому унижительному жесту их научили англичане, и в Индии весь обслуживающий персонал при встрече отдает «честь». Вслед за этим жестом акробат протягивает руку и просит подаяния.

В кинотеатре Эксельсиор назначен торжественный митинг. Бомбейский комитет по проведению кинофестиваля советских фильмов пригласил на митинг премьер-министра Индии г. Неру.

Кинотеатр находится в центре Бомбея. Подъезжая к нему, мы увидели огромную толпу, которую едва сдерживают полицейские. Из окон окружающих домов высываются головы любопытных. Царит необычайное оживление.

Подъезжает машина, и из нее выходит г. Джавахарлал Неру в сопровождении своих ближайших сотрудников. Премьер-министр одет в белый наглухо застегнутый сюртук, на голове у него белая полотняная шапочка. В петлице его сюртука красная гвоздика. Г-н Неру здоровается с посланцем Советского Союза К. Новиковым, который представляет ему Пудовкина и меня.

Направляемся на сцену. В центре развеваются государственные советский и индийский флаги. Председатель Комитета фестиваля судья г. Чагла под аплодисменты зрителей представляет собранию членов советской киноделегации. С краткими речами выступают представители Комитета фестиваля, киностудий. Затем несколько слов сказали В. Пудовкин и я.

Моя первая фраза о том, что нам, советским актерам и мне лично, никогда не приходилось призывать своих зрителей со сцены или с экрана к убийствам, грабежу, разврату и всякого рода насилию, была встречена зрительным залом взрывом аплодисментов.

— Советским людям,— говорил я,— чуждо чувство ненависти, расовой или религиозной нетерпимости. Наши народы живут благородными идеями мира, дружбы и глубокого уважения ко всем нациям, большим и малым.

И эти слова вновь были покрыты аплодисментами.

— Учась у своего народа, мы являемся в то же время его воспитателями, «инженерами человеческих душ». Мы с радостью отдаем свой труд советскому кино и театру, создавая произведения искусства, отвечающие думам и запросам своего народа. По фильмам, которые мы ставим, будущие поколения смогут изучать нашу великую Сталинскую эпоху, эпоху борьбы за счастье человечества во всем мире.

И снова зал гремел восторженными аплодисментами. Митинг закончен. Мы прошли в вестибюль кино-театра. Молодежь, окружив нас, просила дать автографы, и мы, по мере сил, писали, писали. . . Затем нас пригласили в бельэтаж кинотеатра.

Первым был показан отрывок из фильма Пудовкина «Жуковский». Переводили с русского языка через микрофон прямо из будки киномеханика. Потом началась демонстрация отрывков из картин, в которых я снимался за последние двадцать лет.

Демонстрация эстрадного танца «Пат, Паташон и Чарли Чаплин», который я вместе со своими друзьями исполнял в ранней молодости, вызвала в зрительном зале смех и аплодисменты. Так же весело восприняла публика отрывки из фильмов «Горячие денечки», «Дети капитана Гранта» и «Остров сокровищ». В последнем я играю одноглазого пирата Билли Бонса.

Когда же стали показывать эпизоды из фильма «Депутат Балтики», где я исполнял роль профессора Полежаева, сестра премьер-министра Кришна Неру спросила:

— Когда же появится мистер Черкасов в этом фильме? Ведь тут, кроме старика, никого нет. . .

С большим вниманием зрители просмотрели отрывки из фильмов «Петр Первый», «Ленин в 1918 году» и «Александр Невский». Последний фильм хорошо знаком зрителям Индии, так как он демонстрировался здесь в дни фестиваля.

В фильме «А. С. Попов» большое впечатление произвела сцена, когда в минных классах впервые в мире был принят сигнал аппаратом беспроволочного телеграфа.

Затем был показан отрывок из фильма «Мусоргский» — монолог Стасова на суде. Многие зрители и тут меня не узнали. Показ закончился отрывками из фильма «Иван Грозный», также уже знакомого индийцам.

Бомбейская печать посвятила нашему пребыванию в городе множество статей. Может быть, этому содействовало и то, что первый же публичный прием, который был организован Комитетом по проведению советского

кинофестиваля, стал газетной сенсацией, так как этот митинг посетил премьер-министр, вернувшийся в тот вечер из Лондона.

Газета «Атом» по поводу гостеприимства, оказанного нашей киноделегацией, писала, что наш приезд «уничтожит долларовый занавес», созданный вокруг Индии, и что теперь, как никогда прежде, «вашиingtonские патриоты» совершенно растерялись. Советский кинофестиваль уничтожит все преграды, созданные между искусством и культурой двух великих добрососедских стран.

И дальше: «Бомбей устроил советским гостям необыкновенный прием. Это может послужить уроком для тех, кто ставит палки в колеса советско-индийских дружественных отношений».

Президент Ассоциации индийской кинопромышленности г. К. Моди подтвердил стремление индийских киноорганизаций к укреплению культурных связей с Советским Союзом, заявив, что «советское киноискусство выполняет большую миссию в отношении нашей промышленности и нашего народа».

Бомбейская буржуазная печать вольно или невольно, но ясно и отчетливо выразила отношение к нам со стороны индийской общественности.

Одной из любопытнейших оказалась статья, напечатанная в журнале «Блиц ньюс мэгэзин» под названием «Итаж... «красное пугало» — вовсе не пугало!!!»

«Есть сказка,— пишет автор этой статьи,— о лондонском ребенке, который никогда не видел темнокожего человека. Он подозрительно разглядывал индийца из Южной Индии, боязливо подошел к «черной вещи», ткнул пальцем в ребро, чтобы удостовериться, что это живое существо, а не набивное чучело. И когда индеец закричал в знак протеста, ребенок воскликнул в восторге: «Мама! Оно говорит!»

«Подобно этому, в течение последних двух недель,— продолжает автор статьи,— много тысяч взрослых детей матери-Индии, начиная с премьер-министра и до скромных работников индийских киностудий, обозревали «красное пугало» на близком расстоянии. Они подходили к нему со смесью любопытства и тревоги, похлопывали его, чтобы знать, из чего оно сделано, и затем

ошеломленно и восторженно восклицали о своем открытии, что не только «оно говорит», но и улыбается, смеется, и ест, и пьет, и думает, и чувствует совершенно так же, как и все мы».

Короче, В. Пудовкин и Н. Черкасов своим приездом доказали, что «красное пугало» — вымысел разгоряченных мозгов империалистов, фанатичных ненавистников России и тех, кого у нас принято называть «вашингтонскими патриотами».

И далее: «Кинорежиссер и актер, благодаря своим теплым, искренним и предельно гуманным личностям, в две недели сделали больше для уничтожения «красного пугала», чем многие статьи и памфлеты. Этот пугающий образ «красного пугала», с помощью и под руководством реакционной американской прессы и голливудских фильмов, хорошо известен... и визит Пудовкина и Черкасова был наиболее плодотворен именно в уничтожении всех этих клеветнических иллюзий».

Далее журнал писал:

«На самой первой пресс-конференции, данной советскими кинодеятелями, Пудовкин и Черкасов произвели огромное впечатление на всех присутствующих журналистов своим остроумным и дружеским собеседованием и умением парировать, ответить на любой, даже самый каверзный вопрос. Один из моих коллег,— пишет журналист,— заметил: «Но они говорят вовсе не как коммунисты...» «Я не знаю, является ли кто-либо из них членом коммунистической партии — возможно, Черкасов, так как он член советского парламента,— но ясно, что оба они хорошие марксисты».

Вслед за этим абзацем в журнале была помещена моя фотография с подписью: «Николай Черкасов, артист, марксист, гуманист»...

За сорок дней нашего пребывания в Индии нам немало пришлось выслушать гневных слов о деятельности «вашингтонских патриотов», как здесь саркастически принято называть американцев и англичан, а также сотрудничающих с ними индийских прихлебателей. Эти «вашингтонские патриоты» пытались сорвать и кинофестиваль.

Надо сказать, что как только в Индии стало из-

вестно, что в Калькутте и Бомбее организуются комитеты по проведению фестиваля советского фильма — а это было еще в сентябре 1950 года, — англо-американские круги, обеспокоенные ростом популярности советского искусства и, следовательно, страны социализма, начали бить тревогу. В комитеты по проведению фестиваля входили работники искусства, кинопромышленные круги, прогрессивные деятели и даже верховные судьи провинций, возглавлявшие комитеты. «Патриоты» разослали всем членам комитетов фестиваля специальные закрытые письма, брошюры, напечатанные на стеклографе, в которых предостерегали их от участия в проведении этого фестиваля. В этих письмах, наряду с потоками гнусной клеветы на Советский Союз, его народ и мирную политику, говорилось:

«Что вы делаете! Вы хотите пустить сюда, в Индию, коммунизм! Ведь то, что вам предлагают в советских фильмах, не искусство, а политика и пропаганда».

Но это «предостережение» не возымело действия, на которое рассчитывали империалистические клеветники. Несмотря на запугивания, индийские деятели не отказались от своего плана проведения фестиваля и приглашения в Индию деятелей советской кинематографии. Эти провокационные письма вызвали резкое осуждение со стороны самых различных кругов индийской общественности, в частности верховного судьи г. Чандера. Его сообщение о том, что «вашингтонские патриоты» стремились сорвать проведение фестиваля советского фильма, вызвало бурю негодования.

И еще — что чрезвычайно приятно было читать нам в газетах Индии, — это строки о том, что поездка представителей советского искусства доказала, что можно построить мост доброй воли и взаимопонимания между двумя великими народами.

И действительно, мы являлись посланцами советского народа в дружескую Индию, привезшими продемонстрировать свои произведения киноискусства и рассказать о мирном созидательном труде советского народа. И нам было очень радостно от сознания, что широкие массы Индии, ее прогрессивная интеллигенция и деятели искусства именно так и восприняли наш приезд.

Уже три недели мы в Индии. Все наше время расплано по часам: встречи с индийскими кинодеятелями, работниками театра, художниками, посещение киностудий, просмотр индийских фильмов, ознакомление с достопримечательностями и памятниками старины. Мы сильно уставали, недосыпали. Но стремление как можно больше узнать о жизни дружественного нам великого индийского народа всегда побеждало усталость.

Хорошее впечатление на нас произвела Государственная студия документальных фильмов. Нам были показаны документальные фильмы «Поездка премьер-министра Неру в Ладан» (район Тибета), фильм о древнем городе Джейпуре и цветной фильм о Кашмире. Эти фильмы сделаны с узкопрофессиональной точки зрения хорошо, работа кинооператоров и режиссеров превосходна, но они нас не совсем удовлетворили. В фильме о Джейпуре мы увидели торжественное шествие слонов в день какого-то праздника. Я тут же вспомнил картину Верещагина, которую видел в Калькутте в Виктория-мемориале. Картина нашего соотечественника почти с документальной точностью воспроизвела величественное шествие этих могучих животных.

В фильме о Джейпуре были показаны и народные танцы, которые с блистательным искусством исполняются индийцами. Туда же были включены и различные процессы работы мастеров художественных народных промыслов, которыми так славится Индия. Но с экрана, к сожалению, не прозвучало ни слова о том, что труд талантливых художников из народа обесценен. А насколько он обесценен, я расскажу позже.

Фильм о Кашмире — цветной, на узкой шестнадцатимиллиметровой пленке. В нем хорошо показаны красоты и богатства этой провинции, многочисленные каналы, гонки на лодках, картины величественной природы. Но в фильме не отражена современная ожесточенная борьба за Кашмир между Индией и Пакистаном. Борьба истощает обе страны, и это лишь наруку англо-американским империалистам, искусно разжигающим ее.

В фильме о Ладане мы увидели буддийские храмы, священные танцы, исполняемые в гигантских масках, музыкантов с огромными трубами и т. д.

За один час мы совершили интересное путешествие по нескольким провинциям Индии, но в индийских документальных фильмах мы не видели жизни великого народа, талантливого и трудолюбивого.

И когда мастера документального кино попросили нас высказать свои замечания по поводу их работ, то мы рассказали им о советской кинохронике, о том, как она правдиво и убедительно отражает в фильмах подлинную жизнь и быт своего народа.

Друзья предложили нам осмотреть Бомбей. Мы заходим по городу, рассматриваем интересные здания, прислушиваемся к говору многоязычной, чрезвычайно колоритной толпы в различных национальных одеждах.

В европейской части города множество больших магазинов с вывесками на различных языках. В английских магазинах мало публики, часто на их витринах видишь плакаты о распродаже всех товаров в связи с ликвидацией дела.

В старом городе шумно. Вдоль тротуаров, перед магазинами идет бойкая торговля с рук, с лотков. В витрине одного магазина рассматриваем прекрасно выполненные кустарные изделия, разные предметы из серебра. Заходим в магазин. Здесь продаются кольца, бусы, стаканы, ожерелья, целые чайные сервизы. Многие украшения и предметы домашнего обихода сделаны очень искусно, тонко, с большим мастерством. Их выделывают деревенские кустари, занимающиеся своим промыслом целыми семьями.

Нас удивило, что продавцы, прежде чем назвать цену вещи, кладут ее на весы и взвешивают. Оказывается, изделия ценятся не по качеству выполненной и очень часто исключительно талантливой работы, а по весу серебра и его сегодняшнему курсу! Большое, грубо сделанное украшение или серебряный стакан стоят во много раз дороже, чем вещицы меньшего размера, удивляющие тонкостью и изяществом отделки.

В магазин входят состоятельные горожанки. В ярких сари, в широких шароварах, они садятся на подушки, разложенные на полу, и продавцы услужливо подают им различные бусы, кольца, браслеты. Индийские женщины кольца носят не только на пальцах рук, но и на пальцах

ног. Сидя на подушках, примеривают их. Глядя в зеркальце, они вставляют маленькие запонки-украшения в сделанную для этого дырочку в носу. Мы узнали, что индийская женщина владеет только тем, что на ней надето — на голове, на шее, в ушах, на руках и ногах. Все остальное принадлежит мужу.

Нам советуют поехать осмотреть «Башни молчания» на Малабарском холме — крематорий парсов. Европейцы туда не допускаются, и только из большого расположения к нам индийские друзья устраивают эту экскурсию. Едем по набережной Бомбея, поднимаемся на большую гору. Отсюда открывается чудесный вид на Бомбей и сияющий вдали залив Аравийского моря.

По дороге рассказывают, что выходцы из Ирана «парсы», покинувшие свою родину несколько столетий тому назад, — потомки огнепоклонников. Они принесли сюда, в Индию, свои обычаи и сохраняют их до сих пор. В частности, сохранился особый обычай хоронить покойников.

Машина заворачивает за большую каменную ограду и попадает в просторный двор. По каменной лестнице поднимаемся дальше и попадаем в тенистый парк. Навстречу выходит индеец-парс в национальной одежде. Он приветствует нас и предупреждает, что здесь воспрещается курить и нельзя фотографировать.

В глубине парка высятся огромные светлосерые башни. На башнях сидят хмурые, зловещие грифы.

По своему верованию, парсы не могут «осквернить» грешным телом ни землю, ни огонь, ни воду, ни воздух. Поэтому их мертвое существо должно раствориться в другом живом организме.

Парс подводит нас к большому макету «Башен молчания».

— Вот сюда, на плоские крыши башен, — поясняет он, — кладут тела умерших. Носильщики удаляются, и тотчас стаи хищных грифов набрасываются на трупы. Проходит десять-пятнадцать минут, и от покойника остается только скелет. Бранные останки человека падают в глубокий колодезь. Их обильно посыпают известью, и палящее тропическое солнце превращает все это в прах, смываемый потом проливными дождями...

Потрясенные рассказом и зрелищем, мы долго стоим у древнего «крематория».

Я спрашиваю:

— А живых людей трогают грифы?

— Нет.

Смотрю на грифов, сидящих на голой ветке большого дерева.

— А почему нет листьев на этом сучке?

— Там, где садится гриф, умирает все живое. . .

После паузы наш гид добавляет, что когда умирает парс, его семья мажет лицо покойника каким-то бальзамом. Приводят собаку. Если пес лизнет лицо, значит на том свете покойнику будет хорошо, и все родные счастливы. Если же собака лицо не лизнет — это большое горе для семьи. . .

Мы прощаемся, благодарим гида-парса и в мрачном настроении садимся в машину.

Едем осматривать «Висячий парк». Висячим он называется потому, что под ним находится огромное водохранилище бомбейского водопровода. В парке подстриженные газоны, по бокам ровные барьеры из зелени, на которых высятся сделанные также из зелени фигуры слонов, верблюдов, гигантских попугаев. Это каркасы животных и птиц, искусно спрятанные под пышной растительностью.

Из «Висячего парка» видны «Башни молчания». И хотя мы от них довольно далеко, но все еще различаем страшные черные точки на стенах и на деревьях — грифов. . .

На обеде у Каранджиа, редактора двух распространенных в Индии газет «Блиц» и «Атом», встречаемся с известнейшим писателем Мулк Радж Анандом, автором романа «Кули», хорошо знакомого советским читателям.

Три месяца писатель пробыл в Советском Союзе, но, к сожалению, ничего не написал о своем пребывании в нашей стране.

В ответ на мои слова о массе впечатлений, полученных в Индии, Мулк Радж Ананд рассказывает мне, как

в Москве он не терял ни одной минуты. Знакомясь с жизнью советской столицы, ее достопримечательностями и театрами, он просмотрел множество спектаклей в лучших московских театрах.

Одна из крупнейших индийских кинофирм, Даймонд Пикчерс, устроила грандиозный прием, на котором присутствовало около двух тысяч работников кинопромышленности и деятелей искусства. Возле студии собрались толпы народа. По дорожке, застланной красной материей, мы прошли метров триста, а впереди, обгоняя нас, бежали десятки фото- и кинорепортеров. Духовой оркестр исполняет бравурный марш. Под большим тентом, который подпирают толстые бамбуки, в креслах и на скамьях сидят знаменитые актеры, режиссеры, композиторы, писатели. Нас проводят в президиум. Направо — советский флаг и портрет товарища Сталина, налево — индийский флаг и портрет г. Неру. Все присутствующие стоя приветствуют советского посла и нашу делегацию.

С большой дружеской речью выступил известнейший индийский артист кино и драмы Притхви Радж. Он представляет нам выдающихся деятелей культуры, киноартистов, режиссеров.

Затем на трибуну поднимается писатель Мулк Радж Ананд. В руках у него огромный кожаный свиток. В свитке адрес-приветствие от четырнадцати творческих и прогрессивных организаций Бомбея. Этот адрес, говорящий о мире, о глубокой симпатии индийского народа к Советскому Союзу и сочувствию к его мирной политике, представляет большой интерес.

«Мы ждали вашего приезда в наш город и были счастливы, когда узнали, что вы наконец приехали,— говорится в начале адреса.— Мы хотели встретить вас и дать вам почувствовать любовь, которую испытываем по отношению к вам, и преклоняемся перед вашим искусством».

«Для нас вы не иностранцы из далекой страны,— говорится в адресе.— Мы видели много прекрасных фильмов, в которых вы принимали участие. Некоторые

из нас по экрану уже давно знакомы с вами, и мы стремимся в своей работе брать пример с вас. Но нам необходимо было увидеть вас, мастеров советского искусства, чтобы получить то вдохновение, которое в мире искусства может дать только личный контакт. И потому, хотя мы и знали вас по вашим великим трудам, теперь память о нашей встрече будет долго вдохновлять нас, а слова, которые вы произносили, станут ключом к пониманию разных жанров искусства.

Мы — представители старой цивилизации, потерявшей себя во мраке и смуте, порожденной колониальным рабством. Усилиями многих поколений наших соотечественников мы дошли до понимания необходимости сбросить ярмо империализма во всех его проявлениях и вновь подняться юной нацией. В культурных мероприятиях, которые являются фундаментом каждой цивилизованной жизни, мы хотим учиться у вас, представителей такой же древней нации, ставшей вдруг молодой.

Мы понимаем, что вы — представители страны, которая показала, что человек может сделать, если он этого захочет, в содружестве с другими людьми, — создать новое общество, где любовь человека к человеку и счастье всего народа стало возможным благодаря мирному труду и созиданию жизненных ценностей.

Мы знаем также, что ваша страна показала, как люди могут изменить себя и преобразить свою землю при правильном применении науки. Мы ценим то, что в области искусства и культуры ваша страна внесла огромную лепту и доказала, что книги, картины, статуи, фильмы и театральные постановки не являются украшением тщеславия некоторых привилегированных индивидуумов, а являются средством к счастью, к развитию эмоций и установлению контроля человека над самим собой и над природой.

Мы приложим большие усилия к тому, чтобы впитать в себя пример, данный нам героическим народом СССР, его артистами и работниками умственного труда — «инженерами человеческих душ», как вы их называете. Мы надеемся, что толчок, который мы получили от вашего присутствия среди нас, даст нам возможность еще

глубже узнать достижения советской культуры и впитать в себя те знания, которые вы можете нам дать.

Горячо верим, что результатом личного контакта между нами и вами, представителями великой советской культуры, явится крепнущая дружба между нашими народами. Мы знаем, что вы оба поддерживаете ту борьбу за мир, которая охватила сейчас весь земной шар, борьбу против угрозы атомной войны. Такие выдающиеся люди, как вы, являющиеся слугами человечества, должны понимать необходимость сохранения мира, и вы, мы в этом уверены, будете вести дело сплочения сил, борющихся за мир. Надеемся, что ваш приезд в нашу страну предшествует следующим приездам. Мы надеемся, что и другие представители советской интеллигенции приедут в Индию в ближайшем будущем и этим окажут содействие в развитии мировой культуры. Мы хотели бы, чтобы представители нашей индийской интеллигенции поехали к вам с ответным визитом. Узы личной дружбы с братской интеллигенцией Советского Союза сделали бы возможным постоянный обмен знаниями между обеими странами».

Чтение приветственного адреса писатель Мулк Радж Ананд закончил словами: «Пусть процветает дружба между народами Индии и СССР! Пусть дружба и солидарность поведут к единению сил в борьбе за мир и процветание! Пусть светит всем нам солнце счастья! . . .»

Мы чувствовали искренность этого приветствия. Оно неоднократно прерывалось громом аплодисментов тысячной аудитории, его поддерживали люди, сидящие с нами, передовые представители индийского народа.

Мы горячо благодарим за простые и сердечные слова приветия, за теплую встречу. Говоря о борьбе за мир и дружбу с народами, которую ведет весь наш народ, я сказал, что у каждого советского человека, в том числе и у нас, деятелей искусства, есть увлекательные творческие планы. Советские деятели искусства вместе со всем советским народом подписались под Стокгольмским воззванием, единодушно одобрили решение Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве и продолжают неустанно бороться за мир. Нам приятно узнать, что народы Индии разделяют нашу точку зре-

ния и также хотят мира и дружбы. А это желание двух великих народов является непобедимой силой. И снова гром аплодисментов.

Сидели более тысячи людей с удивительно красивыми глазами. Они согревали нас своей улыбкой, лаской, обаянием. И я, не выдержав, сказал:

— Мы никогда не забудем ваших красивых глаз — мужских, женских и детских.

Снова овалация.

— Мы никогда не забудем той искренности и тепла, с каким вы встречаете и приветствуете нас, посланцев страны социализма. Мы постараемся ответить тем же, когда у себя на родине, в Советском Союзе, будем принимать посланцев вашей великой и дружественной нам страны.

Нас просят пройти в сад. Играет духовой оркестр. Пудовкину и мне предлагают посадить в этом саду деревья — манго. В земле подготовлены ямки. Раскалывается глиняный горшок, в котором произрастает молодое дерево с самым благородным плодом Индии. Деревце сажают в ямку. Пудовкину подают большой серебряный кувшин с водой, и он поливает деревце, у которого устанавливается большой плакат с надписью: «Дерево имени Пудовкина». Разбивают другой горшок и в соседнюю ямку сажают манговое «дерево имени Черкасова». Из серебряного кувшина я поливаю свое дерево. Оркестр исполняет гимн Советского Союза, потом звучит государственный гимн Индии.

Мы благодарим за честь, оказанную нам, и говорим, что твердо верим в то, что посаженные нами деревья — символ дружбы между двумя народами — будут расти и давать свои пышные и благородные плоды. Мы просим ухаживать и наблюдать за этими деревьями, помогать, чтобы они росли и развивались хорошо, а деятелей искусства просим быть добрыми садовниками. Наши друзья индийцы обещают любовно выращивать эти деревья дружбы и сообщать в Советский Союз об их росте. . .

По индийским обычаям, место, где ты посадил плод, является твоей собственностью. Никто не имеет права

построить там что-либо или посадить что-нибудь другое. Нам по-дружески сообщают об этом. Вот уж мы никогда не думали, что станем «собственниками» в Индии. . .

Как-то раз, надевая чистую сорочку, я обратил внимание, что пуговицы на ней либо обломаны, либо совсем оторваны. Что за чертовщина? Просматриваю все свои рубашки, которые отдавал в стирку уже во время поездки по Индии. То же самое. Спрашиваю, чем это объяснить? Получаю немудреный ответ: оказывается, прачки — мужчины и женщины, принадлежащие к касте «дхоби», — стирают белье без мыла в море или в реке и бьют его о скалы или камни. Ясно, что при такой «стирке» от перламутровых пуговиц остаются одни обломки. Тут я понял, почему у мужчин в Индии вместо пуговиц на сорочках заправки — бриллиантовые и золотые у богатеев, серебряные и медные — у рядовых людей.

Прачка по неписаным, но соблюдающимся кастовым законам не имеет права стирать белье себе, а отдает свои собственные вещи другому.

Многочисленные касты в Индии официально отменены, но кастовые предрассудки, рожденные в давние времена, живут до сих пор. Например, человек, убирающий комнату и сметающий пыль с пола, не имеет права подавать пищу на стол. Повар, приготовляющий пищу, не имеет права мыть посуду. Моет посуду человек другой касты.

В деревнях, в которых мы побывали во время своих поездок, нам говорили, что почти четверть населения Индии принадлежит к касте «неприкасаемых», то есть людей, которые могут заниматься только черной, грязной работой. Эти «неприкасаемые» убирают нечистоты и питаются пищей, которая остается от людей более привилегированных каст. Если ты родился в касте «неприкасаемых» и нищих, то каким бы ты ни был гением и талантом, «пробиться в люди», получить какую-нибудь чистую работу почти невозможно, ибо это не положено по обычаю.

В Бомбее по вечерам к нашему дому часто приходил оборванный бедняк индиец. Под аккомпанемент гитары

изумительным бархатным голосом он пел индийские и европейские песни. Этот бедняк артист принадлежал к касте «неприкасаемых». Он мог бы выступать в концертных залах всего мира, настолько замечательными были его голос и подлинное, чисто природное мастерство. Но нельзя, — вековые нравы ему это не разрешают, и он вынужден ходить по дворам, собирая гроши на пропитание.

В том же Бомбее я наблюдал, как женщина, одетая в сари, идет по мостовой, неся на голове медное блюдо. Она останавливается, наклоняется и с удивительной грацией подбирает с дороги еще не высохший коровий помет и кладет его на поднос. Это профессия женщины, принадлежащей к какой-то низшей касте. Подняться выше по общественной и жизненной лестнице она не может, — не позволяет закон. Английские империалисты, местные реакционные круги сознательно поддерживают в народе все эти возмутительные предрассудки. Так легче держать в узде забитый, закабаленный народ.

Нас очень приглашали посмотреть фильм «Афсар-ревизор», поставленный по комедии Гоголя «Ревизор». Мы решили так: посмотрим две части, поговорим с режиссером и актерами и пойдем домой. Но когда в киностудии началась демонстрация фильма, я понял, что из зала мы не уйдем до конца картины, настолько это было любопытно.

Я исполнял роль Осипа, знаю почти наизусть все другие роли, и я пришел в восторг от того, как современно звучит бессмертная комедия русского писателя здесь, в Индии. Действие фильма происходит в 1949 году, в одном из маленьких провинциальных индийских городков. Все персонажи картины — в современных национальных индийских костюмах.

С первых сцен «Ревизора» в зрительном зале поднялся гомерический хохот. Вот городничий, одетый в белые шаровары и курточку, объявляет чиновникам о приезде ревизора. Авторы сохранили гоголевский текст. Появление каждого нового персонажа меня сильно увлекало, и я их ждал. Судья — в национальном костюме.

Земляника — в европейском пиджачке и брюках, почт-мейстер — в национальном скюртучке и тюрбане.

С нетерпением ожидаем выхода Добчинского и Бобчинского. Стремительно влетают два актера — один маленький, а другой невероятно длинный. Оба в тюрбанах и с нарочито густыми, завитыми кверху усами. Кинорежиссер не отступил от неписаного закона индийского кинопроизводства и исполнение музыкально-танцевальных номеров «поручил» Добчинскому и Бобчинскому. После окончания своих диалогов они с увлечением пели и танцевали.

Жду не дождусь появления Осипа и Хлестакова. Осипу сценарист уделил мало места в картине, и его характер совсем не раскрыт. Слуга Хлестакова представлен вялым и невзрачным, что никак не соответствует этому образу. Монолога Осипа не было. Но вот появляется Хлестаков. Играет его великолепный актер Девананд. Он одет в европейский костюм. Это артист, играющий главным образом любовников, стройный, с очень приятным, красивым лицом. В руке у Хлестакова пишущая машинка, в кармане вечное перо «паркер». Он удивительно напоминает английских и американских молодчиков, которых мы всюду встречали. Ревизор голоден, он посылает Осипа к хозяину гостиницы за обедом. Сцена еды поставлена смешно и интересно. Наконец по улице к трактирчику подходят судья, Бобчинский и Добчинский, все вваливаются в комнату ревизора. Эта сцена сделана по Гоголю.

После обеда Хлестаков спит. Городничий и городничиха в волнении. Роль городничихи превосходно играла строгая, мужественная женщина в национальной одежде. Но дальше начинается полное «отрицание» Гоголя. По индийским обычаям, невозможно допустить (во всяком случае на экране), чтобы молодой человек ухаживал за почтенной замужней дамой, и поэтому сценарист «добавил» городничему вторую дочку. Одна дочка с пухлым лицом, слегка вздернутым носиком и удивительно раскосыми глазками, прямо как у индийских божков, а вторая — красавица, актриса лирического плана.

Очень хорошо артист Девананд проводит объяснение в любви первой дочери. Смущаясь, она рассказывает

потом своей мамаше о случившемся. Потом Хлестаков объясняется в любви и второй дочери. . .

Неизменный кинозакон о танцах и пении помог до конца «раскрыть» образ Хлестакова. И вот дочерям городничего снится Хлестаков — сначала одной, и он с ней танцует, затем другой. Первой снятся сны, где Хлестаков в многократной экспозиции танцует какие-то необыкновенные танцы, изображая идолов и богов. Вторая дочь видит себя одетой в современный европейский костюм, исполняющей с Хлестаковым американизированный танец. . .

Превосходно сделана сцена получения взяток Хлестаковым от чиновников и купцов. И то, что он в европейском, а они в национальных костюмах, приобретает сразу особый смысл.

Вползает унтер-офицерская вдова на коленях и рассказывает Хлестакову о своем горе и нищете. И эта сцена поставлена отлично.

Наступает час отъезда, но Хлестаков не может уехать — он влюблен в «лирическую» дочку. И тут гениальное произведение Гоголя окончательно идет на смарку. Хлестаков садится на извозчика, едет к вокзалу. Он приехал, раздумывает, выходит на перрон. Подходит поезд, у героя в руках билет, но в последнюю секунду он останавливается и раздумывает уезжать. Вагоны проходят мимо него, поезд удаляется.

В это время происходит сцена у судьи: выяснилось, что приезжает настоящий ревизор. Появление почтмейстера и чтение письма сделаны прекрасно. Я узнавал гоголевские слова. В зале слышался хохот.

Заканчивается фильм, я бы сказал, ханжески. Как рассказал мне автор сценария Четан Ананд, ему пришлось осудить всех виновных, ибо зло должно быть наказано.

Режиссер и исполнитель роли Хлестакова доказывали нам, что поставить фильм строго по Гоголю они не могли. Многие не было бы понятно индийским зрителям. Поэтому они и пошли на такое произвольное толкование этого произведения. Как исполнитель роли Осипа в театре, я сказал, что следовало бы более выпукло обрисовать образ слуги. В вестибюле театра я показал,

как Осип, отказываясь брать деньги, все же берет их у городничего. Я сыграл эту сценку, и она понравилась индийским кинодеятелям. Когда мы вышли на улицу, Пудовкин сфотографировался с режиссером Четан Анандом, а я снялся с исполнителем роли Хлестакова артистом Деванандом. Я подарил ему фотографию, написав: «Индийскому Хлестакову от русского Осипа.— Черкасов». А он мне подарил свое фото с надписью: «Русскому Осипу от индийского Хлестакова.— Девананд».

Каждая новая встреча, просмотр фильмов, беседы несли массу впечатлений. Мы приглашены к писателю Мулк Радж Ананду домой, на завтрак. Хозяин любезно встречает нас, и мы видим много знакомых лиц: артисты, режиссеры, члены Комитета, с которыми уже не раз встречались. Сидим, разговариваем. На подушках, поджав ноги, в ярких костюмах из парчи, сидят удивительно стройные, с красивыми глазами танцовщицы и танцовщики. Тут же замечательный актер Притхви Радж. В белом национальном костюме он напоминает шекспировского Отелло.

Артистки подают нам завтрак, ухаживают за нами. Большинство из них видело советские фильмы, они понравились индианкам, произвели на них большое впечатление. Я рассказываю о том, что мне очень понравились талантливые индийские актеры театра и кино, подчеркиваю, что, несмотря на отсутствие профессиональной школы, эти артисты на практике овладели высоким мастерством.

Гостеприимный хозяин Мулк Радж Ананд просит индийских мастеров танца показать свое искусство.

Сбоку от меня сидит женщина балетмейстер. Она подает сигнал к началу. Танцовщик и танцовщица становятся в своеобразную «пятую позицию» — расставив широко ноги, полуприседа, держа руки ладонями вверх на уровне плеч. Музыкальное сопровождение — один барабан.

Балетмейстер кратко поясняет содержание танца: взаимоотношения богов и их борьба. Потом начинает декламировать. Она произносит слова, которые одновре-

менно повторяют и исполнители. Музыкант на барабане отбивает ритм. Слова произносятся тише, шепотом и совсем замирают. . . Это своеобразное вступление к танцу, затем — танец и диалог, ибо индийские танцовщики разговаривают и в танце. После вступления артисты исполняют танец, полный причудливых, неповторимых движений. Танцовщицы танцуют босиком, пятки их ног выкрашены красной краской, ладони — тоже, на лбу наведен красный кругленький значок. На руках большое количество перстней, на груди — бусы; запястья, браслеты на руках и на ногах. Даже на пальцы ног надеты кольца.

Первый танец кончился. Мы горячо аплодируем. Другой танец тоже посвящен какому-то божеству. Балетмейстер снова что-то декламирует, танцовщица повторяет, слова затихают, громче слышится звук барабана, и артистка уже говорит только на языке жестов.

Так перед нами прошли изумительные индийские танцы. Вероятно, если бы мы знали условный язык народной хореографии, существующий с древнейших времен и запечатленный во фресках храмов, мы еще глубже поняли бы содержание исполняемого.

Нам предложили посмотреть, как тренируются индийские танцовщики. На середину комнаты вышел смуглый юноша с большими выразительными глазами. Сначала он показал тренировку глаз. Его глаза быстро вертелись в правую сторону, затем начали вращаться в левую, потом словно шли к переносице и в стороны. Вот у танцовщика начала дрожать кожа на лбу, затем последовательно задрожали уши, подбородок, шея, наконец стало вибрировать все тело.

Мы были поражены такой потрясающей техникой, умением владеть каждым мускулом своего тела. Это высокое искусство достигается постоянной и упорной тренировкой, огромным трудом.

Присутствующие стали просить Притхви Раджа что-нибудь прочитать. Он сказал, что будет читать монолог Шейлока из «Венецианского купца» Шекспира. Артист пояснил, что трактует Шейлока не стяжателем, не жадным, а озлобленным человеком, и в своей трактовке оправдывает его. Притхви Радж стал в выразительную

позу и с покоряющим мастерством прочел монолог на индийском языке. Мы переглянулись с Пудовкиным, в восхищении сказав друг другу: «Вот это актер!»

Все горячо аплодировали и благодарили замечательного артиста. Вижу, присутствующие вопросительно поглядывают на меня.

— Может быть, и мистер Черкасов что-нибудь исполнит?

Я находился под огромным впечатлением от мастерства индийских танцовщиков и монолога Шейлока. Все же отказываться было неловко, и я прочитал разговор Дон-Кихота с воображаемым Санчо-Пансо из пьесы М. Булгакова «Дон-Кихот» по Сервантесу. Я волновался, но сумел взять себя в руки, сосредоточиться и овладеть вниманием присутствующих. Стояла затаенная тишина, когда после торжественного монолога: «Прощай, Санчо, Санчо, прощай!» я медленно опустил руку и шепотом произнес: «Прощай!»

Перед монологом мы хотели перевести его содержание, но это было бы трудно сделать, и мы решили читать без перевода. Все присутствующие поняли трогательную сцену прощания рыцаря со своим оруженосцем, которому он дает последние наставления, как себя вести, когда он станет губернатором. . .

Меня благодарили, жали руки. Особенно пожимал мне руки замечательный танцовщик, повторяя: «Хорошо, хорошо. . .»

Мы попрощались с гостеприимным Мулк Радж Анандом, с присутствующими и отправились домой.

После небольшого отдыха мы готовились к встрече с представителями четырнадцати демократических организаций Бомбея. Эта встреча должна была произойти в большом здании кинотеатра в присутствии двух тысяч человек. Там предполагалось демонстрировать отрывки советских фильмов.

Незадолго до встречи нас известили, что без объяснения причин демонстрация советских фильмов отменена. Тогда программу несколько изменили. Решили дать кон-

церт, подготовленный несколькими кружками самодеятельности.

Во время чествования нам снова надевали на шею гирлянды из роз и других цветов, опять закрыв наши рты. Но так как мы уже знали, что по местным обычаям цветы можно снять минут через пять-шесть, мы так и сделали, положив их к себе на колени.

Мое появление у микрофона с переводчицей небольшого роста и на этот раз вызвало в зале веселье и смех. В своем выступлении я говорил о теплом, дружеском отношении, сопутствующем нам в Индии. К этому теплу мы так привыкли, что моментами забывали о том, что сейчас у нас на родине зима и мы только временно находимся в такой солнечной стране. Мне кажется, что я нахожусь здесь, в Индии, очень давно и что мог бы сыграть роль индийца в любом фильме, ибо у нас есть уже для этого опыт и наблюдения.

Зал был заполнен певцами, танцорами, музыкантами, рабочими, студентами. Начался концерт, исполнялись танцы, изображавшие крестьянскую свадьбу, уборку урожая. Танцевали студенты и студентки — участники самодеятельных кружков. Музыканты играли на национальных инструментах.

Прекрасно танцевала девочка лет десяти.

Артистами Ассоциации народного театра было сыграно несколько драматических сценок. Молодые артисты — энтузиасты театра — со своей программой малых форм разъезжают по деревням, показывая зрителям, лишенным какого-либо художественного обслуживания, свои незатейливые спектакли.

Один из актеров этой ассоциации превосходно пропел песню «Веселый рыбак». Артист стоял босиком, в полосатой рубашке, задрапированный клетчатым платком. Он держал в руках палку, которая изображала весло, и пел куплеты: «Что мне, рыбаку, попадается? Попалась рыба, хорошая рыба». И небольшой хор под аккомпанемент барабана и бубна весело ему подпевал. Рыбак поет о том, что в сети ему попался спекулянт. «Что я с ним сделаю? Сейчас придумаю!» Хор подпевает, в зрительном зале творится что-то невероятное.

Наконец рыбаку попался в сеть колонизатор-угнетатель. И счастливый рыбак поет о том, что он с ним сейчас сделает. Снова в зале взрыв хохота, а хор под барабан и бубен бойко запекает припев. . .

Долгими аплодисментами публика наградила исполнителя этого особенно понравившегося ей номера. Мы испытали на этом концерте огромную радость и как художники и как искренние друзья этого талантливого народа, так смело использующего искусство в борьбе за свое человеческое достоинство.

Однажды мы зашли в парикмахерскую постричься и побриться; народу было немного. Нас усадили в высокие кресла, и я ознакомился с техникой работы цирюльника-индийца. Бритву он точит о свою ладонь так быстро и ловко, что я боялся, как бы он не отхватил себе пальцы. Обильно намыливая лицо, он брил очень ловко; потом предложил мне вымыть голову, я согласился. Он обвязал меня большим махровым полотенцем, и я хотел было наклонить голову над большим умывальником. Но мастер дал знак, что еще рано. Он начал поливать мои волосы каким-то маслом и долго его втирал. Он нажимал на голову с боков, с затылка, со лба, будто пробовал арбуз со всех сторон. Это было не очень приятно и болезненно. Я морщился и не мог остановить парикмахера, так как он еще не смыл масла с волос. Процедура длилась минут десять. После нее он начал мыть. Я почувствовал, что в голове словно появилась какая-то свежесть. Оказывается, такой массаж хорошо освежает голову, и утомленные умственным трудом люди приходят к парикмахерским, чтобы сделать себе такую гигиеническую процедуру.

Рано утром мы выехали на машинах в княжество Хайдарабад, чтобы ознакомиться с древнейшими памятниками индийского архитектурного искусства — пещерными храмами Эллары и Аджанты. Нам предстояло проехать несколько сот километров.

Было бы непростительно не найти времени для осмотра таких величайших памятников старины.

Несколько машин двинулось по направлению к городу Назик. Раннее южное солнце ласкает пышную тропическую природу. Высокие, длинные кокосовые пальмы постепенно исчезают. Холмистая, усеянная листовыми деревьями и кустарниками местность вдали заполняется туманом. Откуда он? Сухо, сырости нет. Подъезжаем ближе. Оказывается, это большое облако дыма от сжигаемой крестьянами травы.

Вдали виднеется цепь причудливых гор с наслоениями различных оттенков. Верхний слой — светлый, средний — темный, самый нижний — совсем светлый. Гигантские столовые горы с плоскими, точно срезанными вершинами одна за другой уходят вдаль. Кажется они какой-то диковинной цепью крепостей, на которых в течение веков дожди и ветры создали своеобразные башни.

Смотрю на спидометр автомобиля. Мчимся с огромной скоростью — восемьдесят километров в час. Дорога превосходная. Потом думаю: нет, это быстрее восьмидесяти километров. Оказывается, на спидометре счет ведется не на километры, а на мили. Следовательно, едем мы со скоростью в сто двадцать километров. При встречном транспорте невольно вздрагиваю, ибо никак не могу привыкнуть к левостороннему движению.

На шоссе встречаются группы крестьянок в национальных костюмах. На головах у них медные сосуды с водой, начищенные до блеска и ярко горящие в лучах солнца. Иной раз женщина ловко несет два кувшина, поставленные один на другой, и издали они кажутся необычайным головным убором. А некоторые из крестьянок держат еще на бедре голенького ребенка, который сидит верхом, откинувшись на ладонь матери.

Подъезжаем к большой плотине. У воды множество небольших белых птиц, напоминающих аистов. При полете шея у птицы маленькая, она вбирает ее в себя, а когда опускается у берега в воду и стоит на своих тонких, длинных лапках, шея становится чуть ли не в четыре раза длиннее.

Проезжаем мимо кирпичных заводов, где женщины и мужчины примитивным, дедовским способом изготавливают кирпич. Встречаются арбы; их тянут священные

быки с рогами, раскрашенными в зеленый и красный цвета; у некоторых на кончиках рогов красуются медные наконечники с шариками. И тут попадаются священные коровы. Бездомные животные бредут по шоссе, и шофер тормозит машину — как бы не задавить их. Рога у коров, быков, буйволов самых различных форм — то они идут вверх и как бы соединяются вместе, то опускаются вниз и с двух сторон кольцом огибают морду.

Подъезжаем ближе к горам. Машины замедляют ход, — тут очень извилистая дорога, можно опрокинуть крестьянскую арбу или столкнуться со встречным автомобилем. Подымаемся выше и выше, въезжаем на небольшую каменную площадку. На четырех небольших колоннах — крыша, а под ней, в центре — бог фаллос, выкрашенный яркокрасной краской. Сбоку, на площадке, три небольших медных колокола. Каждый проезжающий здесь должен отдать хвалу «богу» и ударить в колокола, чтобы обеспечить себе счастливый путь при перевале через горы.

С самой вершины перевала перед нами открылась красивейшая долина с большими естественными башнями — горами, теряющимися в фиолетовой дымке и как бы изображающими цепь стражей, охраняющих прославленные хайдарабадские храмы.

Приближаемся к древнему городу Назик. Здесь в XVIII веке выстроен храм в честь бога Рама. Остановиваемся у кафе, чтобы выпить кофе и отдохнуть.

Потом бродим по узким улочкам; направо и налево — магазины, лавчонки. Шум, толпы людей, священные коровы, люди, несущие на головах по нескольку штук огромных корзин. Грохот молотков о наковальни, стук молоточков мастеров, искусно делающих медные кувшины для воды.

Надо пройти узкую улицу, завернуть налево, и там мы увидим храм. Зеваки смотрят на нас, и если мы останавливаемся, разглядывая что-нибудь, тотчас нас окружает толпа любопытных.

У какой-то лавчонки рассматриваем картинки, изображающие богов. Выбираем одну, другую, третью; они

Индийский крестьянин на шоссеной дороге

очень и очень дешевы. Это литографии в красках. Вокруг образуется огромная толпа.

На дверях одной из лавок нарисованы челюсти, верхняя и нижняя. Ага, зубной врач, техник. Клиентов у него нет, и он дремлет себе рядом с зубоучебным креслом, лежа на полу.

Прямо на улице — торговцы, продающие сандалии, туфли разных цветов и оттенков, шали, сари. Все это настолько цветасто, что рябит в глазах.

Вот и храм бога Рама. В свое время, притесняемый другими богами, он, по индийской мифологии, вместе со своей свитой передвигался по воздуху с востока Индии на Цейлон для того, чтобы расширить свои владения. В городе Назик бог остановился на ночлег, поставив вокруг себя свиту, чтобы она оберегала его от злых людей. И ему приснилась его любимая, очаровательная красавица жена. Рама был так растроган, что плакал, и слезы эти доставляли ему огромное наслаждение. И вот в городе Назик, у истока реки, которая якобы вытекла из глаз счастливого бога, был основан храм. В XIII веке здесь выстроены памятники богу Рама и другим богам. Все они выкрашены в яркокрасную краску.

На площади перед храмом — большие бассейны с мутной водой. У бассейнов, считающихся священными, огромное количество калек — черных, грязных старух со стриженными головами. Все они протягивали руки, прося подаяния.

Подходим к какой-то каменной площадке. На ней сидят жрецы с вымазанными глиной телами, с разрисованными лбами и красными пятнами на них. На руках жрецов желтой краской нарисованы ожерелья, на шее веревками привязаны какие-то предметы, волосы собраны вверх и тесьмой завязаны в пучки. Полуобнаженные священнослужители поглядывают на нас, внимательно рассматривают, о чем-то беседуют между собой. Один жрец сидит у самого бассейна, молится и делает какие-то жесты-заклинания. Он окунает руки в воду, потом разбрызгивает вокруг себя капли воды. Рядом с ним стоит индианка и пристально глядит на жреца, вероятно молящегося по ее просьбе.

Женщины стирают белье, бьют им о края бассейна.

Жара страшная. Голые дети веселятся, с разбегу прыгают в бассейн, кричат, смеются, соревнуюсь, кто дальше прыгнет.

Выезжаем за пределы города и мчимся по хорошему бетонированному шоссе. Местами по его краям растут гигантские развесистые деревья — баобабы, образующие целые аллеи.

Проезжаем деревни. Землепашцы старым, средневековым способом обрабатывают клочки своей земли. Сейчас январь, а здесь произрастает хлеб, яркий, нежно-зеленый. Вокруг небольших участков полей сделаны заграждения для того, чтобы прожорливые священные коровы не смогли потравить посевы. Поля обсажены естественной колючей проволокой — большими кустарниками кактусов.

Получается очень красивая картина, когда на таком небольшом зеленом клочке поля вдруг появляется ярко-оранжевое пятно, — это крестьянка в своем сари, наклонясь, пропалывает пшеницу. Труженицы — эти индийские крестьянки! Сколько силы, напряженного труда вкладывают они в обработку своих клочков земли, которые все равно не смогут прокормить их семей.

Проезжаем по шоссе, мимо маленьких божков. Возле некоторых из них сидят на корточках молящиеся.

На нашем пути древнейшая ирригационная система орошения. У колодца — небольшая покатая платформа, спускающаяся к земле. На платформе стоят два вола. В упряжку продета веревка, проходящая через блок. Вербка с привязанным к ней большим кожаным ведром опускается в колодезь. Индеец ударяет волов, и они медленно идут вниз, вытягивая ведро с водой. Остановка. Человек неторопливо берет ведро, неторопливо выливает воду в желоб, который распределяет влагу по всем полям. Волы пятятся назад, ведро снова погружается в колодезь, происходит та же «операция». Кажется, словно колесо истории закрутилось в обратную сторону, и мы попали в средневековье.

Вот «культура», уготованная империалистами для индийского народа!

Делаем привал у гигантских баобабов. Здесь тень, но все-таки жарко. Пронзительно кричат попугаи. Они

летают стайками, разрезая воздух как ласточки. Птицы присаживаются на дерево, возле которого я стою, и перекликаются, кричат, словно переругиваются между собой. В Индии я видел этих птиц в таком количестве, что они для меня казались уже не попугаями, а моими родными, привычными русскими воробьями.

Мчимся дальше. Дорога хорошая. Проезжаем плантации сахарного тростника, издали напоминающие нашу кукурузу. Но когда подъедешь ближе, видишь, что тростник выше кукурузы раза в четыре. По рядам ходят полуголые индийцы, ухаживая за посевом.

Невольно обращаешь внимание на особую дружбу священных животных — коров с птицами. Не раз я замечал коров с сидящими у них на спинах двумя, а то и тремя воронами и какими-то другими птицами. Очевидно, в этой дружбе есть какой-то смысл, может быть вороны и другие птицы избавляют животных от насекомых.

Шлагбаум у железнодорожного переезда закрыт. Впереди нас стоят два грузовика с продовольствием. На мешках — десятки ворон. Не боясь никого, они долбят мешки. В стране, где для человека каждая горсть хлеба — на вес золота, птицам полное раздолье, никто не прогоняет их, не трогает. Это не перестает нас возмущать.

Шлагбаум, в виде длинной железной решетки, закрыт на замок. Долго ждем, пока пройдет поезд. Наконец он прошел. Медленно подходит будочник, не спеша всовывает ключ в замок. Воронье не разлетается, продолжая клевать пищу на ходу машины.

Подъезжаем к небольшому городку Манмадбет. Железнодорожная станция. Решаем здесь пообедать. Идем на вокзал. Толпы людей ожидают поезда. Индийцы, индианки лежат прямо на земле со своими котомками. Все люди различного цвета — темнокожие, коричневые, с бронзовой кожей.

Идем в буфет. Заказываем пищу, моем руки. Съедаем по чашечке похлебки. Подают мясо. Один из наших спутников обращает внимание — маленький червяк.

Зовем официанта:

— Почему даете мясо с червями? Надо это блюдо чем-нибудь заменить.

Официант старается доказать, что это не червь. На станции нет холодильника, от жары мясо сразу же начинает портиться, и хозяин, не успев его распродать, угощает пассажиров недоброкачественной пищей.

Официант заменяет мясное блюдо другим, сделанным из овощей.

Торопимся засветло доехать до цели нашего путешествия — города Ауренгабад.

Впереди, между вершиной и подножием горы, стоит как бы подрубленная скала, образуя дорогу вокруг нее. Сама природа не смогла бы сделать такой объезд, тут, вероятно, была приложена человеческая рука. Когда приближаемся к этому месту, видим, что это развалины города Даулятабад — древней крепости, находящейся по соседству с Ауренгабадом.

У города Даулятабад опять начинается хорошая дорога. Налево и направо — красивые здания, особняки, дорогие отели, сюда приезжает огромное количество туристов.

Въезжаем в узенькую улочку, направо и налево — сплошь лавки. Чинят мост через большую реку. Едва-едва проезжаем по мосту, чуть не натолкнувшись на священных животных, бредущих нам навстречу.

Подъезжаем к кинотеатру, владелец которого показывает советские фильмы. Это пожилой мусульманин, плотный мужчина с рыжими усами, в шароварах и светлой курточке.

Сопровождающий нас представитель студии Даймонд Пикчерс, господин Чаудри, переговорил с ним о чем-то, и мы поехали в небольшую гостиницу, находящуюся на пыльной площади города.

В окрестностях Ауренгабада находится гробница Тадж-Махал, построенная магараджей в подражание гробнице, находящейся в Агре. Едем к этому памятнику; солнце уже опускается к горизонту. За воротами идет узкий длинный бассейн, обсаженный по краям зелеными кипарисами. А вдали красивейшее сооружение из белого мрамора.

Подходим к нему. Снимаем ботинки, остаемся в но-

сках. Здание Тадж-Махала со стройными минаретами производит впечатление легкого, изящного, словно кружевного строения. Большие мавританские окна сделаны из одного куска мрамора. Их резьба и украшения напоминают тонкую вязь кружева.

Солнце зашло. Возвращаемся в Ауренгабад. Сюда приехали из Хайдарабада кинопромышленники и предложили нам ночевать в их городе, в лучшем отеле. Это недалеко отсюда. Но так как в Хайдарабаде фестиваль советских фильмов был запрещен, мы решили не ехать туда и остаться на ночлег в скромной и простой местной гостинице.

✓ Поужинали. Ложимся спать. Вдруг слышим веселую, бравурную музыку. С балкона видим музыкантов. Что такое? Свадьба! На лошади едет жених, на его шею надеты гирлянды цветов. Сзади, в пролетке, вместе с родными, невеста. Кругом с факелами идут друзья новобрачных и поют песни. Это свадьба простых людей.

Утром просыпаюсь искусанный комарами — все лицо в волдырях. Оказывается, нужно было укрыться кисеей.

Рано утром выезжаем к главной цели нашего путешествия — к храмам Эллары и Аджанты.

Наш путь лежит через знаменитую крепость Даулятабад. Воинственный в далеком прошлом, город-крепость окружен цепью семи крепостных стен. На самом верху горы — большие здания с террасами.

Торопимся к пещерам Эллары. Поднимаемся на холмы, к большому перевалу, и перед нами открывается большая красивая долина. Направо — огромная скала, в которой высечены храмы.

Останавливаемся у самой главной из достопримечательностей Эллары — храма Кайласа. Две с половиной тысячи лет назад строили его несколько поколений индийского народа в течение двух столетий. У какого-то гениального художника древности родилась идея создать величественный храм в скале. И вот первое поколение начало откалывать в гигантской скале все то, что не нужно, постепенно создавая очертания храма, затем — большой двор вокруг него. Потом — изумительные колонны с редчайшими украшениями, фигуры богов

и священных животных, барельефы, вырубленные на стенах.

Во дворе храма любуемся громадными слонами и четырехугольными колоннами с фресками. Их никто туда не ставил, они были высечены художниками из той же самой скалы.

Последующие поколения вокруг храма в скале высекли террасы — первую, вторую и третью, украшали их колоннами, по их стенам выполняли барельефы причудливой формы. Эти барельефы посвящены жизни богов, и главным образом бога Шивы.

Обходим террасы. На стенах фрески, изображающие богов, людей, слонов, львов, грифов. Храм находится в глубине двора. Над его входом колоссальная скульптура бога Шивы. Входим в храм. Хиндуисты поклонялись фаллосу — богу радости, счастья жизни и любви, и в центре алтаря — бог фаллос, на которого верующие возливали различные благоуханные масла. Масло по желобку стекало на террасу, расположенную вокруг храма. В храме мы надолго задерживаемся у изображения какой-то богини: она лежит на ложе, окруженная слонами.

Храм Кайласа — бессмертное произведение искусства, созданное величайшими безыменными художниками из народа.

Мы долго осматривали храм, любовались его фресками, барельефами, выходили во двор и вновь возвращались, не в силах оторвать глаз от гениального творения.

До XII века Эллора с ее храмами была центром индийской философской науки и поэзии. Сюда съезжались философы и поэты древности, здесь они спорили, читали свои произведения и, очарованные красотой замечательных памятников архитектуры, создавали новые.

Осматриваем несколько других храмов Эллары. Они менее величественны. В одном из храмов перед алтарем высеченный из мрамора Будда. Скульптор постарался придать его лицу особую выразительность. Вероятно, когда жрецы освещали Будду, менялось и выражение его лица.

После осмотра храмов Эллары подходим к столу местной «музейной администрации», за которым сидит

Одна из деталей при храме в Аджанте

индеец в белом национальном костюме. Он дает нам проспект с описанием Эллары и Аджанты, продает открытки и просит расписаться в большой книге посетителей. Первая графа — государство, вторая — имя и фамилия, третья — отзыв. Пишу: «Ленинград, СССР; Николай Черкасов; величественно».

Вся книга исписана примерно такими же отзывами.

По пути мы решили осмотреть крепость Даулятабад. Проезжаем сквозь все семь ворот крепостных стен, осматриваем минарет. Машины разворачиваются, и мы едем в Аджанту.

Красивая дорога подымается в гору. Опять открывается вид на долину с большими лиственными, круглыми, как будто искусственно подстриженными деревьями. Трава желто-зеленая. Вдали, в лиловой дымке, виднеется еще одна горная гряда. Дорога приводит нас в глубокое и широкое ущелье. Оно постепенно суживается. Наконец подъезжаем к Аджанте. Мы выходим из машины и поднимаемся на сто ступеней вверх. На излучине мрачного ущелья нашему взору открываются высеченные в скалах храмы, такие же как в Эллоре. Их более двадцати, и выстроены они позже — две тысячи лет назад.

Многие пещеры напоминают одна другую. Колоннада, а за ней несколько четырехугольных зал, стены которых расписаны какими-то особыми красками. Роспись изображает жизнь Будды. Краски до наших дней сохранили свою яркость и свежесть. В предалтарях и алтарях каждого храма изваяния Будды, высеченные с удивительным мастерством. Гиды освещают их большими электрическими лампами.

Приближаемся к храму, который нам особенно рекомендовали осмотреть. Сказанное слово точно гудит где-то вдали. Полным голосом я взял высокую ноту, и она звенела, как струна рояля при нажатой педали, постепенно затихая в нишах храма. Мы следили по часам, звук удалялся в течение двенадцати-тринадцати секунд и замирал на пятнадцатой-шестнадцатой секунде, словно застывая в вечном безмолвии камня.

Каким же образом строились эти храмы, при каком

освещении величайшие художники, сыны Индии, создавали свои великолепные произведения искусства? Нам объяснили, что здесь особый гранит, отражающий, как зеркало, солнечный свет; художники использовали его как источник освещения. Этот свет позволял им видеть в глубине пещеры, что они творят.

Нас снова приглашают заехать в центр княжества Хайдарабад — «сердце Индии», как его называют. Это большой город, насчитывающий свыше миллиона жителей. Но княжество, как нам говорят, одно из самых отсталых. Мы благодарим за приглашение посетить этот город и собираемся возвращаться в Бомбей.

Спускаемся вниз по ступеням к нашим машинам. Сильно проголодались, и наши любезные спутники уже приготовили обед. Под деревом разостлан ковер, на нем скатерть, расставлена посуда с салатом, закуской, различными индийскими кушаньями. В особых кувшинах приготовлена вода для умывания рук.

Обед заканчивается. В воздухе парят коршуны и ястребы. Они спускаются совсем низко и садятся на деревья. Мы подкидываем вверх небольшие куски хлеба, и ястребы, «пикируя», на лету хватают их. Они спускаются все ниже и ниже. Каждый из нас старается подбросить как можно выше кость, кусок хлеба. Ястреб вот-вот схватит когтями кусок пищи, но его выхватывает у него другая птица; драка в воздухе; счастливец, завладев добычей, взмывает ввысь. Птицы нагледят и, не страшась нашего присутствия, «пикируют» прямо на наш импровизированный стол и вдребезги разбивают посуду. Поспешно убираем остатки пищи, чтобы предотвратить полный разгром обеденного стола.

Стемнело, и на бархатном небе вспыхнули яркие звезды, с отчетливой дорогой Млечного Пути. Я сел рядом с шофером. Сильные фары далеко освещают дорогу. Внезапно застигнутые светом зайцы мчатся по шоссе и не сразу сворачивают в сторону, в темень. Перед самой машиной пробежала дорогу стая шакалов. Четыре зеленых светящихся глаза издали смотрят на нас. Кричу: «Тигры, тигры!» Подъезжаем ближе. Оказывается, волю тянут повозку. . .

И вновь в темноте светящиеся точки, на этот раз —

две. Мчимся прямо на них. Из-под фар убегает в сторону гиена, сидевшая на шоссе.

Сворачиваем на тряскую, пыльную дорогу, и наша машина несколько отстает от двух идущих впереди. Начинаю дремать. Вдруг меня будят: «Смотрите, смотрите!» В темноте вспыхнули огромные печи. Огненная масса клубится в воздухе, полыхает зарево. Это сахарный завод.

Поздно ночью на пустынных улицах Бомбея видим огромное количество человеческих тел, прикрытых разным тряпьем. Перед моими глазами стоят величественные памятники Эллары и Аджанты, созданные талантливейшим индийским народом, и вот страшная картина нищеты, до которой доведен ныне этот талантливый народ английским империализмом.

На следующий день с утра готовимся к выступлению в радиокомитете. Корреспондент бомбейской радиостудии задал нам вопросы, и мы готовы ответить на них.

Едем в радиокомитет, осматриваем студию. Студия занята своим делом — тут репетируют музыкальные номера, там поют, в третьей комнате диктор что-то читает перед микрофоном.

Нас вводят в небольшую комнату, записывают на магнитофон вопросы корреспондента и наши ответы. Самая передача будет происходить несколько позже. Индианка в сари, с красным кружком на лбу, задает нам вопросы. Отвечаем через переводчицу. Ряд вопросов касается наших впечатлений об Индии. Потом следуют вопросы о моей творческой работе в театре и в кино, и в заключение такой вопрос: смогу ли я сыграть в кино роль индийского исторического деятеля? Я ответил: при условии глубокого изучения культуры народа Индии, используя мои личные наблюдения, считаю вполне возможным, почетным и увлекательным сыграть такую роль.

Индийских деятелей искусств, присутствовавших в студии, взволновали мои слова о необходимости глубокого изучения культуры Индии для исполнения одной роли.

После окончания записи мы рассказали о том, что советский актер, подходя к работе над историческим образом, глубоко изучает эпоху, события, стиль времени. И только это позволяет ему правильно понять и прочувствовать материал, который он должен воплотить в сценическом или кинематографическом образе.

Беседа окончена, нас благодарят. Входит индианка, также в национальном костюме и с красным кружком на лбу, — бухгалтер радиокомитета. Она любезно вручает нам два талона в местный банк: гонорар за наше выступление — по 40 рупий. Эти деньги мы так и не успели получить — не было времени.

Я был очень доволен и горд тем, что наша русская речь, наши советские мысли впервые в истории Индии будут звучать в эфире. Быть может, и они в какой-то степени помогут сближению великих индийского и советского народов и укреплению мира во всем мире, столь необходимого простым людям нашей планеты.

Почти месяц мы в далекой Индии. Множество интереснейших встреч, бесед, впечатлений. . . Всего не запомнить, не записать. Впечатлений столько, что они напоминают сундук, переполненный вещами и поэтому не запирающийся. Перебираю в памяти наиболее яркие, волнующие эпизоды и наблюдения, стараюсь сделать какие-то хотя бы предварительные выводы, суммировать их, подытожить виденное.

Все время не выходит из головы мысль о системе искусственно созданных запутанных кастовых и религиозных взаимоотношений людей, существующей в Индии. Многочисленные предрассудки, словно цепи, опутали и сковали волю и силу народа. Советскому человеку особенно бросаются в глаза и поражают его все эти неписанные «законы» жизни, установленные для простых людей.

Один сотрудник советского посольства в Нью-Дели рассказал нам историю о том, как он обнаружил у себя в комнате мышь, которая своим царапаньем мешала ему работать. Он поставил мышеловку. Ночью мышь попала, и наш товарищ попросил слугу-индейца уничто-

жить ее. Слуга выполнил приказание. Но на другой вечер мышь заскреблась в том же месте. Снова мышонок был пойман, и сотрудник посольства просил слугу уничтожить его. Но мышь снова появилась. Оказалось, что индеец не имел права, по существующим «законам», уничтожать мышь, всякий раз выпускал ее из мышеловки, и она возвращалась в комнату, в свою норку. . .

В Индии множество тропических муравьев-термитов, строящих огромные муравейники — большие глиняные башни, очень высокие, нередко выше человеческого роста. Нам встречались такие муравейники на дорогах, особенно неподалеку от джунглей. Мы проехали несколько огромных муравейников, сооруженных насекомыми в самом кювете дороги. Когда проходили дорожные мастера, они видели, что большим муравейникам грозит опасность — начнутся муссоны, по кювету потекут бурные потоки воды и смоят эти «башни». И дорожные рабочие — их никто не заставлял делать это — заботливо отвели кювет в сторону, чтобы дождь не смыл затейливого сооружения — башню муравьев.

Многобожие в Индии, бесчисленное количество богов и богинь, добрых и злых, тоже говорит о том, что народ хочет добра, красоты и несколько тысячелетий тому назад, создавая свою мифологию, подарил жизнь своим богам, какую сам желал, но не имел и не мог иметь. Индийцы наделяют своих богов всеми радостями и благами жизни, всеми ее наслаждениями. Их боги любят, ревнуют, страдают, имеют много детей. Индеец — простой человек — наивно верит в то, что после смерти ему на том свете повезет больше, чем в брэнном земном существовании, и он будет, предположим, торговцем, купцом, богатым человеком! Реакционные круги всячески укрепляют эти верования в людях, усиливают их.

Индийская мифология многообразна. Боги наделяны порой сложными характерами. Например, как произошло, что у бога Ганеша слонья голова? У Шивы, одного из главных индийских богов, и богини Кришны было четверо детей: два мальчика и две девочки. Один из мальчиков, Ганеш, был непоседливый, любопытный ребенок. Вечно он приставал с расспросами к отцу, был назойлив. Как-то Шива занимался какими-то важными делами.

Ганеш, по свойственному ему характеру, стал забрасывать отца различными вопросами. Шива сказал сыну: «Перестань, ты мне мешаешь работать. Разве не видишь — я сейчас занят. Мне некогда с тобой беседовать...» Но Ганеш продолжал приставать к отцу. Тогда Шива не выдержал и ударил своего сына по затылку, с возгласом: «Противный мальчишка, перестань мне мешать!» От сильного удара голова Ганеша отлетела. Вошла Кришна и говорит мужу: «Шива, что же ты наделал? Как же теперь наш Ганеш будет ходить без головы?» — «Ничего,— ответил Шива,— что-нибудь придумаем». И, чтобы успокоить свою супругу, приказал: «Пойди с ним на улицу, с первого встречного сними голову и приставь ее Ганешу». Первым встречным оказался слон. Кришна сняла голову со слона и приставила ее Ганешу. С тех пор слоновья голова украшает тело Ганеша, одного из индийских богов.

Товарищеские встречи с деятелями индийского искусства и кинематографии всегда проходили в обстановке большой непринужденности и сердечности. Чувствовали мы себя так, будто давно знакомы с нашими собеседниками, внимательно слушали их рассказы, соболезновали им, понимая всю тяжесть положения, в котором приходится жить и творить индийским актерам, режиссерам, художникам. Присматривались к нам и наши новые друзья. Они прислушивались к творческим спорам, происходившим у меня с Пудовкиным, и порой принимали в них участие.

Как-то на одном из собеседований с индийскими коллегами я, как актер, говорил, что в театре актер важнее, чем режиссер, приводя слова одного из создателей Художественного театра — В. И. Немировича-Данченко, утверждавшего, что хороший режиссер должен раствориться в актере, что только актер доносит до зрителя идею произведения, замысел автора. Меня поддерживали индийские артисты. Пудовкин же отстаивал свою точку зрения — точку зрения режиссера, утверждал, что главное — это режиссер, и его поддерживали индийские режиссеры. Дружеская творческая дискуссия проходила

весело, с большим юмором, каждый из нас приводил много примеров, защищая свою точку зрения. Эта дискуссия, как нам потом об этом говорили, произвела на наших хозяев большое впечатление. Вопреки своей реакционной прессе, индийцы узнали, что советские деятели искусств не стрижены под одну гребенку, что каждый из творческих работников имеет свое мнение, отстаивает его и защищает.

Мы удивлялись: до чего же реакционная печать и пропаганда англо-американцев исказили представления индийцев о нас, людях советского мира! И мы с удовольствием убеждались в том, что этот зловредный туман враждебной пропаганды рассеивается, а индийские деятели (они сами говорили нам это) почерпнули от нас много интересного и поучительного для них.

Нередко у нас разгорались дискуссии на тему, что важнее — театр или кино. Я утверждал, что театр и кино — родные братья, говоря, что в Советском Союзе эти виды искусства сосуществуют, помогают друг другу. Мы выражали сожаление о том, что театр такой огромнейшей страны, как Индия, с массой талантливейших актеров, режиссеров и художников, стоит на очень низком уровне, что нас поражает ничтожно малое количество театров.

В Калькутте и Бомбее есть множество талантливых актеров и режиссеров, есть и пьесы, но нет денег. Никто, как уже говорилось, не дает средств на содержание и развитие драматических театров. А ведь индийский театр мог бы оказывать самое благотворное влияние на индийскую кинематографию, ибо он обладает большими, выросшими из недр народов талантами, крупными прогрессивными деятелями. И даже несмотря на нынешнее плачевное положение драматического театра в Индии — я верю — у него большое будущее. Дельцы стремятся вложить свои деньги прежде всего в кинематографию, как в машину, делающую большие деньги. Воспитательные задачи, просвещение народа, пробуждение его национального самосознания — до этого им нет никакого дела.

Артисты и режиссеры соглашались с нами. «Иностранцам выгодно, — говорили индийские деятели куль-

туры,— чтобы народ пребывал в темноте и бескультуре».

Такие откровенные, задушевные беседы сблизили нас. Замечательный бомбейский артист Притхви Радж заявил в печати: «Хотя мы и не говорили на одном языке (Черкасов не знает по-английски), мы понимали друг друга через обычный язык актеров — язык сердца» (журнал «Блиц Ньюс Мэгэзин», 27 января 1951 г.). «Визит двух русских артистов,— сказал он.— окажет большое влияние на сближение народов Индии и Советского Союза».

Любопытно то, что действительно, разговаривая при помощи переводчиков с индийскими актерами, я понимал основную мысль до того, как мне дословно успевали переводить наши взаимные вопросы и ответы.

Беседуя с индийскими деятелями кинематографии, я выяснял, что если наши исторические фильмы «Александр Невский», «Иван Грозный» хорошо понимают зрители в Индии, то такие фильмы, как «Жуковский», «Павлов», «Мичурин», принимаются хуже. Рядовым жителям Индии не все понятно в этих картинах, говорили индийские режиссеры. Порочное влияние Голливуда, его примитивная продукция, прививающая мещанские вкусы и настроения, калечащая человека, задерживает развитие индийского зрителя. В этом ведь кровно заинтересованы и американские и английские империалисты. «Во взглядах на эту проблему у них не существует разногласий»,— с горькой иронией говорили нам прогрессивные индийские кинематографисты.

С большим интересом мы узнали, что индийские газеты и журналы помещают много различных заметок о жизни народов Советского Союза. Правда, очень часто под видом информации о стране социализма дается вымышленный, клеветнический материал. Но печать не может не давать материала о нашей стране: слишком велики у индийского народа симпатии и уважение к стране, которая в единоборстве с нацистской Германией спасла человечество от фашистской коричневой чумы и японского империализма. И в настоящее время широчайшие массы индийского народа и его интеллигенция стремятся узнать правду о Советском

Союзе, о его грандиозной мирной, созидательной работе, о величественных стройках каналов и электростанций, которые советский народ по справедливости назвал «стройками коммунизма».

Собираемся на юг страны, в Мадрас. Часть пути нам предстоит лететь, часть ехать в автомобиле. Сначала наш воздушный путь идет по маршруту Бомбей—Хайдарабад — Бангалор.

Летая на самолетах компании Аэро-Индия, я видел рекламу этой компании, выполненную в лубочном стиле: стоит индеец в красном тюрбане, в красном сюртучке, подпоясанном цветным шарфом, с закрученными вверх усами, в обуви с загнутыми кверху носками. Мне казалось, что такие карикатуры должны обижать индийский народ. Но наши друзья тотчас же пояснили, что это шаржи на богачей, бездельников и магараджей. Художники в своих карикатурах высмеивают не народ, а трутней, и сами народные массы именно так и воспринимают эти рисунки. У простых людей карикатуры всегда вызывают веселую улыбку и возгласы одобрения: «Так им (богачам) и надо, они вполне заслуживают того, чтобы над ними издевались».

И сейчас в самолете я вижу новую карикатуру на какого-то персонажа, кистью художника наделенного соответствующими атрибутами индийской «экзотики».

В Хайдарабаде нам предстоит пересадка на другой самолет. Смотрю в окно: под нами проплывают большие озера, нагромождения огромных валунов, скал. Самолет приземляется. В здании аэровокзала в витринах выставлены замечательные изделия работы индийских кустарей. Тонкий художественный вкус этих мастеров из народа сочетается с филигранной отделкой различных предметов и украшений из слоновой кости, серебра, ярких камней, самоцветов. Рассматриваем выставку и так увлекаемся, что чуть не опаздываем пересесть в другой самолет.

С нами летят главным образом европейцы. Но неподалеку от меня, по другую сторону прохода, сидит молодая индианка с ребенком четырех-пяти лет. Она в до-

рогом сари, хорошо облегающем ее красивую фигуру, на лбу у нее наведена красная точка. В правой ноздре у индианки бриллиантовое украшение, на шее ожерелье, на руках несколько браслетов, кольца; ногти на руках выкрашены красной краской, а ладони — яркожелтой. Видимо, это жена какого-нибудь индийского богача. Ее мальчик ерзает на своем кресле, он, наверно, неважно чувствует себя в воздухе, и мать его успокаивает.

По самолету проходит стройная индианка-стюардесса и справляется о самочувствии пассажиров.

Время от времени посматриваю в окно. Летим над землями Майсорского княжества. Здесь много озер, густая сеть оросительных каналов. Скоро Бангалор — второй по величине город княжества Майсор. Там сравнительно много различных промышленных предприятий, несколько высших учебных заведений. Наличие большого количества рабочих и студентов причиняет местным властям немало хлопот и беспокойства. Это княжество в Индии считается одним из прогрессивных.

На аэродроме нашу делегацию встречают представители различных общественных организаций и кинофирм. В гостинице происходит официальный прием. Мэр города произносит речь. Он говорит о радости, которую доставил жителям города просмотр цветного фильма «Первомайский парад 1950 года в Москве на Красной площади».

— И мы обязательно покажем нашей молодежи «Юность мира», — говорит мэр. — Этот фильм уже всколыхнул миллионы людей на земном шаре.

В небольшом саду предстоит фотосъемка. Все сели на скамью и увидели перед собой огромный, старинного образца, фотоаппарат, установленный на треножнике. Фотограф скрылся под куском материи, наводя на нас фокус объектива, похожего на пушку.

— В нас стрелять не будет? — в шутку спросил я.

— Нет, не будет, — хором ответили друзья, рассмеявшись.

В одном месте проезжаем по мосту через плотину. Вдали в темноте светят электрические огоньки небольших городков. Невольно вспоминается поездка по Хайдарабадской провинции, неприглядные картины крестья-

янской нищеты, пара волов, представляющих собой «систему» орошения в этой отсталой провинции. . . Впрочем, немало подобных картин довелось нам видеть во время поездки по великой стране.

Осматриваем город Майсор, подъезжаем к дворцу магараджи. У ворот видим двух стражников с высокими пиками в руках. Хотим подойти ближе, но грозный оклик стража останавливает нас: подходить к дворцу не разрешается. Не очень огорченные поведением охраны майсорского магараджи, усаживаемся в машины. Торопимся, так как предстоит проехать сто двадцать — сто тридцать миль до города Коимбатор, откуда на самолете полетим в Мадрас. Автомобили мчатся с большой быстротой. Сопровождающий нас представитель одной из кинофирм хочет сделать остановку в известной ему индийской деревне, крестьяне которой славятся мастерством чеканки по серебру. Своими изделиями эти мастера снабжают лучшие магазины Индии. Но наши шоферы все время ошибались, и мы попадали не в ту деревню, которая нам была нужна. Кустарей мы так и не нашли.

На одной из остановок в каком-то поселке шоссе обрамлено двумя рядами гигантских баньенов, прядями змеевидных веток впивающихся в землю. Здесь, при полном отсутствии ветра, мы обратили внимание на странный шелест листвы. Оказалось, что на этих огромных баньенах живет большое стадо обезьян.

Едем дальше. Кончается Майсорское княжество, подъезжаем к заставе. Здесь граница. Надо платить за проезд по дороге. И здесь, на внутренней границе, таможенники внимательно осматривают наши чемоданы и портфели. С особенным пристрастием они ищут спиртные напитки, ибо в их княжестве «сухой закон», а им, беднягам, хочется полакомиться вином или джином. Но у нас не было ни того ни другого.

Вблизи у палатки видна длинная резиновая кишка, кончающаяся большим насосом. Оказывается, таможенники, прыская какой-то жидкостью, дезинфицируют таким способом подозрительные вещи граждан, въезжающих в княжество Майсор.

На дорогах Индии меня всегда трогал вид молодых деревьев. Каждое посаженное дерево индийцы защищают от ветров, от зверьков, которые могут ему повредить. Они закрывают ствол куском железа, круглым жбаном из-под бензина, делая отверстие для притока воздуха. Иногда вокруг дерева аккуратно выкладывают несколько кирпичей. Часто посадки молодых деревьев окружены глиняной стенкой, которая на первый взгляд напоминает круглую верхушку колодца.

Впереди виднеются большие холмы, переходящие в горы, покрытые зеленью. Подъезжаем к джунглям. Частично наш путь лежит через них. В этом районе джунгли — заповедник. Здесь обитают дикие слоны, тигры, множество змей и прочих пресмыкающихся.

Углубляемся в сердце заповедника. На память приходят приключенческие романы. Наш спутник Чаудри показывает нам слоновью тропу. Рано утром и вечером по этой тропе слоны проходят к водопою. На лево небольшое заболоченное место, окруженное вековыми деревьями, чуть поодаль — пруд с прозрачной водой.

Хочется хотя бы издали увидеть диких слонов. Но, к сожалению, нет времени ждать — слоны появятся лишь к вечеру, направляясь на водопой.

Вдоль дороги встречаем причудливые высокие глиняные столбы, напоминающие вышки готических храмов. Это муравейники, построенные термитами — тропическими муравьями. Они строят эти столбы высотой до двух метров.

Живописна и величественна природа Индии! Несмотря на зимнее время, на многих деревьях красивые цветы, какое-то цветущее растение, как плющ, перекидываясь с одного ствола на другой, обвивает его, образуя своеобразные гирлянды.

Навстречу нам идет группа индийских крестьян. Это люди из племени, живущего в джунглях и очень редко появляющегося в городах.

Одна из женщин несет на бедре совершенно голого мальчика лет четырех. Мы сразу же обратили внимание: у женщины блестящие, черные с синевой волосы,

очевидно намазанные каким-то маслом. Волосы блестят на солнце и напоминают плохо надетый на голову парик. Индианки одеты в свои национальные костюмы, идут босиком; некоторые из них на головах держат глиняные сосуды. Женщин сопровождает высокого роста мужчина с добродушным лицом. Мы попросили разрешения сфотографировать всю группу. Но когда подошли к ней с лейкой, мальчик начал плакать — он нас испугался. Женщины тоже как-то недоверчиво смотрели на нас, но все же позволили себя сфотографировать.

Племя это называется «тодди» и известно тем, что в его среде много гипнотизеров. Говорят, что, живя в своих хижинах в диких джунглях, люди племени «тодди» обладают способностью гипнотизировать змей и таким образом защищают себя от них. И, как нас уверяли, звери тоже не трогают «тодди».

Мужчина из племени «тодди» стоял среди группы женщин. В руках у него был простой ножик с самодельной деревянной рукояткой. Он приветливо смотрел на нас. Я предложил ему сигарету, но он знаками показал, что не курит. «Тодди» не понимали нашего шофера-индийца, не понимали и господина Чаудри. Разговор происходил при помощи жестов.

Джунгли кончаются. Все выше и выше идет дорога. Она ведет нас в сердце голубых Нильгирийских гор. Это юг Индии.

Проезжаем район хорошо разделанных чайных и кофейных плантаций, принадлежащих богатому помещику. Сама земля напоминает своим цветом молотый жженный кофе.

Делаем небольшую остановку. Фотографируем величественные пейзажи, цепи гор, которые чем дальше, тем становятся бледнее и в фиолетовой дымке на горизонте сливаются с небом.

Проезжаем селения с домами темнокоричневой окраски. Встречаем высоких мужчин с длинными черными волосами и черными бородами и почти черных женщин.

Все выше и выше уходит дорога. По обеим ее сторонам стоят причудливые деревья, с очень длинными стволами и короткими ветвями. Издали они напоминают наши северные елки. Ветки этих «елок» так коротки и

их так много, что дерево кажется покрытым мхом. Пудовкин предлагает назвать эти высокие деревья «черкасовскими» (по моему росту).

Шофер наш плохо знает дорогу, и на разъездах, на поворотах мы спрашиваем, где надо свернуть, чтобы попасть в город Коимбатор.

Горная природа юга Индии изумительна. Мы поднялись высоко — пышущие зноем долины где-то внизу, свежий воздух насыщен ароматом цветов.

На нашем пути большое строительство. Множество индийцев вручную дробят крупные камни. Толпы женщин, подростков и детишек подносят к месту стройки в корзинах на головах щебенку. Никакого намека на машины, механизацию: нет даже камнедробилки! Конечно, человеческий труд стоит в Индии гроши, — предпринимателям он выгодней, чем машины. Тем более труд малолетних, — он почти совсем ничего не стоит, не охраняется законом.

На полях, на дорожных работах видим преимущественно женщин. В деревнях они тоже выполняют тяжелую, черную работу. Нас очень взволновало, когда наши спутники рассказали о полном бесправии индийской женщины, ее безрадостном положении. Мы, например, узнали о том, что вдова не имеет права второй раз выйти замуж. Становясь вдовой, женщина остригает голову и уже не имеет никакого будущего. А так как вдовой женщина в Индии может стать в пятнадцать-шестнадцать лет, то легко представить себе всю безысходность человека, который в такие молодые годы лишен прав полюбить, снова стать женой, матерью.

В Индии еще существует обычай выдавать девочек замуж в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Ранние браки влекут за собой высокую смертность, множество таких девочек-матерей погибает от родов.

Один индийский врач рассказывал, что, по далеко не полным данным, в Индии, до ее раздела на Индийский союз и Пакистан, ежегодно умирало во время родов не менее 200 000 матерей. Погибает примерно каждая десятая роженица!

Прогрессивные индийские деятели поднимали вопрос о том, чтобы закон разрешал вступление в брак не ра-

нее шестнадцатилетнего возраста. На эту тему много писалось, о пагубных последствиях ранних браков даже ставились фильмы. Но все это не дало никаких результатов.

«А в старину,— говорили нам индийские друзья,— когда у нашего крестьянина из касты «неприкасаемых» появлялась на свет дочка, нередко ее просто уничтожали, топили, как котенка. Зачем растить бесправное существо?»

Бесправие женщин в Индии поистине вопиюще. Оно характеризуется хотя бы следующим: женщина владеет тем имуществом, которое надето на ней, в буквальном смысле этого слова. Следовательно, собственностью женщины в Индии являются только: ее одежда, кольца на пальцах ног и рук, серьги в ушах и в ноздре, ожерелья, запястья, браслеты на руках и ногах. Поэтому даже бедный крестьянин наделяет своих дочерей этими «богатствами», хотя бы простыми медными кольцами, серьгами, браслетами. И на окраинах городов, в деревнях вы обязательно встретите маленькую девочку, у которой в ноздре продета серьга,— пусть это простая медяшка, но это ее собственность, то, чем она может владеть, что у нее не имеют права отнять. Многие женщины-мусульманки, оставшиеся в Индии после ее раздела, закрывают лицо паранджой. Женщина-мусульманка не имеет права с непокрытым лицом показываться на глаза постороннему мужчине.

В царской России, в Средней Азии, существовал этот суровый закон шариата. В Советском Союзе он давно уничтожен, отошел в область предания. Свободная женщина Востока равноправна в социалистическом обществе, для нее открыты все дороги к творческой, созидательной жизни.

И мы невольно мрачнели, когда на дорогах встречали мусульманку, которая шла в парандже и сторонилась мужчин.

Смотрим на часы. Мы можем опоздать к самолету. Чаудри волнуется, так как он телеграфировал о нашем приезде сегодня в семь часов вечера и на аэродроме в Мадрасе нас должны встречать.

Начинается спуск с гор. Наши автомобили, словно вьюны, кружатся на одном месте, спускаясь по закрученной спиралью горной дороге. Проходит много времени. На дороге из-за скал неожиданно появляются «священные» быки, запряженные в повозки, навстречу мчатся машины. Вправо при повороте виднеется огромная масса зелени, густо заполнившей ущелье. Приближаемся,— это кроны пальм. Поднимаем головы — едва видно небо.

Спускаемся вниз более часа с перевала высотой в 3000 метров. Становится ясно: на самолет мы опаздываем. Мы проехали не 120—130 миль, как нам говорили, а все 200 миль!

Вот мы и внизу — едем по глубокому ущелью, среди пальм, которые уже видели сверху. В этом месте — пальмовые плантации. Так как пальмы очень высоки, то их вершин совсем не видно, и когда мы проезжаем мимо них, создается впечатление, будто по сторонам дороги воткнуто огромное количество толстых палок, от которых при быстрой езде рябит в глазах.

Еще есть возможность поспеть на самолет. Но где же находится аэродром? Расположен ли он до въезда в Коимбатор, или, чтобы до него добраться, надо проехать через город? Возникает новое препятствие: асфальтируют дорогу, и нам нужно пробираться по сплошному песку и пыли, совершив большой объезд.

Стоят дорожные рабочие. Вокруг них толпы людей. На своих головах в каких-то чашах они подносят материалы для асфальтирования дороги. Их очень много, этих рабочих, и среди них большей частью мальчишки и девочки шести-восьми лет.

Через десять минут самолет должен улететь... Приближаемся к городу. Стремительно влетаем на аэродром. Самолет уже улетел... Выясняем, что в этот день больше не будет самолета, который смог бы нас перебросить в Мадрас. Но, как говорит русская пословица, «что ни делается — все к лучшему».

Узнаем, что в семь часов вечера можем выехать поездом. Опоздаем, таким образом, часов на двенадцать.

Сообщаем в Мадрас о нашем опоздании.

На вокзале сдаем вещи в багаж. В ожидании поезда

осматриваем город. Оглянулись — вокруг нас огромное количество любопытных.

Покупаем билеты в мягкий вагон. Купе из четырех мест занимает примерно четвертую часть вагона. Выход из него прямо на платформу. На потолке в купе два больших вентилятора. Диваны обиты имитацией кожи. Внизу места для сидения, наверху — для лежания. На окнах жалюзи. Из купе выход в санитарный узел. Белья на индийских железных дорогах не полагается, но Чаудри побеспокоился о нас и обеспечил постельными принадлежностями, специально купленными им заранее в городе.

Поезд тронулся. Мы расположились на своих местах.

Заснуть ночью как следует не удалось, так как пассажиры в соседнем купе вели себя шумно, на остановках слышались зазывания торговцев, крики толпы. Мы были довольны, что опоздали на самолет, так как нам представилась возможность проехать по индийской железной дороге.

Под утро, взглянув в окно, я залюбовался красивым пейзажем. Поезд приближался к Мадрасу.

В Мадрасе, как и в других городах Индии, большое количество рикш. Но здесь мы встретили и более модернизированного рикшу-велосипедиста, так называемый «педикэб». Рикша, впереди на велосипеде, нажимает педали, а сзади, в коляске, помещается его пассажир. Когда рикша-велосипедист везет седока в гору, ему приходится напрягать все силы, чтобы взобраться наверх с тяжелым грузом.

Есть и грузовые рикши. Голые, с одной набедренной повязкой, индийцы вчетвером толкают тяжело нагруженную повозку. Тела их лоснятся от пота, это поистине каторжный труд.

Через час после нашего приезда в гостиницу — первая пресс-конференция. В Мадрасе еще жарче, чем в тех городах, где мы уже побывали. В зале пресс-конференции на потолке более сорока фенов (вентиляторов) — иначе можно задохнуться.

Собралось много журналистов, представителей киностудий. Все в белых национальных костюмах. Прсят

сделать сообщение о советской кинематографии. Посыпался ряд вопросов. Отвечаем. Спрашивают примерно то же, что и в других городах.

Один журналист спрашивает: почему у вас, в Советском Союзе, нет произведений в литературе и искусстве, подобных произведениям русской классики?

Отвечая господину, который задал этот вопрос, я сказал, что он, видимо, незнаком с литературой, музыкой, кинематографией Советского Союза. Я говорил о советской классике в литературе, в музыке, драматургии, назвав многие произведения. Точно так же можно назвать классическими и ряд фильмов, ибо они вошли в золотой фонд советской кинематографии и их любят целые поколения советского народа. В числе таких фильмов я упомянул «Броненосец Потемкин», «Мать», «Потомок Чингисхана», «Чапаев», «Депутат Балтики», «Юность Максима», «Падение Берлина» и другие.

Интерес к Советскому Союзу и здесь, на юге Индии, настолько велик, что даже после того как официально было объявлено об окончании пресс-конференции, нам все еще задавали различные вопросы, и мы отвечали на них уже на ходу.

Спешим осмотреть Мадрас, повидать Индийский океан... В центре города много красивых, больших домов, всюду масса зелени. А в рабочих районах — те же маленькие домишки, лавчонки, невероятная грязь, вонь, смрад. Встречаем смуглых мужчин с серьгами в ушах, со лбами, раскрашенными белыми полосами — знаком принадлежности к определенной секте. Некоторые из них стремительно отходят в сторону, как бы освобождая дорогу.

— В чем дело, разве тут на тротуаре мало места, чтобы свободно разойтись встречным?

— Это представители низшей касты — «неприкасаемые», — поясняют нам спутники. — Люди, принадлежащие к таким кастам, имеют право ходить по определенным улицам. Жить они могут только в специально отведенных кварталах. А в деревнях им запрещено пользоваться общими колодцами...

Безжалостное ущемление человеческого достоинства встречалось нам повсюду. И мы думали о том, на-

сколько правы оказались наши индийские друзья, когда в самом начале нашего приезда в Индию предупреждали о том, что многие из обычаев и «порядков» этой страны будут вызывать у нас недоумение и возмущение.

В самом Мадрасе и вблизи его много древних храмов, украшенных лепными изображениями индийских богов. В Мадрасской провинции живут племена «томилли» и «андоа», говорящие на своих языках.

Приближаемся к набережной — гордости Мадраса. Хорошо асфальтированная, она тянется на тринадцать миль. Мы у Индийского океана! На пляже — небольшие палатки рыбаков, сделанные из цыновок и тряпья. Идем по песку, и ноги тонут в нем. Подходим к самому океану. Нас окружает большая толпа совершенно голеньких ребятшек. Красивые маленькие мадрасцы таращат на нас свои большие глаза. С поднятыми руками, с улыбкой приветствуют нас, говоря «доброе утро».

Огромные волны океана, перекатываясь и набега друг на друга, выбрасывают на берег тяжелую массу воды. Дует свежий морской ветер, дышится здесь легко. У берега много лодок, сделанных из больших, обрубленных по бокам бревен, с загнутыми кверху носами. Много таких суденышек мы видим вдали — они вышли в океан на промысел. Неподалеку от нас рыбаки сталкивают с берега большую лодку с таким же загнутым кверху причудливым носом. Многовесельная лодка нагружена снастями, около нее десятка два индийцев. Они вскакивают в нее, когда лодка оказывается на воде, и садятся за весла.

В одной из лодок, вытасненных на берег, стоит индеец, поднял кверху руку и дергает за какую-то нитку, брошенную в океан. К сожалению, нет времени посидеть рядом с ним, посмотреть, какую он выловит рыбу; в руках у рыбака палочка, он вертит ее, наматывая леску своего примитивного «спиннинга».

Трудно оторвать взгляд от могучего океана. Хочется выкупаться, освежиться в этот знойный январский день, но нас предупреждают, что у берега бывают акулы.

Идем по глубокому песку, сопровождаемые толпой

мальчиков и девочек, на набережную. Нашим спутникам, детям рыбаков, по набережной ходить нельзя: строгий полицейский в шлеме и коротких трусах лишь строго взглянул на них, и они, зная, что может быть дальше, поспешно попятились от «границы».

Едем обедать. В ресторане много американцев и англичан. Несмотря на «сухой закон» в Мадрасской провинции, они сидят с покрасневшими от виски лицами.

Входит новая группа англичан. Они самодовольно рассаживаются за столами. Вокруг них вертятся босые официантки в белых халатах, с широкими поясами и в высоких цветных шапках. Англичане, как и при королеве Виктории, чувствуют себя в Индии по-хозяйски.

В семь часов вечера назначен митинг, посвященный чествованию советской киноделегации. В устройстве митинга принимали участие общественные деятели Мадрасской провинции, представители деловых кругов города.

Опять едем по набережной, сворачиваем в боковые улицы. То тут, то там здания различных высших учебных заведений. Мадрас называют городом колледжей, причем студенчество Мадраса в большинстве своем — прогрессивное студенчество.

Мы уже привыкли к тому, что нас, представителей советской страны, передовая индийская интеллигенция и народ встречают как самых дорогих гостей. Но тем не менее всякий раз мы с радостью видим, насколько здесь велика любовь к нашему государству, как много надежд связано с именем Советского Союза! Чтобы полнее выразить нам дружелюбие, индийцы прибегают к своим древним торжественным обычаям. В каждой провинции свой обычай, но суть всюду одна. И здесь, в Мадрасе, мы оказались в центре большого торжества.

Толпы индийцев спешат к месту митинга. Полиция наблюдает за порядком, не пропускает людей без билетов. Проходим вдоль живого коридора людей, затем через туннель, сделанный из роз. Впереди нас идут девушки в национальных костюмах, с большими серебряными блюдами, наполненными розами, и бросают нам

под ноги цветы. Немного поодаль, на дороге, девочки танцуют с маленькими тамбуринами в руках. Когда они заканчивают танец, мы видим, что на их тамбуринах написано: «Добро пожаловать».

Входим на большую поляну. Под гигантским тентом, растянутым на больших бамбуковых шестах, стоят столы и стулья. На огромной поляне собралось около десяти тысяч зрителей. Мужчины и женщины в национальных костюмах: удивительно красивая картина с яркими мазками красок.

Нас приглашают на сцену. Зачитываются многочисленные приветствия, адреса от прогрессивных организаций, киностудий, студентов Мадраса.

В первом ряду сидят две хорошо одетые европейские женщины. С поспешностью, чтобы не пропустить ни слова, они записывают речи. Нам говорят, что это представительницы американского и английского консульств.

Представитель студенчества города Мадраса обратился к нам с большой приветственной речью, которую он начал словами:

— «Свобода! Мир! Прогресс!»

— «Молодежь, глубоко интересующаяся творческой деятельностью, радующаяся и приветствующая каждое творение искусства с присущим юности рвением, глубоко признательна вам за огромный вклад, внесенный вами в дело развития киноискусства.

Мы, люди различных национальностей, населяющих Индию, располагаем великим и древним наследием в области культуры и искусства. Было время, когда индийская культура процветала во всем своем великолепии. Но истории нашей страны не всегда сопутствовали слава и достижения. Веками мы страдали от мучительных жестоких цепей рабства. Наша литература, блистающая благородной поэзией, прозой и драмой, наша прекрасная музыка с ее богатством мелодий, наши древние танцы, отражающие во всех тонкостях жизнь и стремления нашего народа, наша живопись, скульптура, архитектура — все низвергнуто с пьедестала, жестоко подавлено и обезображено. Наш народ вынудили забыть все, что было поистине великим в его прошлом.

Но теперь, особенно мы, молодежь Индии, твердо

решили добиться того, чтобы Индия заняла полагающееся ей по праву место, как крепость мира и свободы, как святыня искусства и культуры. В этих наших стремлениях огромные достижения вашего народа, расцвет литературы и культуры народов, населяющих советскую Азию, ваши смелые опыты поставить искусство на службу обществу останутся навсегда неиссякаемым источником вдохновения и сокровищницей различных достижений.

Вот почему мы искренне стремимся и призываем к самому тесному и плодотворному культурному содружеству с советской страной, и мы будем направлять все наши усилия на укрепление этого содружества.

В то время как над человечеством нависла угроза новой войны, когда мир переживает кошмарный страх перед неизвестностью, мы, миролюбивые студенты, горды тем, что народы наших двух стран выступают за мир, за полное освобождение и независимость всех пораженных народов, за равенство всех наций. Мы глубоко признательны советскому народу за то, что он всегда был с нами, как и со всеми другими угнетенными народами, в борьбе за свободу и демократию. Мы заверяем вас, что во имя нашей общей дружбы мы будем направлять все наши усилия на дальнейшее укрепление связи между нашими двумя странами, во имя продвижения дела мира, свободы и демократии.

Почетные гости! Во время вашего путешествия вы, вероятно, заметили, что Индия все еще продолжает бороться за свое освобождение от экономических, политических, социальных и культурных оков империалистического гнета. Огромные естественные богатства нашей страны все еще не тронуты. Наша промышленность все еще на низком уровне. Наши наука и техника только еще становятся на соответствующий путь. Наши искусство и культура только еще готовятся расцвести и распространить свой аромат по всему миру.

Передайте наш самый горячий братский привет миролюбивому дружественному культурному студенчеству и народу Советского Союза.

Да здравствует прогрессивное киноискусство Советского Союза!

Да здравствует дружба народов Индии и Советского Союза!»

Вслед за студентами выступил местный судья Айяр. Его появление было встречено аплодисментами. Он был в темном европейском костюме, говорил с большим темпераментом. Особенный восторг всей аудитории вызвали его слова: «Нас долго обманывали, когда говорили о дикости и бескультурье русских». Он делает жест в нашу сторону и говорит: «Посмотрите на этих улыбающихся людей. Разве они похожи на варваров? Это как раз те люди, которых мы просили прислать к нам в качестве культурных посланцев советского народа. Они принесли нам высокую культуру. А что дали нам англичане? — восклицает Айяр.— Они угнетают нашу страну. Они дали нам английский язык, которым я со стыдом должен пользоваться, чтобы говорить перед вами (гром аплодисментов). . . ибо мы забыли свой родной язык томили (новый взрыв бурных аплодисментов). Я твердо уверен, что счастливое будущее на земле будет принадлежать Советскому Союзу, Китаю и Индии — трем великим народам, а не этим бестиям англичанам и американцам, которые не могут решать судьбы мира для всего человечества. . .»

Десятитысячный митинг бурными, долго не смолкавшими аплодисментами встретил речь судьи. Раздались горячие приветствия, обращенные к Советскому Союзу.

Здесь, в Индии, я снова с необычайной силой ощутил, что самое большое счастье для человека — это гордость за свою родину, любимую всеми простыми людьми мира.

После митинга мы заняли почетные места в «зрительном зале». Начался большой «танцевальный парад», устроенный в честь нашего приезда. И снова мы восхищались поразительным разнообразием прекрасных народных танцев и их исполнением. В «параде»-концерте участвовали и профессионалы и любители — члены художественных кружков. Танцевали школьницы. Отточенные движения индийского танца — игра то одним глазом, то другим, с четким приподниманием бровей, то правой, то левой, являли поразительную и необычную технику танца.

Потом танцевали сестры Сита и Рита, студентки одного из мадрасских институтов. Они исполнили танец рук, в котором в каждое движение были вложены определенные слова и мысли. И зрители, понимая содержание танца, восторженно аплодировали юным исполнительницам.

Совершенно неповторимы были и мексиканские танцы. Танцовщица изгибалась, как легкий пруттик, головой касаясь пола.

В Калькутте мы видели всемирно известного танцора Удау Шанкара. А здесь, на юге Индии, живет такой же знаменитый мастер танца Сохан Лаль, родившийся в городе Джайпуре. Ему еще не было двадцати лет, когда он с триумфом совершил турне по многим столицам Европы. Сохан Лаль принадлежит к тем мастерам хореографии Индии, которые неустанно пропагандируют танцевальное богатство своей страны, делая его доступным самым широким слоям населения.

— Я борюсь за то, — сказал мне Сохан Лаль, — чтобы танцевальное искусство все шире распространялось в Индии. Моя страна исключительно богата танцами.

На творческом пути Сохан Лаля не раз встречались серьезнейшие препятствия. Он испытывал тяжелые материальные затруднения. Но артист смело боролся за внедрение танца в народные массы и в 1949 году открыл школу, передавая одаренной молодежи свое изумительное мастерство.

На танцевальном параде в Мадрасе в исполнении Сохан Лаля и его учениц-партнерш мы увидели танец «бога ветра». Сначала танцовщик словно похаживал по сцене, взмахами рук изображая легкое дуновение ветерка; затем ветер стихал, потом снова возникал, пугая людей, поклоняющихся богу. Движения Сохан Лаля становились все быстрее, динамичнее, напоминая вихрь. Быстро вращаясь по кругу, тело танцовщика мелькало по сцене, прочерчивая замкнутую линию. Все тело Сохан Лаля вибрировало, каждый его мускул был в движении.

Громом аплодисментов наградила аудитория талантливого танцора. На бис Сохан Лаль со своей партнер-

шей Канта Девы исполнил танец «мечта Миры». Его партнерша изображала возлюбленную бога, а сам Сохан Лаль — бога Кришну. Служанка храма Миры молится богу Кришне, предлагая ему свое сердце. Она в экстазе падает у статуи бога, которую изображает Сохан Лаль. И вот, кажется, сбываются мечты Миры, и бог Кришна спускается с пьедестала и начинает с ней танец. Мира говорит Кришне о своей любви. Кончается танец, Кришна застывает на своем пьедестале. Мира пробуждается. Это был только сон, ее мечта так и не сбылась. С редкой выразительностью и тонким артистизмом исполнили этот танец Сохан Лаль и Канта Деви. Игра артистов и их движения были такими жизненными и естественными, что до каждого, в том числе и до нас, дошел смысл этого мастерски исполненного необычного танца.

На сцену выходят девушки в красивых национальных костюмах из парчи, плотно облегающей тело. Одежда танцовщиц усыпана блестками и бусами; на руках и ногах у них браслеты, на шее ожерелья, на головах причудливые золотистые уборы. В каждом движении, жесте этих девушек сквозят женственность и целомудрие, весь танец является совершенством грации и пластики.

С огромным удовольствием смотрели мы концерт и видели, каким количеством талантливейших людей положительно в каждой области искусства обладает индийский народ.

Мы поднялись на сцену, поблагодарили артистов и участников художественной самодеятельности Мадраса, от всего сердца пожелав им дальнейших успехов.

С трудом пробираясь через расступающуюся десяти тысячную толпу, мы вышли на улицу. Снова нас стали окружать зрители концерта и толпа, стоявшая на улице. И долго на улице раздавались приветственные возгласы в честь дружественного Индии великого Советского Союза.

Вечером был дан ужин, на котором присутствовали министры и правительство Мадрасской провинции, представители городской интеллигенции, деятели искусства, иностранные корреспонденты.

За ужином шел непринужденный общий разговор. Вдруг в зал ресторана нетвердой походкой входит человек в смокинге, с черными усами, с седым пробором на крашенных волосах. Это индеец, продавшийся американцам журналист. Несмотря на «сухой закон» в Мадрасской провинции, этот субъект изрядно навеселе. Он сразу же обратился ко мне: «Господа, почему же вы не выпьете?» Мы ответили, что соблюдаем закон данной провинции. «Ну, что за разговоры... Вы иностранцы, вам все можно...» Мы категорически отказались присоединиться к этому «джентльмену».

Рядом со мной сидела видная мадрасская киноартистка, и я беседовал с ней. Она расспрашивала меня о советских киноактрисах, а потом, кутаясь в покрывало и зябко поеживаясь, сказала, что сейчас у них холодно и они с нетерпением ждут лета.

Я спросил, какая температура бывает в Мадрасе летом.

— Сто десять — сто двадцать градусов, — ответила моя соседка.

Я был ошеломлен и думал, что не понял ответа. Но оказалось, что исчисление температуры у них принято по Фаренгейту...

Снова завязался общий разговор. Подвыпивший журналист начал укорять одного видного государственного чиновника за то, что мадрасское правительство допустило нас сюда.

— Что вы делаете? Кого принимаете? Ведь мы с вами представляем буржуазное кино, а к вам приехали коммунисты, привезли вам социализм, а вы их принимаете, приветствуете...

Чиновник, видя, что разговор принимает щекотливый характер, старается перевести его на другую тему и отвечает:

— Они привезли нам не социализм, а социалистический реализм.

Сдерживаемся, чтобы не рассмеяться...

Утром на следующий день мы поехали к океану, чтобы все же искупаться. Раздеваемся, бежим к воде. Нас окатывают высокие волны... Вода теплая, ласковая, не хочется вылезать. Мы плаваем, шутим. Вдруг

раздается крик: «сап, сап. . .» К нам подбегают индийцы-рыбаки и на что-то показывают,— надо остерегаться акул, они любят зарываться в песок.

У нас не было времени выехать в окрестности Мадраса, чтобы хотя бы бегло ознакомиться с провинцией, со знаменитыми храмами. Решаем осмотреть храмы, находящиеся в самом городе. Подъезжаем к одному из них. Огромная пирамидальная, восходящая к небу крыша поддерживается фигурами львов и каких-то фантастических существ.

При входе в храм снимаем ботинки, отдаем их мальчику-сторожу. В храме молящиеся жрецы, бородатые, с наполовину выбритыми головами, с разрисованными лбами. Осматриваем храм. В алтарь входить нельзя.

Ко мне подходит один из жрецов, надевает на меня небольшую гирлянду из желтых цветов и что-то бормочет — просит, чтобы ему заплатили. Я дал ему деньги.

Выходим из храма. Тут же продают божков, сделанных из глины; каждый может купить себе своего бога и молиться ему дома. Рядом с храмом стоит большой сарай, крытый железом. Нас ведут по мосту, открывают железные двери, и мы видим огромную колесницу с богом. В свой «престольный праздник» бог совершает путешествие по городу в сопровождении молящихся.

Едем к другому храму. Вход в него построен в виде пирамиды с изображением змей, мышей и других священных животных.

Перед храмом большой четырехугольный бассейн. Когда подъезжаешь, видишь в воде красивое отражение всего здания. Наши друзья попросили жрецов и браминов спеть свои священные песни. Они охотно спели гимн, восхваляющий бога, которому посвящен храм. Жрецы пели довольно нестройно.

Нам посоветовали побывать у прогрессивного мадрасского художника Чаудри Роя, являющегося руководителем местной школы живописи и ваяния. Коренастый старик с волевым, красивым лицом и с выбритой головой поначалу отнесся к нам как-то недоверчиво и официально. Потом он предложил пройти в его мастерскую. Его живописные и скульптурные работы потрясли нас. Чаудри Рой — реалист до мозга костей. Большинство

его произведений посвящено глубоко социальным темам. Перед нами небольшая скульптура: лежит умерший от голода мальчик; рядом с ним взывающая о помощи мать, в лохмотьях, с высохшей грудью. . . Рядом другое изваяние, показывающее тяжелый труд рыбаков. Оно производит исключительно сильное впечатление. Полуголый индеец, исхудалый, угрюмый, с палкой в руках, идет по дороге. Надпись гласит: «Его путь еще так далек. Он идет в неизвестность. . .» А вот мерзнувший человек, — идет индеец, завернутый в какие-то жалкие тряпки. Во всей фигуре так и чувствуется, что человеку холодно, тяжело на душе. . .

Неподалеку большое изображение женщины. Из колдца она тащит тяжелое ведро. Все ее тело, каждый мускул выражают напряжение, усталость от непосильной работы. . .

Произведения Чаудри Роя реалистичны, естественны, они правдиво показывают жизнь и быт народа, придавленного английским колониальным гнетом.

Мы глубоко были взволнованы мастерством замечательного художника. Воспринимая нашу высокую оценку, Чаудри Рой отнесся к ней как-то недоверчиво. Наша похвала казалась ему неискренней. Никто из посетителей его мастерской не выражал художнику такого восторга.

И в самом деле, что может сказать скульптору английский колонизатор или мадрасский богач, если все творчество художника направлено против них, обличает их со страшной силой?

Лишь убедившись в нашей искренности, поверив нашим словам, талантливый художник начал улыбаться, благодарил нас за теплые слова. Большинство произведений, созданных Чаудри Роем, так и стоят в его мастерской, не находя покупателей. Художник подарил нам свои фотографии, снимки своих работ. Он рассказал, что его сын — балетный артист, крупный танцовщик. В мастерской Чаудри Роя мы увидели две большие шкуры тигров: художник сам убил этих хищников.

Сердечно прощаясь с мадрасским художником, мы обещали ему рассказать о его творчестве нашим крупнейшим художникам и скульпторам, показать снимки с его работ.

Чаудри Рой, крупнейший художник и ваятель Мадраса

В мадрасской газете на первой странице мы увидели огромное объявление: «В честь приезда в Мадрас деятелей искусства Советского Союза народных артистов Пудовкина и Черкасова в кинотеатре демонстрируется фильм «Александр Невский».

Эта картина неоднократно показывалась здесь и была известна индийским зрителям. Представители местных прокатных кинофирм говорили нам: «Побольше присылайте таких фильмов, они пользуются в Индии огромным успехом».

Спешим побывать и у студентов Мадраса. У входа в колледж нас встретили его директор и заместитель. Большой зал был заполнен студентами.

После приветственных слов и традиционного преподнесения гирлянд из роз Пудовкин и я выступили с небольшими докладами. По просьбе студентов мне пришлось прочесть несколько посвященных борьбе за мир произведений советских и иностранных поэтов.

Посещение студентов мадрасского колледжа, хотя это и не входило в наши задачи, показало, какой колоссальный интерес к советскому государству, к его культуре и искусству проявляют прогрессивные студенческие организации Индии. Сердечные приветствия, восторженные встречи со студентами и населением Мадраса еще раз подчеркнули нам, с каким уважением и с какой надеждой смотрит молодежь Индии — ее будущее — на Советский Союз, на страну свободного народа.

Студенты Мадраса (они говорили это вслух, с трибуны своего колледжа) были глубоко поражены, узнав, что такие народы, как узбеки, таджики, киргизы и казахи, в прошлом глубоко отсталые, сейчас обладают всеми богатствами передовой социалистической культуры.

Наше пребывание в Мадрасе должно было закончиться прощальным вечером-встречей с демонстрацией фильма «Жуковский» и нескольких отрывков из советских кинокартин.

В кинотеатр мы приехали до открытия вечера. В последнюю минуту нам стало известно, что полиция, без объяснения причин, запретила демонстрацию советских фильмов по намеченной программе.

Все же торжественная часть состоялась. Нам зачиты-

вают и преподносят адреса. Под аплодисменты присутствующих нам были преподнесены подарки — инкрустации из слоновой кости и перламутра на досках черного дерева. Вслед за этим нам подарили огромные букеты роз. В середине букета цветы различных оттенков были подобраны так, что получалась искусно выложенная родная эмблема — серп и молот.

Был поздний вечер, темно, но несмотря на это на аэродроме нас провожало очень много народу.

Попрощавшись с мадрасскими друзьями, летим в Дели.

После жаркой погоды, к которой мы привыкли на юге Индии, в столице страны, Дели, нам показалось прохладно. Впрочем, холодно было не только нам, северянам, но и местным жителям. По вечерам на улицах старого города можно было видеть, как бездомные полуголые люди руками сгребают мусор в костры, чтобы хоть немного согреться.

В Старом Дели есть замечательные памятники старины — «Красный форт», крепость и дворец Шах-Джехана, одного из императоров эпохи Великих Моголов. Сооруженный несколько сот лет назад из песчаника красноватого цвета (отсюда, вероятно, и название), «Красный форт» и сейчас привлекает внимание своим красивым и строгим ансамблем, великолепной мозаичной отделкой мраморных дворцов и храмов. Во дворе форта во время второй мировой войны англичане соорудили казармы для солдат. Они не разобраны и до сего времени и, как гнойный нарыв, уродуют прекрасный архитектурный ансамбль.

Перед входом в форт, под длинной аркой-туннелем, расположены небольшие лавчонки, где торговцы продают изделия из слоновой кости, серебра, меди и дерева.

Одним из величественных памятников современного Дели является грандиозный храм, посвященный богине богатства и плодородия Лакшми. Он построен в 1938 году крупнейшим индийским миллионером Бирлой и стоил около ста миллионов рупий, несмотря на дешевые рабочие руки. Строили храм четыре года. В качестве материала для храма использовали красный и розовый мрамор. Храм сделан в несколько модернизированном виде.

Сад храма украшен большими изваяниями богов, слонов тигров, священных коров, обезьян и других животных. Это своеобразный мраморный «зоологический» сад, композиционно интересно выполненный. Но самое примечательное — это то, что, кроме молитвенных помещений, по краям двора устроены гимнастический и читальный залы с книгами и газетами, буфет, в котором можно закусить и выпить прохладительные напитки. . .

Во время пребывания в Дели состоялось несколько наших встреч с представителями индийского правительства и дипломатического корпуса, со студентами русского факультета Делийского университета. В университете присутствовало свыше полутора тысяч студентов, профессора, ректор.

Отвечая на приветствия студентов, я говорил, что нам приятно было слушать в индийском университете города Дели речи на нашем родном русском языке. Рассказывая о своих будущих творческих планах, я не совсем правильно сформулировал свою мысль. Вместо того чтобы сказать, что я ставлю задачей вторую половину своей сознательной жизни работать еще лучше, я оговорился и сказал, что ставлю задачей вторую свою жизнь работать еще лучше. После дословного перевода этой моей заключительной фразы в зале раздался гомерический хохот и аплодисменты. Студенческая аудитория могла бы подумать, что советский артист верит в свою загробную жизнь, как и многие индийцы. Но все поняли, что это была моя оговорка и что ее не исправил переводчик.

Когда мы прощались с большой, полуторатысячной аудиторией, зал стоя приветствовал посланцев Страны Советов. Один из студентов воскликнул на хорошем русском языке: «Да здравствует дружба народов Индии и Советского Союза!»

Интересный прием устроил для нас секретарь министерства иностранных дел Индии г. Кришна Менон. Мы поехали к нему. В комнате сидели национальные музыканты и гости. Вошел главнокомандующий индийской армией генерал Кариара, человек очень высокого роста, с небольшой сединой, в смокинге.

Хозяин представил нас своей супруге, одетой в кра-

сивое сари. Сам он был в наглухо застегнутом черном сюртуке и снежно-белых легких брюках.

Завязался общий разговор. Слуги зажгли камин, и приятное тепло наполнило комнату, согревая нас в этот вечерний час.

После ужина, прямо на полу, на ковре и на подушках, разместились музыканты во главе с Равиндра Шанкаром, братом знаменитого балетного артиста Удау Шанкара, искусством которого мы восхищались в Калькутте.

Я приготовился слушать классическую индийскую музыку, с интересом разглядывая музыкантов и инструменты. Большой басовый инструмент одного артиста своим грифом почти достигал потолка. Этот инструмент был настроен в одной тональности и не изменял ее в продолжение всей игры. Рядом сидели флейтисты и барабанщики, а посередине сам Равиндра Шанкар с большим инструментом «ситар» в руках, напоминающим нашу гитару, но с двумя грифами и многочисленными колками. Вступление начали барабанщики, извлекавшие из своих инструментов звуки, то похожие на шелест ветра, то более громкие, напоминавшие приближение грозы. Шанкар, искусно перебирая пальцами по струнам, начал играть минорную мелодию. Звук его «ситара» вибрировал наподобие гавайской гитары, то приглушенно, то очень резко. Как только артист попадал в другую тональность, может быть и случайно, он сразу же возвращался к первоначальной, чтобы не нарушить гармонии. Флейты и барабаны своим аккомпанементом создавали красивый и стройный ансамбль.

Шанкар — музыкант-импровизатор. Он играет большие музыкальные фразы, и его мелодию подхватывает весь ансамбль. Из плавных ритмов Шанкар переходит в убыстренные, и барабанщики резкими ударами подчеркивали эти ритмы, в такт им покачивая головами.

Индийцы и мы с наслаждением слушали музыку.

После выступления оркестра играли только солист и барабанщик, показывая оригинальные переходы от медленных темпов к убыстренным.

Все присутствующие горячо аплодировали музыкантам. Когда я беседовал с Равиндра Шанкаром о его искусстве, он сказал:

— Да, это импровизация, на ней основана наша индийская классическая музыка. Ее очень любит наш народ. Однако она доступна лишь немногим...

Когда я заметил, что все исполнение проходит в одной гармонии, что было бы гораздо интереснее перейти в другую, потом в третью гармонию и потом вернуться к первоначальной, Шанкар ответил:

— К сожалению, мы вынуждены импровизировать в очень узких рамках тональности.

В зале стояло пианино светловато-коричневого тона, никак не подходившее к общему красивому убранству комнаты. Хозяин дома попросил меня что-нибудь сыграть на пианино.

С волнением сел за пианино и начал играть то место из оперы Мусоргского «Борис Годунов», в котором великий композитор так изумительно воспроизводит звон колоколов. На присутствующих моя игра произвела большое впечатление, и, как мне потом говорили товарищи, национальные музыканты пристально следили за моими руками и пальцами, переглядываясь друг с другом. Затем исполнил два отрывка из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» и в заключение сыграл сон Раймонды из балета Глазунова.

Я волновался, никогда у меня не было публичных музыкальных выступлений, играть мне приходилось лишь дома, к тому же в последние годы я совсем забросил занятия музыкой из-за недостатка времени. Но, видимо, чувство большой ответственности помогло мне сосредоточиться, и я не допустил грубых ошибок, а мелкие погрешности, наверно, не дошли до слушателей.

Мне аплодировали, благодарили, и когда создалась непринужденная и веселая атмосфера, я показал несколько хорошо знакомых мне фокусов с «исчезновением» пальцев, с «удлиненной» рукой. Фокусы у гостей имели большой успех.

Наше пребывание в Индии подходит к концу. Нам советовали познакомиться с достопримечательностями Индии — древним городом Джайпуром — и посмотреть

известный памятник индийского зодчества мавзолеем Тадж-Махал в Агре.

К Джайпуру едем по хорошему шоссе. Обгоняем большое стадо слонов с погонщиками. Слоны возвращаются из Дели после парада в честь празднования Дня Индийской республики. Слоны уже идут восемь дней и все никак не дойдут к себе в Джайпур.

Подъезжаем к полуразрушенному и почти необитаемому древнему городу, раскинувшемуся на холмах. Город опоясан высокими крепостными стенами с большими сторожевыми башнями. Джайпур — столица князей Раджастана, в прошлом — область наиболее упорного сопротивления иноземным завоевателям Индии, приходившим с севера. Проехав древний мертвый город, через большие ворота попадаем в средневековый. Жизнь здесь кипит. Направо и налево масса магазинов, торговля идет на лотках, просто на земле. Дома причудливой архитектуры, выкрашенные в яркорозовый цвет, кажутся сделанными из картона, настолько они легки на вид. На самом же деле все дома каменные. На стенах нарисованы различные картины на военные темы: бегут воины, медленно ступает слон, несущий какого-то полководца. Многие дома украшены фресками. Воинственная стенная живопись никак не вяжется с мирными трудовыми буднями Джайпура.

В древнем городе, показав на одно из строений за крепостной стеной, нам рассказали сильно нас взволновавшую историю. В этом здании хранятся несметные богатства местного магараджи. Два раза в год, чтобы умножить богатство своих предков, туда отправлялся сам магараджа в сопровождении слуги, который нес новые драгоценности, награбленные феодалом: бриллианты, золото, бесценные изделия старинных мастеров. По тайным лабиринтам магараджа проходил в хранилище вместе со слугой, но возвращался оттуда . . . один. Слуге-индийцу не полагалось выносить оттуда тайны. . .

Средневековые нравы в среде индийских богачей продолжают существовать.

Многие наши личные наблюдения и выводы подсказывали нам мысль, что в Индии, где так бережно охра-

няют многочисленных священных животных и птиц, жизнь человека еще не стала священной.

Подъезжаем к центральной площади города. Налево от нас большой, длинный розовый минарет. В воздухе парят сотни и сотни ястребов, несущих «санитарную службу». Здесь торговые ряды с лавками, в которых продают хлеб, мясо, рыбу и прочую снедь. Ястребы кружатся как бы большой воронкой, возвышающейся до двухсот метров от земли и сужающейся вниз.

Заворачиваем направо. Такая же большая улица с домами, окрашенными в розовый цвет, с пестрой, яркой толпой, с выкриками торговцев, большим количеством пешеходов, автомобилей, автобусов и арб, в которые запряжены волы.

На высоком холме еще один дворец древнего Джайпура. Это величественное здание, в котором в древние времена жили магараджи. Огромные дворы с террасами, выполненными в мавританском стиле, гаремы. На мужской половине редкие по красоте залы, сделанные из мрамора, с хорошо сохранившимися фресками. Солнечные лучи проникают в эти залы через яркие цветные окна. Во дворце теперь музей, и услужливые гиды подробно объясняют, где, что и как было.

В квадратном дворце большой бассейн, в нем купались жены магараджи. Неподалеку небольшие молельни, где происходили богослужения. В одном из зданий устроен другой бассейн — здесь купался сам магараджа.

Город позади. Машина останавливается в ущелье. Наверху расположены древние постройки. Приближаемся к первой. Здесь большой открытый бассейн для женщин. Поднимаемся выше — бассейн для мужчин. Проходим вверх еще ступенек пятьдесят. Здесь третий бассейн — для священных обезьян. Тут же храм обезьян, и люди поклоняются этим животным.

К нам подбегает мальчик. Высоким гортанным голосом он выкрикивает какие-то звуки и одновременно подбрасывает вверх крупу. Откуда ни возьмись, на площадку прыгают обезьяны — десятки, сотни. Животные подбирают крупу, напоминаящую нашу кукурузу, кричат, визжат, дерутся. Они живут здесь в расщелинах

скал, и при появлении туристов мальчишки-индийцы, чтобы заработать, начинают свою демонстрацию.

Обезьяны-матери бегают вместе с детенышами, и уморительного вида малыши цепляются руками за шерсть своей мамы, сидя у нее под животом.

Когда кормление закончилось, обезьяны быстро разбежались. Сейчас зима, им холодно. Я обратил внимание на крышу обезьяньего храма: животные сидели на ней парами, тройками, обнимая друг друга и греясь.

Спускаемся вниз. У бассейна для женщин, стыдливо озираясь, как бы ее кто-нибудь не увидел, моется полураздетая индианка; ее прикрывают подруги. Люди верят, что омовение в этом священном бассейне приносит исцеление от недугов и счастье. . .

Спускаемся ниже. Направо и налево от дороги два храма. Войти туда можно с разрешения жреца, но надо снять обувь. За особую плату туристам позволяют посмотреть богослужение и послушать, как поют жрецы. Мы даем деньги и входим в храм. Жрецы, стоя перед каким-то божеством, проделывают движения, отдаленно напоминающие гимнастические, падают на пол храма, опять поднимаются, что-то бормочут. . .

Мы снова в городе. Вот ряд, где торгуют парчовыми изделиями, серебряными и золотыми лентами, вплетаемыми в ожерелья из цветов. Продают разных цветов национальную обувь с парчовыми украшениями, с загнутыми сверху носками. На прилавках хозяйственные, текстильные и обувные изделия, какие-то предметы из железа, из слоновой кости — в общем все, что необходимо в быту и для украшения жилищ. На небольших жаровнях торговцы подогревают разные кушанья, в воздухе стоит чад. Немного дальше торговец продает длинненькие палочки-свечи, они тлеют и распространяют в воздухе приятный аромат. Здесь же, сидя на мостовой, торгуют разложенными на платке орехами, сладостями, фруктами.

Приехав в гостиницу, мы увидели, что весь дворик отеля наводнен торговцами, принесшими образцы своих изделий.

Один торговец разложил перед нами платки, салфетки, скатерти с тончайшей вышивкой по краям и углам,

искусно выполненные мастерицами. Одному из наших товарищей понравилась скатерть с национальным узором.

Торговец сказал:

— Эту скатерть индианка вышивала три месяца. Купите ее. Стоит она совсем недорого.

Действительно, человеческий труд в Индии ценится очень дешево. В этом мы убеждались не раз.

Мы побывали в лавочках кустарей, которыми славится Джайпур. Здесь родина резьбы по слоновой кости. На прилавках лежат броши, ожерелья из нанизанных на проволоку маленьких слоников, из искусно вырезанных роз, серьги с причудливыми узорами, ножи, статуэтки богов. Любуемся шахматами удивительно тонкой резьбы: король и королева восседают на слонах под балдахинами; у слона очень четко сделаны складки кожи, клыки, хобот. С большим искусством выточены офицеры на верблюдах, воины-пешки, шагающие вперед с натянутыми луками. . .

Отвечая, сколько стоит та или другая вещь, хозяин достает сантиметр и измеряет количество слоновой кости, пошедшей на изготовление интересующего вас предмета, — то же самое, что мы уже видели в лавке с изделиями из серебра. Труд и высокое, подлинно художественное мастерство кустаря почти не принимаются в расчет. Больше того — в премию покупателю хозяин дает маленький, напоминающий горошину футлярчик. Что это? Владелец лавки открывает искусно сделанную крышку, и на прилавок падает что-то вроде засохшей крошки белого хлеба. Через любезно поданную лупу мы видим, что это не крошка, а маленькое изображение слона, с глазами, хоботом, клыками, ногами. Тончайшая работа, которую надо рассматривать в лупу! Какие же руки и глаза должен иметь талантливый мастер, чтобы создать такую вещь? И она стоит гроши, если ее дают в премию при покупке нескольких безделушек. Труд мастера, простого человека, совершенно обесценен.

Нам показывают шары из слоновой кости. В одном шаре вертятся следующие шары, всё меньших размеров, но они не вложены друг в друга, это сделано особыми приспособлениями из одного куска слоновой кости. Раскрыть верхний шар невозможно, так же как нельзя из

него вытащить второй, так же как из второго шара нельзя вытащить третий, а из третьего — четвертый. Но через небольшие отверстия видно, как все они крутятся. Как это сделано — просто непонятно.

Таких замечательных художественных кустарных изделий, созданных талантливым индийским народом, мы видели очень много.

Из Джайпура едем в Агру, чтобы осмотреть знаменитый мавзолей Тадж-Махал. Слева и справа от дороги небольшими стайками важно прогуливаются павлины. Некоторые птицы раскрыли свои красивые многокрасочные хвосты, подобные огромным веерам.

Дорога становится все хуже, въезжаем в сплошной песок. Но вот машина попадает на что-то твердое. Окажется, из каменных плит уложены своеобразные рельсы для автомобилей. Думаю: а как же разъехаться, если появится встречная машина? Значит, какая-нибудь должна завязнуть в песке? Как раз навстречу мчится автомобиль. Наш водитель притормозил, чуть-чуть отъезжая в сторону. Благополучно разъехались, и колеса опять въезжают на «рельсы».

Показалось какое-то селение. Прямо на дороге, загородив ее своими арбами, у костра сидят индийцы и греются. Люди почти голые, и только их головы обмотаны белой материей. Шофер останавливает машину, просит оттянуть арбы в сторону, чтобы мы могли проехать.

Поздно вечером въезжаем в Агру, ночуем в гостинице. Утром едем в Тадж-Махал, который находится в сорока минутах езды от города.

Въезжаем во двор с большими террасами. За ними еще ворота. Отсюда открывается вид на замечательное творение великих зодчих Индии. Мавзолей Тадж-Махал сделан из белоснежного джайпурского мрамора, и если смотреть на него из-под темной арки ворот, кажется, будто он растворяется в воздухе, настолько легки и красивы формы этого изумительного здания.

Тадж-Махал напоминает собой мечеть с куполом, вокруг которой по углам возвышаются легкие остроконеч-

ные башенки — минареты. От ворот и до самого мавзолея идет узенький бассейн, наполненный водой. Через каждые пять метров в бассейне фонтан. По краям бассейна длинные ряды стройных кипарисов.

В восхищении останавливаемся на полпути к мавзолею, любимся строгой гармонией, легкостью и красотой здания. Тадж-Махал в переводе означает «бриллиант-дворец». Двадцать тысяч рабов Шах-Джехана в течение семнадцати лет создавали это редчайшее произведение искусства. Могущественный Шах воздвиг его в память своей любимой красавицы жены. Мы пытались выяснить имена зодчих, но это нам не удалось — о них никто ничего не знает. Рассказывали, что гениальные архитекторы были умерщвлены, чтобы они не повторили в другом месте подобное величественное строение. . .

Еще задолго до поездки в Агру наши индийские друзья рекомендовали нам осматривать Тадж-Махал только ночью, при лунном свете. Мы осматривали днем, стояла пасмурная погода, и на фоне дымчатого неба Тадж-Махал выглядел удивительно легким, словно ажурным строением, и все его очертания казались невесомыми, он как бы сливался с небом.

Внутренний вид мавзолея также поражает каждого, кто впервые переступает его порог. Большой зал из белого, как сахар, мрамора. Когда разговариваешь здесь, под куполом раздается гул, как и в пещерных храмах Аджанты и Эллары. В полной тишине я взял высокую ноту. Следим по стрелке секундомера. Звук медленно замирает, все удаляясь, и затихает через пятнадцать и даже двадцать секунд. После этого я проинтонировал ступени мажорного трезвучия сверху вниз, и здесь, в условиях такого замечательного резонанса, они объединились и зазвучали торжественным аккордом. Звук постепенно угасал, словно исчезая в белом мраморе, мы следили по секундомеру — это продолжалось двадцать одну секунду. Не думается, чтобы гениальные зодчие специально предусмотрели возможность создания такой акустики.

За мраморной, словно кружевной стеной стоят саркофаги Шах-Джехана и его жены.

Пользуясь рабским трудом и несметными богат-

ствами, Шах-Джехан обессмертил свое имя за счет истинных создателей этого величайшего творения архитектуры, гениальных сынов индийского народа.

Недалеко от Тадж-Махала внизу протекает «священная» река Джумна.

Видим, в воде что-то копошится.

— Смотрите, смотрите, крокодил!..

К сожалению, нам не повезло. Крокодил мелькнул в воде и исчез. Если бы была солнечная погода, мы увидели бы, как крокодилы вылезают на берег погреться.

У выхода из мавзолея нас обступают торговцы, продающие альбомы с видами Тадж-Махала, дворцов и храмов Агры. Тут же, на небольших подставках, маленькие макеты Тадж-Махала. Внутри вставлена электрическая лампочка, и весь макет, если включить свет, становится прозрачным.

Спускаемся к реке Джумне. В воздухе почему-то чадно. Не понимая, в чем дело, подходим к самому берегу и видим здесь костры. Это «крематорий». Вокруг костров толпятся мужчины — родственники и друзья умерших. Женщин на похоронах нет: им не полагается присутствовать при сжигании мужчин. Вот к реке несут на бамбуковых носилках еще одного покойника. Сопровождающие поют торжественную песню. Тело покойника покрыто дешевыми цветными материями, голова обернута белой тканью. Носилки опускают на землю, мертвеца несут к реке и погружают в волны. Затем тело снова кладут на носилки, и часть сопровождающих принимается колоть большие поленья, которые продаются тут же на берегу. Для одного костра их надо купить на шестнадцать рупий. Когда все готово, перекаладывают тело на землю. Бамбуковые носилки ломают и вместе с дровами укладывают вокруг трупа. Дрова перемежаются с прутьями: каждый родственник и друг покойного кладет в костер прутик — так, как у нас бросают в могилу горсть земли.

Родственники и друзья окружили костер. Добродушные, покорные люди. Без печали и слез, в спокойной и торжественной обстановке проходит обряд похорон. Когда догорит костер, большими метлами сметают пепел в реку, а очищенное место поливают водой. Когда вода

впитается в землю, на место сожжения из небольшого кувшинчика льют молоко. Мы присутствовали на похоронах неимущего человека. Богатых покойников сжигают на особой площадке перед каменным зданием с изображением какого-то божества.

Итак, мы осмотрели Тадж-Махал, величественный памятник архитектуры, памятник любви и преданности богатого человека своей жене, а рядом с мавзолеем увидели захоронение простых людей, бедняков, прах которых поглотят воды «священной реки»...

Нам еще предстоит осмотреть дворцы и храмы Акбара в окрестностях Агры, в тридцати милях от города.

Машина подъезжает к большому холму. Мы поднялись вверх на сто пятьдесят ступеней, прежде чем попасть в главный дворец и в храмы. Осмотр дворца и крепости Акбара с красивыми залами, бассейнами и другими служебными помещениями не произвел на нас особенно большого впечатления. Ничто не могло затмить красот Тадж-Махала.

Утомленные большим путешествием и множеством впечатлений, поздно вечером мы вернулись в Дели.

Наступил день отъезда. Наш самолет должен был улететь из Дели в девять часов вечера.

Проезжая по старому Дели, в последний раз как бы прощаемся с жизнью и бытом народа Индии. Снова видим коров, спокойно лежащих на тротуарах и мостовых, и пешеходов, бережно обходящих этих животных. В последний раз встречаем людей в индийских национальных костюмах, у многих из них разрисованы лбы. Это означает, что они поклоняются какому-то определенному богу и в честь этого бога делают знаки на лбу: авось, индийцу повезет, его жизнь станет лучше и красивее... Проходим мимо рядов тружеников-кустарей, склонившихся за своей кропотливой работой.

Видим людей, услужливо сходящих с тротуара — представителей касты «неприкасаемых». Так и хочется остановить бедного индийца, пожать ему руку и сказать: зачем ты сбегаешь на мостовую? Ведь ты подлинный хозяин своей родной земли, представитель огромнейшего народа.

Сорок дней мы провели в Индии, которую называют страной чудес. Мы были первой делегацией, представляющей в этой великой стране киноискусство Советского Союза. В нашу задачу входило не только познакомиться с искусством дружественного нам индийского народа, но и рассказать ему о миролюбивом народе нашей Страны Советов.

Мы познакомились с величайшими творениями искусства древней Индии — пещерными храмами Эллары и Аджанты, Тадж-Махалом в Агре, дворцами Джайпура, памятниками Мадраса и Дели, с достопримечательностями Калькутты и Бомбея. Только высокоодаренный, талантливый народ, выдвинувший из своей среды столько гениальных художников-самородков, мог создать эти изумительные произведения зодчества.

А разве не заслуживает самой серьезной поддержки работа таких блестящих мастеров драматического искусства, как Бхадури в Калькутте и Притхви Радж в Бомбее? С горечью они рассказывали нам, что те пять театров, которые имеются в Калькутте, да несколько передвижных актерских групп Ассоциации народного театра просто влачат полунищенское существование. А ведь выдающиеся актеры-энтузиасты Бхадури и Притхви Радж могли бы умножить славу талантливейшего индийского народа.

Много одаренных артистов и режиссеров встречали мы и в киностудиях Индии. К сожалению, лишь единицы из них ставят фильмы, которые оказывают помощь их народу. Большинство же лишено возможности создавать такие кинокартины средствами своего искусства, показывать правду своему народу, раскрывать ему глаза на явления, происходящие в стране.

Танцевальное искусство Индии, культура которого своими корнями уходит в глубокую древность, находится на необычайной высоте. Знакомство с блистательными танцовщиками Удау Шанкармом, Сохан Лалем и другими мастерами национального балета говорило нам о многообразии и богатстве самих танцев, а также о поистине виртуозной технике их исполнителей. Но и танец по-настоящему не культивируется в этой стране,

его деятели не получают поддержки от государства. Опыт лучших мастеров национальной хореографии не изучается, не обобщается, нигде не фиксируется.

То же самое можно сказать и о творчестве художников Джамени Роя в Калькутте и Чаудри Роя в Мадрасе. Их стремление создать произведения, показывающие труд простого народа, его быт, его жизнь, не встречают поддержки со стороны правящих кругов страны.

Деятели советской кинематографии были взволнованы и растроганы по-настоящему горячим и искренним приемом, который им оказывали и представители различных кругов индийской интеллигенции и народ, везде, где бы ни проходили наши встречи.

Фестиваль советских фильмов привлек к себе внимание самых широких слоев индийской общественности. Деятели искусства, представители интеллигенции, прогрессивных организаций своим отношением к нам красноречиво доказали, что Индия живо интересуется всем происходящим в стране социализма. На скромных встречах и на публичных митингах иногда иносказательно, а чаще без всяких прикрас раздавались гневные, полные ненависти слова по адресу английских и американских империалистов. Национальное и социальное самосознание народных масс Индии, проклинающих своих поработителей, неизменно и быстро растет, распространяется все шире.

И самое главное, что нас радует и волнует, это твердое убеждение, вынесенное нами за время нашего сорокадневного пребывания в Индии, что в лице великого и талантливого индийского народа, в лице многих и многих миллионов его тружеников Советский Союз имеет верных друзей. Это люди, стремящиеся к миру, борющиеся за мир!

Воспоминания о путешествии по Индии, о встречах с ее деятелями искусства, представителями народа, воспоминания о великолепных памятниках древнего искусства и лучших современных произведениях долго будут жить в наших сердцах.

Мы верим, что дружба великих индийского и советского народов будет укрепляться и в дальнейшем и

наши культурные связи помогут еще большему взаимному ознакомлению и обогащению.

Прощаясь с индийскими друзьями, мы выразили надежду, что увидим их в качестве дорогих гостей у себя на родине, в Советском Союзе.

Прошло почти восемь месяцев со дня нашего возвращения из Индии. По приглашению советских кинематографистов к нам с ответным визитом приехала большая группа деятелей индийского кино и театра. Мы с Пудовкиным с нетерпением ждали их. От имени москвичей Пудовкин приветствовал индийских друзей в столице Советского Союза, а я, как ленинградец, встречал их в своем родном городе.

Стоит не очень теплая, «ленинградская» осенняя погода. На Московском вокзале собралась большая группа работников киностудий, театральные деятели, музыканты, художники.

К перрону подходит поезд. Мы сразу видим своих друзей. Одеты они не в свои красивые национальные костюмы, а в теплые пальто, закутаны шерстяными шарфами.

Мой взгляд встречается со взглядом седого, благородной внешности человека. Это руководитель индийской делегации, известнейший прогрессивный режиссер и драматург Маноранджан Бхаттачария. Он быстро идет нам навстречу, протягивает руки, восклицая: «О мистер Черкасов! Здравствуйте, мой дорогой старый знакомый!» И Бхаттачария сердечно раскрывает мне свои объятия.

Из вагона выходит президент Ассоциации индийского народного театра госпожа Дурга Кхота, одна из первых женщин Индии, ставшая киноактрисой и блестяще сыгравшая более ста ролей в различных фильмах. А вот и Нимай Гхош, талантливый прогрессивный кинорежиссер, автор фильма «Обездоленные», уже хорошо ныне известного советским зрителям. В составе делегации и великолепный комедийный артист Кришнан, и режиссеры Субрахманьян, Мукхерджи, киноартистка и исполнительница народных танцев г-жа Мат-

хурам, представитель киноорганизации г. Колхаткар и другие.

Мне выпала честь первым приветствовать наших дорогих индийских гостей в Ленинграде и высказать радость по поводу их прибытия в славный город Ленина, колыбель Великой Октябрьской социалистической революции.

Растроганные теплой встречей, с ответными словами выступают М. Бхаттачария и артист Кришнан. Очень хорошо сказал Кришнан:

— Всю свою творческую жизнь я посвятил тому, чтобы смешить людей, так как я играю комические роли в фильмах индийской кинематографии. Но сейчас я смотрю на встречающих нас деятелей искусств Ленинграда, вижу, что они уже улыбаются и их смешить не надо. Мы, граждане далекой Индии, покрывшие несколько тысяч километров, чтобы приехать к вам в Советский Союз, и теперь в Ленинград, видим в ваших улыбках большое дружелюбие, ласку и тепло, которое нас так согревает.

Кришнан немного поморщился, съезжился, и все сразу почувствовали, что ему холодно. Затем блаженная улыбка озарила его лицо, и все присутствующие, в том числе и индийцы, не могли удержаться от смеха. Так замечательно блестящий комик в какое-то мгновение сыграл мимическую сценку, показывающую, как он согрелся от наших улыбок, от нашей ласки. . .

В тот же день индийские мастера искусств посетили киностудию «Ленфильм». С большим интересом гости осматривали студию, ее цеха и мастерские, задавали много вопросов о работе над фильмами, беседовали с режиссерами, артистами. После осмотра студии все прошли в один из павильонов. Шла съемка одного из эпизодов художественно-биографического фильма. Режиссер Г. Козинцев приветствовал индийских коллег от имени участников съемочной группы. Затем кинооператор попросил всех стать перед аппаратом и снял на пленку беседу индийских и ленинградских деятелей кино. Несколько ленинградских режиссеров и артистов обратились к своим друзьям из Индии с приветственными речами. Ответные слова приветия и благодарности вы-

сказали и все индийские мастера искусство. и речи были также зафиксированы на пленку.

Несколько дней гости осматривали достопримечательности Ленинграда, его дворцы, музеи, памятники. Они побывали в театрах, слушали оперы, смотрели балеты, которые их совершенно очаровали. Индийские друзья познакомились с работой различных культурных учреждений Ленинграда, ездили туда, куда желали, беседовали с теми людьми, с кем им хотелось встретиться.

После торжественного приема в честь индийской делегации, устроенного студией «Ленфильм», был дан обед. Я приветствовал деятелей кино Индии, высказав большое удовлетворение, что они могли приехать к нам и самым подробным образом познакомиться с тем, как живут и трудятся на благо мира советские кинематографисты, деятели искусств и весь советский народ в целом. Я говорил о том, что этот приезд уже навсегда сблизил нас, советских деятелей кино и мастеров кинематографии Индии.

М. Бхаттачария рассказывал нам о своих впечатлениях от поездки по Советскому Союзу. Он с восхищением говорил, что его самого и его соотечественников поразили чудесные возможности духовного и культурного развития, которые предоставлены народу в Советском Союзе. Он говорил о тех изумительных условиях для творчества, которыми располагают советские мастера искусств.

— Когда мы вернемся в нашу страну,— сказал М. Бхаттачария,— мы будем долго и много рассказывать своим друзьям о том, что видели у вас, мы вечно будем помнить горячий прием, который нам всюду оказывали советские люди.

Артистка Матхурам, с которой мы познакомились в Бомбее, сказала:

— Наша жизнь похожа здесь на сказку. Я присутствую, как Золушка, на чудесном празднике жизни в Советском Союзе.

В заключение слово было предоставлено мне. Я говорил о том, что прежде Индия для многих из нас была далекой и недоступной страной, и, казалось, очень трудно завязать дружбу с деятелями искусств Индии.

Пудовкин

а в гостях у индийских кинематографистов, мы с Пудовкиным обрели многих друзей в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе и других городах. Нас также согревали улыбки и Манораджан Бхаттачария, Притхви Раджа, и Мулк Радж Ананда, и Нимай Гхоша, который показал нам тогда свою картину «Обездоленные». А вот сегодня мы видим многих из своих старых индийских знакомых у себя, в среде советских кинематографистов в Ленинграде. Дружбу создают трудовые люди. И начало большой дружбы между деятелями искусств Индии и Советского Союза должно стать основой вечных дружеских отношений, основой борьбы за мир и дружбу между народами. Ни несколько тысяч километров пути, которые проделали мы с Пудовкиным и наши индийские друзья, ни высокие горы Гималаев, разделяющие нас территориально, не могут помешать проникновению в Индию правды о великом, многонациональном, но едином Советском Союзе. Мы убеждены в том, что индийские кинематографисты будут правдиво рассказывать своему народу о том, что они видели у нас, в стране социализма. Мы убеждены в том, что вслед за этими делегациями последуют новые. И в этом мы видим залог большой дружбы между нашими великими народами, дружбы, которая будет шириться и укрепляться и никогда не угаснет.

Теперь наши индийские друзья уже у себя на родине. От них во многом зависит просвещение своего народа, помощь ему в его борьбе за мир, за подлинную демократию, за права простого человека. И одним из средств этой борьбы является прогрессивное индийское искусство.

Редактор *Вс. Воеводин*

Художник *И. Серов*

Техн. редактор *С. Брусиловская*

Корректоры *Н. Тырса* и *П. Суздальский*

М 33380 Подписано к печати 12/IX 1952 г.

Формат бумаги 84×108/32—2,31 бум. л.—

—7,58 печ. л. Авт. л. 6,53 Уч.-изд. л. 7,03

Тираж 30 000. Заказ № 2430.

Цена 3 р. 10 к.

(по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 2 Ленгорполиграфиздата
Ленинград, Социалистическая, 14

3 p. 10 a.

